

История
Общество
Политика
2020
№1(13)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 1(13)
2020**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2020. №1 (13)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 29.03.2020

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2020
© Коллектив авторов, 2020

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 1 (13)
2020

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2020. №1 (13)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 29/03/2020

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Executive Secretary: **A.A. Chubur** - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2020

© Authors, 2020

Содержание

<i>Артамошин С.В.</i> Эрнст Юнгер: воин, писатель, мыслитель (1895-1998). К 125-летию со дня рождения.	7
<i>Артамошин С.В.</i> Сочинение Э. Юнгера «Мир»: к рождению нового мира	17
<i>Ланник Л.В.</i> Эрнст Юнгер и германская военная элита: к проблеме взаимоотношений	34
<i>Моисеев Д.С.</i> Юлиус Эвола и Эрнст Юнгер: от политического радикализма к <i>apoliteia</i>	42
<i>Сипливый Г.И.</i> Эрнст Юнгер в контексте «национальной революции»	53
<i>Смирнов Д.А.</i> Трансформация позиции нигилиста в идеях Эрнста Юнгера в первое послевоенное десятилетие (1945 – 1955 гг.)	65
<i>Терехов О.Э.</i> Эрнст Юнгер и консервативная революция в историографии	74
<i>Шутилов Н.В.</i> Эрнст Юнгер и его образ в мировоззрении французских «новых правых»	81
О СЕТЕВОМ ИЗДАНИИ «ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА»	88

ЭРНСТ ЮНГЕР

(29 МАРТА 1895 – 17 ФЕВРАЛЯ 1998)

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

УДК 94(430)"1895/1998"JUNGER

С.В. Артамошин

ЭРНСТ ЮНГЕР: ВОИН, ПИСАТЕЛЬ, МЫСЛИТЕЛЬ (1895-1998). К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Аннотация: Статья посвящена биографии германского писателя и консервативного мыслителя Эрнста Юнгера. Рассматриваются этапы его биографии, политическая, военная и интеллектуальная деятельность от Кайзеррейха до ФРГ.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, консервативная революция, история Германии.

S.V. Artamoshin

Ernst Junger: warrior, writer, thinker (1895-1998). To the 125th Anniversary of Birth

Abstract: The article is dedicated to the biography of German writer and conservative thinker Ernst Junger. The stages of his biography, political, military and intellectual activity from Kaiserreich to Germany are considered.

Keywords: Ernst Junger, conservative revolution, history of Germany.

29 марта 2020 г. поклонники творчества немецкого мыслителя и писателя Эрнста Юнгера будут праздновать первый его юбилей без него. Свое столетие со дня рождения он смог отметить в кругу близких ему людей, получив знаки внимания со стороны германских политических деятелей, таких как федеральный канцлер ФРГ Х. Коль, близких друзей, руководства издательства Клетт-Котта, которое издавало и издает до сих пор творческое наследие этого своеобразного германского мыслителя. Эрнст Юн-

гер пришел и в Россию в 2000 г. переводом знаковых произведений – «В стальных грозах» и «Рабочий. Господство и гештальт». За двадцатилетний период шестивия Э. Юнгера по российскому интеллектуальному пространству он завоевал своих поклонников и можно смело надеяться на то, что духовный пыл и подвижничество юнгеровских энтузиастов позволит донести до русского читателя творчество германского писателя (собрание сочинений Э. Юнгера, изданное издательством Клетт-Котта составляет 22 тома). В этом году ему бы исполнилось 125 лет со дня рождения, и в этой связи данный выпуск посвящен исключительно творчеству Эрнста Юнгера.

Данная работа представляет собой историческое эссе, призванное познакомить читателя со страницами жизни немецкого писателя и консервативного мыслителя Эрнста Юнгера, жизненный путь которого, по словам его биографа Х. Швильке, представляет собой «жизнь столетия». Данное утверждение, без всякого сомнения, представляется оправданным, достаточно взглянуть на годы жизни юбиляра, который захватил закат долгого XIX века и целиком короткий XX век. Для любого профессионального историка это уже говорит о многом. Эта жизнь пришлось на XX век, одно из самых жестоких столетий, с точки зрения современников, хотя в истории человечества вполне достаточно столетий, которые ужасали современников, но мировые катастрофы двух мировых войн разительно выделяют это столетие на фоне всех остальных.

Эрнст Юнгер родился 29 марта 1895 г. в Гейдельберге. Его родители были людьми оригинальными и модернистскими. Отец Эрнст Георг Юнгер происходил из лютеранской семьи преподавателя гимназии из Ганновера, изучал химию и по настоянию отца овладел профессией фармацевта. Он надеялся на успешную научную карьеру, будучи ассистентом профессора Виктора Мейера, но его самоубийство из-за нервной депрессии в 1897 г., а также заботы о любимой женщине и сыне, заставили его окунуться в область практической деятельности, которая бы позволила содержать своих близких. Я умышленно воздерживаюсь от слова «семья», так как родители заключили брак, когда их сыну Эрнсту было 2 года, в 1897 г. на острове Гельголанд. Это было сделано накануне рождения второго сына Фридриха Георга. Мать Эрнста Юнгера, Каролина Юнгер, урожденная Лампл, происходила из католической семьи мюнхенских торговцев. Эта была очень современная девушка, увлекавшаяся искусством и литературой. Встреча со студентом-химиком в картинной галереи оказалось для нее судьбоносной. Она связала с ним свою жизнь, несмотря на нарекания семьи, шокированной не только добрачной беременностью, но и тем, что будущий отец не обладал социальным положением и был к тому же атеистом.

Родители повлияли на своего первенца каждый по-своему: отец привил ему любовь к природе и естествознанию, философии и научному взгляду на мир, а главное научил сына уметь оказаться рядом в критический момент, помочь, поддержать своего ребенка, когда ему угрожает опасность. Достаточно вспомнить действия отца, когда Эрнст сбежал во Францию и завербовался в Иностранский легион, из которого его вытащил именно отец, вовремя вмешавшись. Также впоследствии поступил Эрнст Юнгер, когда его сын Эрнст, которого он называл Эрнстель, будучи курсантом морского училища, оказался арестован за политические разговоры, точнее высказывание, критикующее Гитлера, и оказался перед угрозой военного трибунала. Эрнст Юнгер тогда оказался рядом, и благожелательное отношение морских офицеров к нему и его имени, смогло спасти сына от расстрела, но не от отправки на фронт в Италию и его гибели в боевой разведке под Каррарой. Также следует вспомнить и о практических советах, которые отец дал сыну, советы, изменившие его жизнь и сделавшие его имя. Речь идет не только о том, чтобы в 1915 г. записаться на офицерские курсы, хотя это сыграло свою роль в годы Великой войны, но прежде всего о его предложении вести фронтной дневник, а после войны пе-

реработать и издать его фронтовые впечатления в виде книги «В стальных грозах». Это стало его входным билетом в литературный и интеллектуальный мир Веймарской республики. От матери Эрнст позаимствовал «жажду чтения», ее увлеченность художественной литературой, которая стала профессиональным занятием не только Эрнста, но и Фридриха Георга.

Детство Э. Юнгера было временем скитаний, когда семья переезжала из города в город, что приводило к частой смене школ и одноклассников. Он с трудом переносил изменения и учился по необходимости. Вообще, вспоминая школьные годы, Эрнст писал об ужасе, который возникал при одной мысли, что ему придется, забросив ранец за спину, идти в школу. Друзей в школе не находилось, учителя были недовольны его слабой учебной работой, когда из-за низкой успеваемости приходилось переходить из гимназии в школу, из школы в реальное училище, из училища в интернат. Друзья появились уже в подростковом возрасте, а до этого их заменяли книги и брат Фридрих Георг, с которым близкие отношения, интеллектуальное и творческое общение поддерживалось вплоть до смерти. Если говорить о семье Юнгеров, то кроме Эрнста, в ней росли 3 мальчика и 1 девочка, еще 2 ребенка умерли в младенчестве. Эрнст был старшим, за ним: второй сын Фридрих Георг (1898-1977), единственная сестра Иоганна (Ханна) Гермина (1899-1984), третий сын Ганс Отто (1905-1976) и четвертый сын Вольфганг (1908-1975).

Эрнст Юнгер и Фридрих Георг Юнгер (рисунок А. Пауля Вебера)

В детстве у Эрнста Юнгера сформировалось *Das abenteuerliche Herz*, что можно перевести как «авантюрное сердце», или «сердце искателя приключений» (А. Михайловский), или «рискующее сердце» (В. Микушевич). Это выразилось не только в мальчишеских играх в Тридцатилетнюю войну в ганноверском лабиринте, погружения в мир литературных героев приключенческих романов, странствия по книгам путешествий, но и конкретных поступках. Конечно, здесь следует отметить его побег в Иностранский легион, с мечтой о дезертирстве и скитаниям по Африке. В 1913 г. он записывается в Вердене в Иностранский легион и отправляется в Африку. Однако отец, используя юридические и дипломатические рычаги, смог в начале декабря 1913 г. вернуть блудного сына дома, перед отъездом посоветовав сфотографироваться в легионерской форме на память. Память о первом приключении сохранилось в виде фотографии молодого легионера. Однако это было всего лишь отсрочкой.

Уже в следующем году Э. Юнгер вступил на тропу приключения, которое изменило его жизнь, придало ей осмысленность и будущую профессию. В августе 1914 г. началась Великая война. Как впоследствии писал Фридрих Георг, «война была нашим отцом», дав тот жизненный опыт, опыт экстремальный и опасный, которым Э. Юнгер гордился всю жизнь, и память о котором никогда не предал. Он старался забыть свою публицистическую деятельность в годы Веймарской республики, как бы вычеркивая ее из своего наследия по разным причинам, и я не думаю, что они были конъюнктурными. Однако память о первой войне он всячески оберегал.

*Эрнст Юнгер в Иностранном Легионе
(1913)*

1 августа 1914 г. Германская империя объявила войну Российской империи, и уже 4 августа Эрнст Юнгер записался добровольцем в 73-й фузельный Ганноверский полк принца Альбрехта Прусского, солдат которого называли «гибралтарцами». Уже осенью 1914 г. он оказался на Западном фронте, где пришлось провоевать всю войну, до 1918 г. Мы не станем останавливаться на военной биографии Э. Юнгера, так как желающие могут сами ознакомиться с ней, взяв в руки его книгу «В стальных грозах», а эстеты, обратившись к военным дневникам, фронтовым письмам к семье, а также его военной трилогии. Его фронтовой опыт был внушительным: позиционная война, битва при Камбре, сражение на Сомме. Это «отметины, которые мы носим на теле» - 7 ранений и 14 шрамов на теле – это память о Великой войне, которую он сохранил. Э. Юнгер прошел путь от добровольца до командира штурмовой роты, закончив войну лейтенантом пехоты. Военские награды также внушительны: орден Железного креста I и II степени, Рыцарский крест придворного ордена Гогенцоллернов, кавалер ордена Pour le Mérite («Голубого Макса»), полученного в сентябре 1918 г., а также Золотой знак за ранение.

Германская революция 1918 г. привела к крушению монархии и утверждению Веймарской республики. Э. Юнгер в первые годы республики, которые представляли собой борьбу за власть, чередующуюся вооруженными восстаниями, уличными боями между партийными группировками, самозащитой республики, политическими убийствами, прошли для него относительно спокойно. Склонность биографов и исследователей творчества Э. Юнгера подчеркивать его авантюрную черту, совершенно не подтверждается событиями первой половины 1920-х годов. В то время как одних бросает во фрайкоровские бои на окраинах Германии и оккупированных территориях бывшей Российской империи, к участию в военизированных отрядах гражданской самообороны, или попытках установления военной диктатуры, в любом случае действиях праворадикальных сил Веймарской республики. Или же, как других, избирающих дорогу левых политических сил, стремящихся к созданию народной армии или к участию в коммунистической заговорческой деятельности.

Эрнст Юнгер (слева) в годы Великой войны

Эрнст Юнгер после Великой войны

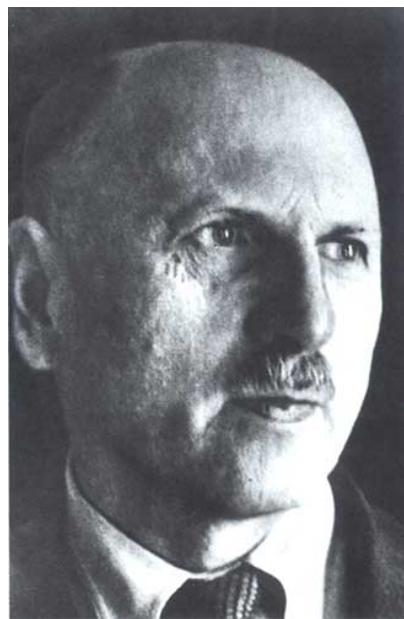
Эти два пути проходят мимо Э. Юнгера. Вообще Юнгер, склонный фиксировать то, что происходит вокруг, размышлять об этом либо непосредственно, когда происходят события, либо спустя годы, вспоминая ушедшее, обходит этот период гробовым молчанием, не оставляя даже штрихов своей деятельности. Их можно найти в его военных произведениях тех лет «Штурм», «Бой как внутреннее переживание», «Перелесок 125», «Огонь и кровь». Но это всего лишь рефлексия о войне в разных временных и пространственных ракурсах. Он служит сначала во временном, потом постоянном рейхсвере, привлеченный к написанию нового пехотного устава. Однако встает вопрос – почему он оказался в рейхсвере? Ответ возможен на уровне предположений. Это не связано с близостью с Оскаром фон Гинденбургом, сыном генерал - фельдмаршала П. фон Гинденбурга, героя Великой войны и будущего второго и последнего президента Веймарской республики, или его воинскими заслугами, которые отрицать не приходится, но при этом следует помнить о кастовости офицерского корпуса и его сокращении по условиям Версальского мира, в то время как Э.Юнгер был лейтенантом войны, имевший военный опыт, но не базовое образование. Нам

представляется, что причиной его сохранения в рейхсвере, стабильном денежном довольствии, которое получал офицер и статусе, который он сохранял в обществе, было как раз стремление избегать авантюры и писательское дарование, которое стало оформляться в эти годы.

После периода «битвы за республику», который завершился в 1923 г. и привел к стабильности веймарской системы, Э. Юнгер в 1923 г. уходит в отставку и становится студентом

Лейпцигского университета, изучая зоологию и философию. Вторая половина 1920-х годов была временем активной праворадикальной публицистической деятельности Э. Юнгера в интеллектуальном пространстве «консервативной революции». Его публицистика превратила военного писателя в политического деятеля, стремившегося силой слова поднять массы на демонтаж веймарской системы. Он становится убежденным критиком демократической системы и либерализма, одним из ярких публицистов национальной революции. Впоследствии он рассматривал свою деятельность сквозь тень нацизма, стараясь о ней не вспоминать. Неслучайно, что его политическая публицистика не была им включена ни в одно из собраний сочинений, и была издана уже после его смерти. Но для тех, кого интересует история правой политической мысли Веймарской республики, она составляет важную и яркую часть наследия. Уже тогда его блестящее перо и тонкое чувство слова превращали писателя в культовую фигуру правого лагеря, фигуру над массами, но не в вождя масс.

В начале 1930-х годов намечается отход Э. Юнгера от политической публицистики к философскому диагнозу современности, что отразилось в составлении сборника «Война и воин», своеобразном итоге его военной страницы жизни, в котором он выступил как философский мыслитель с эссе «Тотальная мобилизация», и, конечно, опубликованный в 1932 г. «Рабочий. Господство и гештальт». Это были берлинские годы жизни, где все братья были вместе, где происходила салонная жизнь и интеллектуальное общение. В это время Э. Юнгер близко сошелся с Э. Никишем, с которым сотрудничал в его журнале «Widerstand». Общение с ним, этим ярким ренегатом от социал-демократии, сблизило его с идеями социализма, хотя, как впоследствии он писал, го мир не ограничивался Марксом, но Маркс достаточно хорошо вмещался в него. Он высоко ценил взгляды Э. Никиша и поддерживал отношения с его семьей даже тогда, когда нацисты заключили его в тюрьму.

Э Никиш

Второе яркое знакомство берлинского пера, которое поддерживалось на протяжении пятидесяти лет – это знакомство с Карлом Шмиттом, одним из крупнейших консервативных мыслителей Германии XX века. Это не только письма, которые изданы, но и встречи и семейные связи. Карл Шмитт был крестным отцом второго сына Э. Юнгера Александра. История их отношений – это особая страница интеллектуальной истории Германии XX века.

Приход нацистов к власти в 1933 г. и последующая нацистская диктатура 1933-1945 гг. – это особая страница в истории Германии, критический компонент которой составляет основу политической культуры современной Германии. Тема Э. Юнгера и нацизм является предметом специального исследования, где следует уточнять каждый шаг, контекст, нюансировку, чтобы не скатиться к риторике либералов или антифашистов (читай – коммунистов), которые широким махом записывают всех в сторонники нацистской идеи. Следует сразу сказать, что нацисты были бы рады получить в свои ряды писателя Э. Юнгера, который был ярким автором книг о Великой войне. А. Гитлер высоко ценил Э. Юнгера как окопный фронтовик, прошедший и переживший войну в траншеях Западного фронта, высоко оценивший, как и многие, его книгу «В стальных грозах». Однако «роман» Гитлера и Э. Юнгера не состоялся в силу того, что последний прекрасно знал, чем может закончиться такой политический брак. Э. Юнгер не

был конформистом и в НСДАП не вступил, от контактов с Геббельсом уклонился под призрачным благовидным предлогом, который был прекрасно понят нацистским министром пропаганды как отказ. Не случайным было то, что Э. Юнгер покинул столицу и уехал в германскую провинцию, подальше от больших городов. Его обостренное чувство опасности и инстинкт самосохранения проявился в нацистское время в полной мере. Он старался быть аккуратным, прекрасно понимая, чего стоят старания лемуринов, которые в нацистское время диктовали жизнь. Посещение гестапо его дома в связи с подозрительными связями, в основном среди левых деятелей Веймарской республики, привели к тому, что Э. Юнгер мгновенно, без сожаления сжег переписку с разными немецкими левыми, в том числе с Э. Никишем, а также свой дневник 1933 года, о чем, спустя десятилетие, с грустью вспоминал. Он старался не дать нацистам повода, не понимая того, что в условиях нацистской диктатуры повод совершенно не нужен, достаточно просто человека, которого можно заключить в тюрьму или убить. Началось время внутренней эмиграции, когда Э. Юнгер отошел от политических тем на собственных страницах, но не в разговорах с теми, в ком был уверен, например, с К. Шмиттом.

Эрнст Юнгер и Карл Шмитт (1941)

Начавшаяся Вторая мировая война вновь вернула его в армию. Накануне начала Польской кампании Э. Юнгер был призван в строй и получил очередное воинское звание – гауптманна, с которым он и закончил войну в 1944 г. Вторая война отличалась от первой, но и имела общие черты. Отличие состояло в том, что Э. Юнгер начал ее строевым офицером пехоты, но во втором эшелоне, так и не приняв активного участия в боях германского блицкрига. В дальнейшем он был стараниями друзей переведен в штаб, службу в котором он и нес с 1941 по 1944 годы. Общим было то, что это был снова Западный фронт, который, в отличие от Великой войны, был достаточно спокойным. Служа в парижском штабе оккупационных войск Э. Юнгер смог наблюдать нацистскую политику, которая критиковалась среди офицеров штаба в узком кругу. Парижский круг общения сблизил его с рядом офицеров, причастных к Движению 20 июля 1944 г. Именно на парижские годы приходится дружба Э. Юнгера с Г. Шпейделем, начальником штаба оккупационных войск, сделавшим в ФРГ блестящую военную карье-

ру. Парижская жизнь и кавказская поездка в 1942 г. запечатлена на страницах его дневника «Излучения». Избежав чистки после покушения на Гитлера 20 июля, Э. Юнгер был отправлен в отставку и вернулся домой. Ему было 49 лет. Германия еще воевала. Создавался фолькштурм, в котором он не участвовал, в отличие от гражданского профессора права Карла Шмитта, никогда не державшего в руках оружия, и, тем не менее, призванного в ряды. В историческом хаосе последних месяцев нацистской Германии это выглядело странным.

В оккупированной Германии Э. Юнгер оказался в западной зоне, что, во многом и предопределило его дальнейшую жизнь. Несколько лет запрета на публикацию произведений в оккупированной зоне, но при этом начавшийся ренессанс Э. Юнгера во Франции, позволил писателю переосмыслить прожитую жизнь. Подведя черту под политической публицистической деятельностью статьей «О линии», и последующим сочинением «Уход в лес», он перешел в плоскость философской литературы магического реализма, которую достаточно топорно называют антиутопией. Следует выделить романы «Гелиополь» (1949) и «Эвмесвиль» (1977), которые связаны между собой. Переехав в Вильфлинген, Э. Юнгер занялся литературой и эссеистикой. Тем не менее, он не отошел от стремления вести дневник и в 1990-е годы выходит его 5-томник «Семьдесят минуло».

Э. Юнгер в годы Второй мировой войны

В художественной литературе и политической культуре ФРГ Э. Юнгер не занимал должного места, да и сам он не стремился следить и читать современную германскую литературу. Либеральное общество ФРГ с подозрением наблюдало за неполитической прозой немецкого писателя. Поколение 1968 года достаточно узколобо называло Э. Юнгера фашистом или профашистом, но эти собачьи ярлыки мало озадачивали писателя. В конце 1970-х годов литературные заслуги писателя были оценены государством: в 1977 г. он был награжден орденом «За заслуги перед ФРГ», в 1982 г. премией Гёте города Франкфурта, которая вызвала политический резонанс в политических и журналистских кругах ФРГ. Знаковым событием стало участие в 1984 г. в шествии в Дуомон, символическом примирении Германии и Франции, когда ветеран Великой войны Эрнст Юнгер, федеральный канцлер ФРГ Х. Коль и президент Франции Ф. Миттеран прошли к знаменитому форту. В 1985 г. в 90-летие ему был присужден орден «За заслуги перед ФРГ», большой крест со звездой и плечевой лентой. Э. Юнгер с радостью принял объединение Германии в 1990г., что было для него особенно важным, так как он смог посетить могилу родителей, куда он был недопущен в ГДР как нежелательная персона. Свой столетиний юбилей Э. Юнгер встретил в центре внимания тех, кому он был дорог, и кто по достоинству оценил его творчество как мыслителя и литератора. К тому моменту он остался последним кавалером ордена *Pour le Mérite*, заключая в себе остатки кайзеровской империи. Однако фактически он включал в себя все перепетии германской истории XX века, ее взлеты и падения.

Эрнст Юнгер с кошкой

На пути в Доумон. Э. Юнгер, Ф. Миттеран и Х. Коль

26 сентября 1996 г. Э. Юнгер вернулся в римско-католическую церковь, спустя 101 год после рождения. 17 февраля 1998 г. в 11.45 по телетайпу поступило сообщение: «Писатель Эрнст Юнгер умер». Возле главного алтаря католической церкви святого Иоганна Непомука в Вильфлинге стоял украшенный белыми лилиями гроб, в котором лежал последний рыцарь Pour le Mérite. Рядом стоял священник Роланд Нибель и роттенбургский капитуляр Вернер Гросс, играл реквием. Он был захоронен в Вильфлингене, в семейной усыпальнице. Три памятника из белого мрамора из Карраре были размещены в усыпальнице. По краям были памятники его сыновьям Эрнсту и Александру. Между ними покоилась их мать, первая жена Эрнста Юнгера Грета. Вторая супруга Э. Юнгера Лизолетта положила в гроб к Эрнсту Юнгеру «Голубой крест» Pour le Mérite. В вечность ушел человек, который был сейсмографом и хронистом XX века.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 94+329.11(430)“1943/1946”

С.В. Артамошин

СОЧИНЕНИЕ Э. ЮНГЕРА «МИР»: К РОЖДЕНИЮ НОВОГО МИРА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению политического манифеста Э. Юнгера написанного в годы Второй мировой войны. Манифест отражает размышления писателя о проблеме послевоенного устройства, совпадавшей с политической позицией оппозиционных кругов во Франции, причастных к заговору 20 июля 1944.

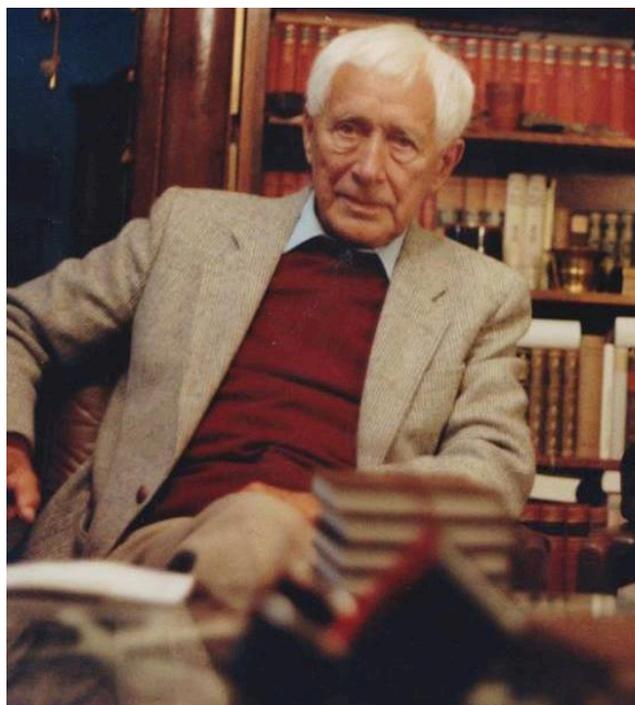
Ключевые слова: Э. Юнгер, послевоенный мир, Вторая мировая война.

S. V. Artamoshin

E. Junger's essay "the World": to the birth of a new world.

Abstract: the Article is devoted to the political Manifesto of E. Junger written during the Second world war. The Manifesto reflects the writer's reflections on the problem of the post-war structure, which coincided with the political position of the opposition circles in France involved in the plot of July 20, 1944.

Keywords: E. Junger, the post-war world, the Second world war.

Война, как это происходило на протяжении всей жизни Э. Юнгера, была тем источником, который подталкивал его к наблюдениям и оценкам. Способность к наблюдению было отличительной чертой его личности и давало возможность увидеть и почувствовать изменения, происходящие в окружающем мире, уловить незаметную для внешнего взгляда внутреннюю трансформацию личности, надлом, приводящий либо к становлению, либо влекущий за собой деградацию, варваризацию личности. Конечно, сравнение Первой и Второй мировых войн совершенно различно в юнгеровском мировосприятии. Опыт Второй мировой войны был дистанционным по сравнению с окопными переживаниями Первой. И конечно, сказывался возраст и жизненный опыт. Находясь вдали от линии фронта, в оккупированном Париже, Э. Юнгер задумался о послевоенном устройстве мира в тот момент, когда развитие войны на Восточном фронте не вселяло еще причин для беспокой-

ства. Поэтому выводить появление текста, получившего впоследствии название «Мир» из изменений на германо-советском фронте все-таки не следует. Но понимание того, что военная стратегия кампании дала сбой, затормозив на мощном рывке блицкриг, все-таки улавливалось. Однако же, конечно, в ходе написания манифеста изменение общего характера войны, знакомство путем общения или личных наблюдений с их отражением корректировали направлением его размышлений, но все же толчок к обращению к данной теме, был дан друзьями.

Импульс к написанию сочинения был дан гамбургским торговцем и меценатом Альфредом Тёпфером, который, как и Э. Юнгер, находился в Париже и служил гауптманном в штабе немецкой оккупационной администрации [9. S.521]. Именно он убедил Э. Юнгера изложить свои взгляды на будущий мир, на перспективу обустройства Европы в конце войны. Кстати, именно Тёпфер передал ганзейскому книгоиздателю Бенно Циглеру рукопись манифеста в августе 1944 г. [10. S.451]. В «Кирххорстских листах» Э. Юнгер записал 9 сентября 1944 г.: «Визит Циглера, с которым я обсудил публикацию мирного воззвания. Он всегда носит его в портфеле» [4. С. 628]. Написанный в Париже в 1943 г. Манифест «Мир» был опубликован в Амстердаме в 1946 г.

Первые размышления над проблемой будущего мира отмечаются уже в январе 1942 г. Среди узкого круга штабных офицеров в отеле «Рафаэль» в Париже, с которыми Э. Юнгер мог быть откровенным. Вообще атмосфера парижской фронды давала повод к обсуждению, в том числе и политических проблем, среди которых судьба войны, после того, как Восточный фронт замер и немецкие войска были отброшены от Москвы, а в войну вступили США, и Германия теперь воевала со всем миром, представлялась наиболее злободневной. Это обсуждение представляло собой попытку понимания наметившегося кризиса войны. 13 января 1942 г. Э. Юнгер впервые фиксирует свое обращение к теме мира: «Серьезный разговор с Мерцем и Хаттингеном, в котором я развил перед ними основные положения моей работы о мире» [6. С.78].

В конце июля 1943 г. Э. Юнгер приступил к написанию текста. 26 июля 1943 г. Он записал: «Тёпфер, как в последнее время многие, обратился ко мне с предложением: <Вам надо подготовить воззвание, обращенное к молодежи Европы>» [2. С.408]. Уже на следующий день Э. Юнгер начал подготовку текста: «Начал воззвание, разделив его на тринадцать частей, - все это заняло полчаса. Нужно писать доступно и просто, но без общих мест» [2. С.409]. 28 июля 1943 г. Он записал: «Работал над воззванием. Набросал план первого отрывка что-то вроде напутствия, имеющего свои трудности, ибо с самого начала следует задать общий тон и при этом быть эмоциональным. Пишу не так, как при первой попытке, зашифровано, а открытым текстом» [2. С. 409]. Работа продвигалась достаточно быстро, причем тональность текста пересекалась с его работами начала 1930-х годов, в которых Э. Юнгер разрабатывал концепцию Рабочего и техники и роли Боли в изменении окружающего. В записи от 6 августа 1943 г. он отмечает, что «до полудня работал над воззванием, а именно над третьей главой, где следует написать, что семенем, из коего война произрастит плоды, является жертва. Наряду с солдатами, рабочими, невинными страдальцами я не могу умолчать и о жертве тех, кто погиб в результате кровожадной и бессмысленной бойни. Именно на них, как когда-то на замурованных в сваи моста детях, будет построен новый мир» [2. С. 416]. Развивая концепцию жертвы, Э. Юнгер иерархизирует жертвы: «Хочу сопоставить четыре слоя, все более и более плодотворных: жертву активно действующих, т.е. солдат и рабочих обоего пола, жертву обычных страдальцев, усиленную жертвой гонимых и замученных, и , наконец, жертву матерей, в которую каждая из предыдущих вливается, как в глубочайший резервуар боли»[2. С. 417-418].

Уже в середине сентября 1943 г. Э. Юнгер завершил первую часть воззвания. «До полудня закончил, сидя в <Мажестик>, первую часть воззвания, озаглавив ее <Жертва>»[2.

С.461]. На следующий день, 20 сентября 1943 г., он продолжил работу над текстом: «Начал вторую часть воззвания: <Плод>»[2. С.462]. Текст шел довольно легко. Активно работая над ним в течение октября 1943 г., Э. Юнгер обсуждал структуру и содержание с близкими людьми, которым он доверял, и с глазу на глаз, в частности, с Шуленбургом[2. С.473]. В записи от 9 ноября 1943 г. Э. Юнгер отмечает: «Сегодня закончил переписывать воззвание. Хотелось бы знать, какая судьба ожидает эту работу. Леону Блуа, пожалуй, понравится, что она направлена <против всех>. Расцениваю как добрый знак, что она мне вообще удалась» [2. С.496].

Конечно, надеяться на публикацию текста не приходилось. Э. Юнгер это прекрасно понимал, и будучи человеком осмотрительным, не допускал того, чтобы содержание текста приобретало огласку. Спрятав его в сейфе отеля, он периодически возвращался к нему, как это он делал со многими своими произведениями. Это давало возможность еще раз продумать положения и отточить стиль. Спустя полгода после завершения воззвания, Э. Юнгер оставил следующую запись в своем дневнике: «Просматриваю воззвание дальше. Вижу, что многие из моих взглядов – в частности, оценка войны, христианства и его длительности – изменились. Но никогда не знаешь, роясь в этих старых шахтах, когда наткнешься на мины» [2. С.556].

Тем не менее, воззвание о мире находило своего читателя, в том числе среди генералитета вермахта, в частности, с ним познакомился генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель, по предложению и совету своего начальника штаба Г. Шпейделя [1. С.399-400]. Э. Юнгер записал 1 мая 1944 г.: «Шпейдель попросил рукопись воззвания для Роммеля, которому захотелось ее почитать»[2. С.573]. Вспоминая спустя годы этот эпизод, Э. Юнгер отмечал, что «Роммель знал его (воззвание <Мир> - С.А.) уже раньше, даже один из первых. Его мнение: <С этим можно работать> или нечто подобное – во всяком случае, имелось в виду политически» [8. С.543]. Скорее всего, речь шла о том, что мысли немецкого консерватора о будущем политическом устройстве Европы могли послужить основой политической позиции тех, кто выступал за необходимость прекращения войны, которое было возможно только посредством останковки ее мотора, энергетической силы – Адольфа Гитлера. Назвать трактат «Мир» политической программой движения 20 июля 1944 г. было бы очень смело, вместе с тем, его оформление и написание происходило в атмосфере критики А. Гитлера и идущей войны, салонных разговоров офицеров парижского штаба, которые позднее приняли участие в заговоре, были арестованы за причастность к нему и прошли свой скорбный путь. Реакция Э. Роммеля, переданная ему Г. Шпейделем, убедила его в правильности рассуждений, и заставило его вновь перечитать воззвание. 1 июля 1944 г. Э. Юнгер отметил: «Еще раз просматриваю воззвание согласно своему правилу, что работу можно переписывать до бесконечности» [2. С.602].

Чувство окончания войны, которая, как и первая, заканчивалась катастрофой, но ощущения от этого были иными. Не было той внутренней убежденности в правоте и уверенности в том, что дело, за которое сражаешься, стоит пролитой крови. Возвышенная гордость сменялась грустным осознанием катастрофы. Однако в этой грусти теплилась надежда на будущее, на обновление и перерождение. Прохождение через эту боль страдания, видимо, было национальной чертой немцев, когда лишенные налета славы, они оставались на распутье и способность к осознанию приходит только на краю падения. «Андромеда: с царскими дочерьми вроде нее – то же, что и с германскими племенами, которые должны были пережить насилие христианства, перед тем как познали его глубину. Они способны любить, лишь когда их приводят к пропасти в жертву дракона»[6. С. 94]. Надежда на восстановление прошлого положения могла реализоваться только в результате прекращения войны, которая могла завершиться естественным образом и для Германии это станет выгоревшей пустыней, на которой еще долгие годы не будет произрастать ничего, либо даже на пепелище взойдут ростки будущего, кото-

рые, пробиваясь сквозь шлак нацистской системы, создадут новое общество, свободное от бремени нацизма.

Поиски мира в условиях войны – это нахождение на распутье, когда никто не знает, какая из дорог окажется правильной и приведет к желаемому, а что может обернуться неудачей и ошибкой. Заблуждением будет то, что поиск пути будут вести те, кто не был причастен к войне. Скорее причастность к ней позволит им лучше понимать современность и послужит основанием для принятия ответственности за будущий мир. Э. Юнгер в момент начавшегося крупного наступления вермахта на Восточном фронте, операции «Цитадель», записал: «Люди сегодня под старыми знаменами борются за новый мир; они воображают, что находятся все еще в тех пунктах, откуда вышли. Но здесь не стоит слишком умничать, что заблуждение, в коем они пребывают, необходимо для действий – оно составляет их механику. Позиция немцев выгодна для них, и выяснится это именно в случае поражения. Именно тогда вторичные преимущества отодвинутся на задний план, оставив только первичные, например преимущества недвусмысленного положения. Тогда и обнаружится, как удачно сказал Ривьер, что немцы – народ не <или-или>, а <и то и другое>. Они обретут два пути, вместо одного – единственного, как сегодня, на котором заблудились. Именно от них будет зависеть, повернется ли мир в XX веке на Восток или на Запад, или же здесь возможен синтез» [2. С.398]. Упомянув о синтезе, Э. Юнгер возвращался к своим мыслям 1920-х годов, отражавших модель комбинирования германского национализма, а точнее стремления сохранить национальную кровную и духовную особенность, с социалистическим моделированием. Эта направленность мысли, вписывающаяся в национал-большевистский дискурс, была стремлением определить ситуацию технически обновленного мира. Поиск реализации нации, вошедшей в пространство технически изменяемого мира, происходившей в первой половине XX века, расплавлялся в войне, но именно она давала надежду на то, что пережившие ее, смогут избежать ошибки предшествующих. 7 марта 1944 г. Э. Юнгер записал: «От того, как пойдут дела в России и Европе, может быть, уже завтра зависит надежда на воплощение духовных миров, которые мы в муках рождаем. Тогда исчезнет и кошмар, крадущий ныне у столь многих радость жизни: темное чувство творить среди бессмыслицы, в пространствах уничтожения, чистой случайности. Всем, наконец, станет ясно, что в эти годы происходило в России, Италии, Испании, Германии, ибо есть глубины страдания, как навечно останутся бессмысленными, если не дадут плода. Огромная ответственность лежит здесь на тех, кто выживет» [2. С.549-550].

Задумываясь о путях выхода из войны, Э. Юнгер рассматривал необходимость избежать национального превосходства или национального унижения. Это является проявлением национальной ограниченности стиля политики XIX века, который и воплощается в мировой войне. Он считал его тупиковым, несущим пожар и боль. «Есть два пути подняться над национальной ограниченностью: путь разума и путь религии» [2. С.605]. Это означало стремление ограничить национальные амбиции и чувство отщепенства, разумно создавая основы нового мира или стремление к оформлению нового мира на основе христианского милосердия. В любом случае, у Э. Юнгера прослеживается склонность избежать ошибок Версальского мира, с которым он связывал и происходившие события. Тень Версаля служила для него суровым напоминанием о том, что импульс, им запущенный, привел к взлету национального мифа и поднял на поверхность политической жизни Германии национал-социализм. «Огромные разрушения, выпавшие на долю нашего Отечества, могли бы обернуться единственным благом, если бы вещам, казавшимся непреложными, положили второе начало. Они, эти вещи, создают ситуацию, превосходящую самые дерзкие мечты Бакунина» [2. С.479].

Преодоление рамок радикального национализма в любом государственном воплощении казался Э. Юнгеру единственным выходом из мировой катастрофы. В этом прослеживается

стремление стать над нацией, приняв планетарный обзор. Первые штрихи этого проступают в «Рабочем», усиливаясь в романе «На мраморных скалах», где в критических поисках современности проступало нечто большее, планетарное, мировое. «Гражданами мира в высшем смысле были бы мы, если б земной шар, как целое, влиял на наше формирование. Такого состояния достигали в пределах своих наций только властители мира. <...> Великие поэты, как Данте в его блужданиях и Гёте в «Западно-Восточном диване», пронизательно намекают на это. Затем – мировые религии, исключая ислам, слишком привязанный к своему климату. Сон Петра о зверях, символизирующий в своей радости сообщество стран и царств этого мира» [3. С. 236]. В утверждении глобального мировосприятия проступала не только предпосылка преодоления мировой войны, но и в дальнейшей перспективе достижение глобальной безопасности. Это означало выход за политические границы в сферу духовного, религиозного опыта. «Из всех соборов сохраниться тот, чей купол сложен из сплетенных рук. Только в таком соборе чувствуешь себя в безопасности» [2. С.517].

Достижение мира после войны будет являться обретением новой свободы не только германским обществом, но и каждым немцем в отдельности. В представлении Э. Юнгера это означало формирование общества без нацизма, даже без участия тех, кто причастен к нему. На это будут те, кто оказался вовлечен им в его политику, в его войну. Их причастность является причастностью пешек на шахматной доске, которые должны дойти до конца. В записи от 28 октября 1943 г. Э. Юнгер отметил, что «обсуждение ситуации, в частности вопроса, в какой мере отдельный человек должен чувствовать ответственность за злодеяния Кньеболо. Мне доставляет удовольствие видеть, как молодые люди, прошедшие мою школу, сразу понимают, о чем идет речь. Судьба Германии безнадежна, если из ее молодежи, в частности из ее рабочего сословия, не вырастет новое рыцарство» [2. С.491-492]. Здесь вырисовывается параллель временных событий Первой и Второй мировых войн, когда после Великой войны Э. Юнгер вкладывал в руки военного поколения знамя строительства национальной Германии, также как с солдатами Второй мировой войны он связывал выход из национал-социалистической войны. В чем же изменение? А оно в опыте, в трансформации боли и надежд послевоенной ситуации Веймарской республики, в которой выход виделся в восстановлении национальной гордости и чести за счет непризнания, ни в каком виде, соучастников последних дней войны, отрицания воплотившейся демократической республики за счет призыва к формированию националистического германского государства. Эта энергия вынесла на поверхность национал-социализм, который сверг Германию в новую войну, которая раздавила националистические чувства национал - социалистическими преступлениями. Однако в этой трансформации прослеживается единство, состоящее в том, что будущее Германии находится в руках тех, кто прошел сквозь пламя войны, кто нес в себе ее оттиск. С прошедшими сквозь огонь Э. Юнгер связывал будущее. «Не может быть восстановлена свобода в понимании XIX века, как мечтается многим; ей придется подняться к новым ледяным вершинам хода истории и еще выше, как орлу над уступами первозданного хаоса. И этот путь пройдет через боль. Свободу надо снова заслужить» [3. С.238].

Сочинение «Мир», над которым Э. Юнгер работал в годы войны, имеет еще одну важную особенность. Когда текст был завершен, до него дошла трагическая новость о гибели старшего сына в бою. Надежды на молодежь, которые возлагал Э. Юнгер, оказались омрачены этим событием. Ожидание того, что его Эрнстель переживет войну и вернется домой, оказалось невозможно. Поэтому «Мир» приобрел посвящение-память: «Этот текст я посвящаю Эрнстелю», - записал он 4 апреля 1945 г. [3. С.729].

В послевоенном вступлении к переизданию книги «Сады и дороги» Э. Юнгер передает свои ощущения того времени, пытаясь разъяснить контекст написанной книги.

«Я посвятил его своему сыну Эрнстелю, который незадолго перед тем был освобожден из тюремного заключения и добровольцем пал под Каррарой. С его смертью связана для меня такая же горечь, как и с моим авторством. Я, пожалуй, предвидел, что мы погрузимся в те пласты, где больше не останется заслуг и где ничто, кроме боли, не имеет веса, ни ценности. Но боль возвышает нас в сферах иных, в истинном отечестве. Там ничто уже не в силах повредить нам, если здесь мы смогли выстоять в безвыходном положении, на оставленном посту» [7. С.19]. Вместе с тем, эта книга позволила Э. Юнгеру пережить горечь утраты, хотя след от нее остался навсегда. «У пуль и книг свои судьбы. Некоторым видится парадокс в том, что воин ведет речь о мире. Возражая на это, хотелось бы сказать, что лишь его подпись дает кредит слову. Не напрасно древние привлекали к мирным договорам народных богов войны, которых представляли жрецы.<...> Мое положение в ту пору было сродни положению семерых матросов в Ледовом океане, а в таком настроении человек легко срывается в ненависть. Она никогда не была моей вотчиной. <...> Так сочинение это стало для меня еще дороже, ибо авторство – это отцовство, а наши симпатии всегда на стороне тех детей, коим судьба не даровала счастья» [7. С.19-20].

Э. Юнгер подходил к анализу Второй мировой войны сквозь опыт Великой войны, к которой был причастен. Это восприятие опиралось на человеческий фактор, так как война захватила всех. Можно проследить аналогию переживаний, в которых бросается в глаза отстраненность автора от деталей войны. Это легко объяснимо самим характером его участия в ней, когда в Великой войне он был в гуще самих событий, он испытывал на себе ее оружие, в то время как во второй войне он оказался отодвинут на второй план. Его участие в ней было участием штабного офицера в глубоком тылу, до которого то, что происходило в ней, доходило по рассказам и слухам. Его стереоскопический взгляд заменялся аналитическим, и, видимо, удаленность от линии фронта давала определенное преимущество стороннего взгляда. Оно усиливало аналитичность, но терялся калорит стереоскопического восприятия, делавший захватывающими для читателя страницы «В стальных грозах». Однако различный статус участника давал Э. Юнгеру и преимущество сравнения. Стереоскопичность из внутреннего состояния переходило во внешнее. Но этот взгляд оставался антропоцентричным, он никогда не терял из виду человека, даже тогда, когда говорил о глобальных процессах. Поэтому здесь он пишет о нем и от его имени.

Участники войны, которые впервые окунулись в ее природу, несли в себе не только душевные порывы национальной сопричастности, стремление повторить путь отцов Великой войны, которыми они гордились и хотели показать, что и они способны к подобному. Им хотелось ощутить на себе тот фронтовой опыт, который испытали их отцы, с которым они жили и спустя годы вспоминали не без удовлетворения. Однако эта увлеченность попала в тиски идеологического государства, втиснуло эти порывы в суровые рамки идеологической войны. «И все же многие, причем самые лучшие, храбрые и умные, видели себя брошенными на смерть, и при этом не были очарованы теми флагами и знаменами, под властью которых они были обречены отдавать свои жизни. Как раз от них и не могло ускользнуть то, что они участвуют в борьбе за нечто более высокое, чем просто границы отечества, что в этой братоубийственной войне рождается новый смысл Земли, и то, что многие из тех, кто сражается на другой стороне и идет на верную смерть, ближе к этой высшей цели, чем их товарищи на этой стороне, верность которым, тем не менее, следовало хранить» [5. С.14-15]. Здесь можно увидеть колебания Э. Юнгера между неприятием нацистской войны, ее характера и практики, признанием ошибочности ее целей и бесполезности жертв, приносимых за обреченное дело, с одной стороны, и, с другой стороны, стремление сохранить честь солдата, не придать своим товарищам даже в этой преступной войне, не последовать по пути Союза немецких офицеров,

вставшего на сторону противника, даже соглашаясь с их взглядами на режим, но предпочитая остаться в солдатских рядах до конца, несмотря на бессмысленность и обреченность действий. В этом была честь солдата.

Люди, сохранившие в себе такие качества, будут творцами нового мира, но этот мир должен стать результатом совместных усилий. «Можно сказать, что эта война была первым общим делом всего человечества. Мир, которым она завершится, должен стать вторым таким делом» [5. С.9]. Но к его созданию не могут быть причастны те, кто имел отношение к нацистскому господству и был связан с нацистской политикой. «Между тем, рука, которая хочет помочь человеку, хочет вести его, не может быть осквернена преступлением» [5. С.20]. Понимая перспективность будущего и неизбежность мира, Э. Юнгер полагал, что «этот мир не может стать миром альтернатив. <...> Но еще в меньшей степени этот мир может стать миром насилия. <...> Мы можем надеяться, что мир, который завершит этот конфликт, будет более долгосрочным и более благодатным, чем тот, который законсервировал Первую мировую войну» [5. С.26-27]. Долговечность будущего мира будет определяться не только разумным подходом к определению вины и ограниченности пространства возмездия, преодолением того негативного потенциала, который нес в себе Версальский мир, но и преодолением национальных рамок государства. «Подобно тому как в Первой мировой войне монархии были побеждены демократиями, так и в этом втором, более могущественном противостоянии старорежимные национальные государства будут сокрушены империями. По пути к этому национальная субстанция народов будет испепелена в огне в качестве финального и уже неповторимого в этой форме жертвоприношения» [5. С.26-27]. Таким образом, в разрушении и жертвах этой войны находилась предпосылка создания нового мира, что делало осмысленными переживаемые людьми страдания, так как боль служила преодолением их. «В этом смысле для людей будет лучше продлить страдания, чем отсрочить перемены и вернуться к старому миру» [5. С.26].

Связывая мир и войну, Э. Юнгер полагал, что военный конфликт всегда приводит к созданию нового или образованию нового положения государств. Если Великая война породила боль и решительность, основанную на ненависти ко всему, что напоминало о ней, и таким образом создало национальное движение протеста, которое скатилось к новой войне, принесшей еще большие разрушения и жертвы. Путь ненависти приводил только к ненависти. Следует отметить, что Э. Юнгер считал опасным повторение подобной ситуации в конце Второй мировой войны. Его идея очищения через огонь, через пламя войны представляла собой шанс исправить ошибку и создать новое, поэтому «война всем должна принести свои плоды» [5. С.10]. Будущее должно основываться на общечеловеческих ценностях, которые покажут человеку, вышедшему из войны, путь к добру. Будущее «не может уродиться из всего, что разобщает, из притеснения, ненависти, несправедливости нашей эпохи. <...> Подлинные плоды могут возрасти только из общечеловеческой доброты, из лучшего ядра человека, его самой благородной, бескорыстной глубины. Этого следует искать там, где человек, не думая о себе и своем благополучии, живет и умирает для других, приносит жертву для других. Это все еще случается в изобилии; великое сокровище жертв накоплено и может служить фундаментом для нового переустройства мира» [5. С.10-11]. Юнгеровская концепция боли и жертвы подразделяла их на два равнозначных сегмента – участников войны и гражданское население. Все они были поглощены войной. «Они стремились в огонь, они хотели, чтобы огонь дал им ответ, очистил их. Даже тот, кто, казалось, имел только лучшие намерения и стремился обратить ход событий к добру, вскоре оказался на краю. И тогда для бесчисленных и безымянных оставалось только одно: с честью нести свое бремя на том посту, куда поместила их судьба» [5. С.11]. «Были среди них те, кому смерть в открытом поле, в честном бою, казалась единственным и лучшим решением» [5. С.15]. Следует отметить, что этот образ солдата, обладающий героическим фата-

лизмом, не предполагал измену присяге, что означало измену товарищам, которые были с ним рядом. Переход на сторону противника им даже не рассматривается.

С другой стороны, наравне с военными жертвами были и жертвы войны. Их страдания и жертвенность были не меньшими, но отличались от военных тем, что они не могли позволить себе занять пост и погибнуть на нем. Гонимые войной, они становились жертвами, которых настигала война. Они были беззащитны перед ее оружием. «Кто знает о полчищах умерших от голода, эпидемий, истощения, недостатка в заботе? И еще о полчищах тех, кто погиб во время разрушения городов, кто был погребен под обломками собственных домов, утонул в подвалах, задохнулся или сгорел заживо в жидком фосфоре? Бескрайние эшелоны женщин, детей и стариков там отправились в царство смерти. Нет числа тем, чьи дни оборвались, нет числа тем, кто так никогда и не узнал, что такое жизнь. Молодежь вырастала в аду, в царствах, где могут обитать только демоны, но не люди, и дети, впервые открыв глаза, видели картины из мира ужасов. Они слышали вой сирен раньше, чем звон колоколов, и их колыбели были ближе к пламени, чем к светильнику» [5. С.13].

Э. Юнгер усматривал в вовлеченных в войну людях некий материал, представляющий «единение преступников и их жертв», который сохраняет в себе творческий потенциал, выражающейся в «трансформацию в жертву» [5. С.24]. Крушение материального мира должно привести к подъему духовных основ. «Пусть города лежат в руинах, если в них не осталось ни прав, ни свобод, пусть рушатся соборы, если в них больше невозможна молитва. Мир стоит желать только тогда, когда в нем объединиться все, в чем сохранились еще человеческие честь и достоинство» [5. С.60]. Как отмечал Х. Кизель, его философия жертвы основывается на том, что «Юнгер признавал только за <разумом> большее значение, чем за, как после Первой мировой войны, <волей к власти> или <кровью>» [9. S.523]. Отсюда должно происходить основание будущего мира, который преодолет ненависть. Утверждение Э. Юнгера о том, что «в этой войне должны выиграть все» [5. С.25] представляет собой иллюзию, отличную от практической политики. Разочарованный политической действительностью и утомленный вовлеченностью в практическую деятельность через службу в вермахте, Э. Юнгер окунулся в библейский мир. Также следует учитывать и отстраненность от войны, в которой он оказался, что предоставляло ему преимущество дистанционного взгляда на нее.

Призывая к отказу от эмоционального подхода к заключению мира, Э. Юнгер понимал, насколько сложным будет его осуществление. «Разумеется, это кажется трудным, после того, как многие годы тотальной войны породили вражду такой остроты, которая вряд ли была известна народам старых цивилизаций. К тому же эти годы сделали противников во многом схожими друг с другом» [5. С.26]. Взаимная ненависть не сможет способствовать заключению мира, поэтому мир в подобном формате будет лишь продолжением войны, которую Европа уже испытала. Мировой порядок после Великой войны представлял собой именно такой мир, который в итоге вновь привел к катастрофе. «Первая и Вторая мировые войны связаны друг с другом, как два огненных континента, которые цепь вулканов скорее объединяет, чем разобщает» [5. С.35]. В промежутке между войнами находился Версальский мир. Он был не только точкой исторического сравнения, но и негативным образом мироустройства, несовершенство которого так дорого обошлось человечеству. Конечно, оценка Э. Юнгером Версальского мира мало чем отличается от его позиции в годы Веймарской республики, разве что, несколько уменьшилась политическая заостренность, на смену воинственности пришел хладнокровный анализ, но он не изменял принятой ранее отрицательной оценки Версальского мирного договора. Надежды, первоначально связанные с новым мировым порядком, оказались тщетными, так как «вместо того, чтобы привести к новым порядкам, он только увеличивал число источников конфликта». Этот мир возложил на «побежденных новое бремя, которое после хитро-

умно гарантировали. Так и был устроен этот мир, подобный любому другому произведению, где слишком много ума, но слишком мало сердца: в нем не было ничего благого, и даже победителей, после краткого периода восторга, он уже не радовал» [5. С.35-36].

Историческая оценка Версальского мира Э. Юнгером представляется несколько радикальной, но сквозь оптику Второй мировой войны достаточно справедливой. Преломленная к ситуации развития германского общества правдивыми являются его суждения о том, что Версальский мир «подпитывал самые подлые чувства, мстительность и жажду крови и лил воду на мельницы демагогии. Оглядываясь назад, мы видим, сколь мало пользы он принес по сравнению с тем вредом, который он причинил» [5. С.36]. Утверждая о виновности Версальского порядка в развязывании Второй мировой войны, автор рассматривает его как представитель страны, которая проиграла Первую, и уже проигрывала Вторую мировую войну. В этой связи взгляд побежденного оказывался выигрышным, так как он исключал необходимость обосновывать утверждаемый победителем порядок. Автор был свободен от обоснования нового порядка и его оправдания, что позволило ему проецировать новый мир, переходящий границы национальных интересов и границы национальных государств. Выбор в пользу глобального мира определялся крушением порядка национальных государств. «Версальский мир сделал границы еще более осязаемыми. <...> Тогда же и проявились очевидные признаки грядущей мировой войны – люди боялись ее, и все же шли ей навстречу в роковой зачарованности» [5. С.36]. Вторая мировая война ничего нового не принесла в характер взаимоотношений государств, сохраняя приоритет национальных интересов. «Так Германия повторяла ошибки Версаля. Как раньше говорили о Лиге Наций, так теперь говорили о Новой Европе, которая была, по сути, имперской маскировкой национального милитаристического государства, а не союзом, основанным на равенстве прав и обязанностей» [5. С.37-38]. Юнгерский взгляд на наднациональный уровень нового мирового порядка определялся, с одной стороны, разочарованностью и бесперспективностью национального проекта, которую можно уже почувствовать в его концепции Рабочего, который определялся им, прежде всего, как планетарное явление. С другой стороны, он связан с крушением нацистского проекта мирового государства, которое могло привести к еще худшим последствиям, чем Версальский мир Первой мировой войны. «Германия проиграла захватническую войну, которую она вела в качестве национального государства. <...> Теперь все зависит от того, сможет ли она вместе с другими выиграть в другой войне, войне за единение» [5. С.38].

Вторая мировая война в полном смысле превратилась в мировую войну, захватив континенты и вовлекая в водоворот противостояния огромные массы людей. Этот поворот к глобальному характеру войны выводил ее за пределы Европы и отражал процесс глобализации, который начинался с вооруженной борьбы. «Впервые Земля глобально, как целая планета, представляла собой поле боя, а человеческая история начала движение к планетарным порядкам» [5. С.31]. Война захватила все стороны человеческой жизни. Тот процесс, начатый в Первую мировую войну, когда воюющие армии обеспечивались регулируемой политикой тыла, ее организация и управление расширились настолько, что стерлась грань между фронтом и тылом. Теперь все превратилось в сплошной фронт. «За кровавыми фронтовыми линиями, впервые спаявшими весь Земной шар своими раскаленными швами, ширились серые, темные бездны армий рабочих. <...> С сердцем, полным благодарности, полным умиления следует всегда вспоминать этих мужчин и женщин, их рабочие дни в сумрачных помещениях, их ночные дежурства в темных городах, их самоотверженный труд с сердцами, угнетенными заботой о братьях, супругах, детях. Нет числа тем, кто так погибал; надорванные неподъемным трудом, задавленные тяготами и печалью, они гасли, как огни, и имен их никто не знает» [5. С.12]. Здесь можно четко увидеть трансформацию представления Э. Юнгера о тотальной мобилиза-

ции, высказанной впервые в известной статье 1930 г., где тотальный характер работы, во всей пафосности своего значения, представлялся как высшее отражение наступающей эпохи, в сочинении «Мир» начинает приобретать иную коннотацию. Пафосность высшего значения работы сохраняется, но к нему добавляется трагичность жертвы. Тем самым, несмотря на понимание трагичности положения, жертва приобретает ореол героичности. «Поэтому символическая фигура второй борьбы народов укоренена еще глубже, чем фигура первой. Тогда это был Неизвестный Солдат, монументы которому воздвигали в сердце каждой столицы как знак того, что великое сокровище страдания, добытое им в пламени, должно отныне лежать в центре народа, согревая и освещая его, подобно тому как очаг служит центром дома. <...> Но в этот раз страдания стали всеобщими, они стали мрачнее и сложнее; они проникли глубже, до самого материнского слоя. <...> Подобно тому, как жертва, обретенная в гештальте Неизвестного Солдата, возвышала народы в их значении, так и новая жертва будет действенной и созидательной за пределами границ как общемировая жертва сама по себе» [5. С.23].

Рассматривая мировую войну сквозь оптику глобального процесса, Э. Юнгер считал, что она приобретала комбинированный характер. Великая война, которая была чистейшей войной национальных государств, превратилась в предмет прошлого. Нынешняя война представляет собой более сложное проявление, в котором война техники или война с помощью технических средств подчиняется и дополняется войной идеологий. Это придает ей не только жесточенность, но и приводит к изменению самого характера войны, растворению правил поведения на войне и их замену идеологическими клише. «Это может осознать только тот, кто понимает эту борьбу не только как конфликт между народами и государствами, расами и нациями, но и в более высоком смысле – как мировую гражданскую войну, раскалывающую нашу планету потаенными и, еще более ужасающими, фронтовыми линиями» [5. С.13-14].

Следует сказать, что Э. Юнгер достаточно ясно понимал изменение характера войны в условиях доминирования идеологической составляющей. Это находило свое выражение в предвоенные годы, когда боевые отряды политической партии гражданской войны сражались друг с другом на улицах немецких городов. Вспоминая это время, он отмечал, что «в судьбоносные годы мы имеем дело с чем-то более страшным, нежели битвы техники и огня на полях Первой мировой войны. Поскольку гораздо беспощаднее тот, кто сражается за идеи и чистую теорию, чем тот, кто просто защищает границы своего Отечества. Так стали возможными битвы, в которых даже побежденный, сложивший оружие противник не мог рассчитывать на милосердие – окружение или плен, в которых не было никакой надежды на спасение. На широких равнинах и полях смертоносная техника непоколебимая жестокость соперничали с неистовством стихий. Были территории, на которых людей истребляли, как паразитов, дремучие леса, где на людей охотились, как на волков» [5. С.14].

Превращение войны в политически-военную операцию изменяет сущностную природу войны в сторону жесточенности, причем технические средства, которые используются для этого, выступают просто голым орудием, из которого не прорывается ненависть, она выходит из человеческой природы, в которой уже не остается ничего человеческого. Жесточение мотивируется необходимостью стирания человека в пыль, в исчезновении памяти о нем. Война перестает быть поединком, влекущим за собой смерть и страдание, но и имеющей и милосердие к проигравшему и уважение к врагу. Она превращается в место избиения, которую Э. Юнгер как-то определил как живодерню, где правит только боль и мучение. «Еще мрачнее картина страданий становится там, где мир превращался в настоящую бойню и живодерню, вонь от которой отравляла воздух далеко вокруг себя» [5. С.15].

Наступление времени мясника произошло потому, что господство идей, облаченных в идеологии, нивелировали христианские ценности, утверждая свою прогрессивность и претен-

дую на создание новой веры, веры без Бога, веры человеческого разума уподобившего себя божественному. Игра идей превратилась в ужас тогда, когда они стали превращаться в практику. «В теплицах войн международных и гражданских великие теории прошлого столетия начинали плодоносить, оборачиваясь практикой. <...> Мера теорий применялась к индивидам, расам, народам. И, как обычно в таких случаях, после гибели первых жертв, жажда крови возрастала безмерно. Так, бессмысленной игре насилия и террора, притеснение и несправедливость вторгались все дальше в самые удаленные уголки Земного шара. И вскоре последние свободные голоса должны были умолкнуть, и тогда даже крики ужаса затихали в той пугающей тишине, что окружают тюрьмы и кладбища. Только мрачные слухи рассказывали об омерзительных празднествах, на которых жандармы и палачи наслаждались страхом и унижением, видом крови своих жертв. Это ляжет позорным пятном на наше столетие на долгие времена, и нет уважения тем, чьи глаза и сердца были закрыты от того, что происходило. Это касается, прежде всего, воинственной молодежи, поскольку защита слабых и незащищенных остается высшим украшением рыцарства, и никто не может быть героем перед лицом врага, если этого украшения не носит» [5. С.15-16].

Шестые эпохи техники несет с собой и изменение войны, превращая ее в механический процесс, в молот, в котором сгорает все. Технические новинки уничтожения Великой войны расширяют горизонт вовлеченности. Вместе с армиями в него включаются города, глубокий фронтовой тыл, в котором люди оказываются незащищенными перед сокрушительными авиационными ударами. «Сегодня уничтожение стремится стать массовым, как это стало особенно очевидным при атаках на города. И уже сейчас можно наблюдать, как проявляет себя воля к беспредельному, тотальному уничтожению, истреблению жизни вообще. Мечты об искоренении целых стран и целых народностей уже сегодня являются частью нигилистического мира идей» [5. С.61]. Юнгерская концепция жертвы приобретает дополнительные черты жертв идеологического режима. Солдатские жертвы, жертвы войны среди гражданского населения дополняются жертвами политического режима, теми, кто был убит в стороне от людских глаз. Здесь вырисовывается дополнительное отличие, выражающееся в том, что смерть на виду, среди людей, на поле боя или в горящих городах противопоставляется смерти в тени, где гибель людей происходила в изолированном пространстве, в котором присутствовали только палач и жертва. Смерть теряла публичность. Уничтожение внутренних врагов осуществляется негласно, в специально отведенном пространстве смерти. «Это были годы, когда в тюрьмах не хватало места, и в них томились полчища людей, заключенных незаконно, без приговора, заточенных в узилища, где смерть была единственной милостью. <...> Еще ими заполняли лагерь, где принудительные работы могли окончиться только истреблением, их преднамеренной и предумышленной целью. Всякий, кто там медленно угасал, был уже давно мертв для своих близких, поскольку благодаря предусмотрительности большого разума, было устроено так, чтобы не единый признак жизни не мог вырваться из этих пыточных камер. Мрачнее и ужаснее, чем когда-либо, была сама смерть, которую палачи готовили невиновным, после того, как уже разрушили их семьи, лишили их имущества и свободы. Скрытность, избегание света, резня в подвалах и сомнительных местах, поспешное захоронение жертв слишком ясно указывают на то, что речь идет не об исполнении справедливого приговора, но об омерзительном и преступном убийстве» [5. С.18].

После окончания войны концепция жертвы Э. Юнгера дополняется этническими жертвами, под которыми достаточно ясно просматриваются жертвы евреев, хотя напрямую он их не называет. Он не стремился выделить кого-то особенно. Они все были жертвами, их всех настигла смерть, и их захватил мейстрим времени, которому они не могли ни противостоять, ни вырваться из него. Можно отметить, что Э. Юнгер был один из первых, кто заговорил о

жертвах и вине, задолго до политически ангажированного заявления К. Ясперса о немецкой вине. Особенностью его подхода было то, что он говорил о жертвах среди немцев и о жертвах преступных действий нацистов. Для него они едины. Однако представление о Э. Юнгере, как политическом публицисте националистического лагеря Веймарской республики и офицере вермахта создавали из него «профашиста», в котором удобно нивелировались националистические оттенки того времени. В нем не доставало коммунистической направленности, эмигрантского опыта и либерализма. Однако его умение видеть позволяло замечать особенности. Достаточно интересна послевоенная вставка в сочинение, отражающее восприятие жертв. «Преступление, в котором обвиняли этих несчастных, был зачастую сам факт их существования, клеймо их рождения. Они погибали как сыновья своего народа, своих отцов, своей расы, как заложники, как приверженцы своей унаследованной веры или как носители убеждений, которых написанный в одну ночь закон объявлял порочными. Над этими ландшафтами горя мрачно высятся имена огромных резиденций истребления, где в предельном и крайнем ослеплении пытались покорить целые народы, целые расы, целые сословия, и где свинцовая тирания в союзе с техникой праздновала свои бесконечные кровавые свадьбы. Воспоминания о логовах убийц будут преследовать человечество до конца времен; они суть подлинные мемориалы этой войны, как раньше – Дуамон и Лангемарк. Но если они овеваны как горем, так и гордостью, то в этих местах останется только скорбь и унижение, поскольку их скверна ложится на все человечество, и никто уже не может избавиться от причастности к вине. Вот куда приводит прогресс со своими мыслями и идеями; в эти болота завел нас изобретательный и хитроумный век. Если нас вновь охватит гордыня от дальности и смелости нашего полета на крыльях интеллекта, стальных крыльях, то, чтобы отрезвить нас, достаточно будет бросить взгляд на толпы людей, гонимых, как убойный скот, к могильникам и крематориям, у дверей которых их встречали палачи. Там с них снимали лохмотья и голых забивали, как остриженных овец. Еще их заставляли рыть самим себе могилы, если их убийцы не заполняли трупами карьеры и шахты, когда их прибывало слишком много. На эти страшные картины, о которых только мрачные слухи передаются из уст в уста, прольется свет только тогда, когда тех тварей, что играли там роль палачей и их начальников заставят заговорить перед лицом суда. И все же, если мы обращаем свой взгляд на эти места мученичества, то взгляд этот должен быть прямым и нелюбопытным. Это все есть работа отребья лемурув, практикующих свое омерзительное искусство в темноте. И теперь мы наблюдаем поддельное негодование других лемурув, приходящих в эти отвратительные места, чтобы эксгумировать и выставлять напоказ истлевшие тела, измерять, посчитывать и истолковывать их в согласии со своими собственными целями. Они только корчат из себя обвинителей с целью низвести закон до полной мести, чтобы затем совершить ее в таких же оргиях» [5. С.18-20].

Подчеркивание беспрецедентности преступлений нацизма позволяло Э. Юнгере указать на общую нигилистическую природу войны, в которой противостояние двух идеологических государств приобрело ужасающий характер. Германия и СССР прошли сквозь нигилистическую трансформацию, приведшую к глубинным изменениям и сокрушительным разрушениям. Э. Юнгер указывал на взаимосвязь советских и германских изменений. «Русские все-таки затеяли то, что в Европе существовало только в виде зародыша и считалось голой теорией, и чему приобретенные в течение истории противоядия мешали развиваться до гигантских размеров. Страх, излучавшийся с Востока, нигилизму в Германии, подготовленному предыдущими поколениями, дал практическое исполнение, ужаснувшее не только весь мир, но и тех в Германии, кто знал свою родную страну» [5. С.50].

Э. Юнгер не стремился к тому, чтобы стереть нацистские преступления, списав все на особенности ведения войны. Скорее напротив, он желал, чтобы они предстали перед судом и

получили заслуживающее наказание. В этой связи он расширяет проблемный диапазон сочинения, дополняя его размышлениями о международном трибунале, что стало германской реальностью осенью 1945 г. Идея осуждения нацистских преступлений и наказания нацистских преступников находит свой отклик на страницах парижских дневников. Для него это было необходимым условием преодоления боли и необходимого перерождения, без которого не представлялось возможным оформление будущего мира. Находясь под давлением тени Версаля, ему хотелось избежать негативных последствий, и, как это не странно звучит, извлечь исторические уроки из Версальского мира. По его мнению, это должно предполагать ограничение страстей победителей, их стремления извлечь максимальную выгоду из германского поражения. «Поэтому прежде всего должно произойти духовное исцеление, и этот мир может стать благотворным, только если ему будет предшествовать укрощению страстей». Это означает, чтобы в процессе осуждения преступлений «господствовали разум и понимание целого, а не слепая мстительность партий, прибавляющая к старым несправедливостям новые» [5. С.40].

Юридическое определение нацистских преступлений и их оглашение крайне важно для германского общества, так как позволяет подвести черту под эпохой войн и революций с надеждой на строительство нового германского государства. «По этой причине, безусловно, важно, чтобы приговор был вынесен». Но также необходимо избежать излишней мстительности, что возможно только когда он будет вынесен беспристрастным судом, т.е. в контексте тех событий это означало создание международного трибунала, в который бы не вошли бы победители как заинтересованная и травмированная сторона. Заявление Э. Юнгера о необходимости исключения победителей из числа судей формально следовало юридическому принципу правосудия, но не учитывало политический характер и политическое значение международного трибунала. Стремясь исключить опыт Версальского порядка, Э. Юнгер указывал на необходимость привлечения третьей стороны, которая сможет удержаться от крайних действий, так как «ни одна из партий не должна судить своих противников. Истец не может быть судьей. <...> Преступление может быть наказано только тем судом, в котором ненависть не диктует приговор. Только он может различить, кто был солдатом, а кто – палачом, кто был воином, а кто – убийцей, кто достоин уважения как противник в битве народов, а кто должен быть повешен как проливший невинную кровь. Если бы партии присвоили бы себе право выносить приговор, они бы объявили своих преступников мучениками и национальными героями» [5. С.41-42].

Формирование нового мира будет представлять собой преодоление национальных границ и обид. Э. Юнгер выделял это в качестве одного из трех кардинальных вопросов, на которых должен строиться будущий мир, и разрешающий это через переход от национального расширения к наднациональному образованию. Второй вопрос представляет собой изменение понимания прав, которое смещается к защите свобод, нарушение которых «должно восприниматься как угроза». Третий вопрос предполагает соответствие мира духу наступившей эпохи, которую он определял как эпоху Рабочего. «В этом отношении народы стали похожи друг на друга и с каждым днем их тождество увеличивается, поскольку они все вовлечены в тот великий ритм, которым разворачивается тотальная мобилизация» [5. С.43-44]. Решение этих кардинальных вопросов закладывает основы будущего, в которых проступает образ единой Европы в виде европейского союза государств. После мировых конфликтов новое образование, которое Э. Юнгер называл в старой традиции великой империей, должно объединять народы. «Два пути открыты перед народами. Первый – это путь ненависти и возмездия; и можно быть уверенным, что на этом пути после короткой передышки вспыхнет новая, более жестокая ссора, которая закончится всеобщим уничтожением. Правильный путь, напротив, ведет навстречу друг другу: силы, которые изводили друг друга в смертельном противостоянии, должны объ-

единиться в новом порядке, в новой жизни. Только на этом пути обретается источник подлинного мира, процветания, безопасности. <...> Логике насилия должен быть положен конец, чтобы логика союза могла проявить себя. Мировая война придет к своему концу только тогда, когда будет увенчана всеобщим миром, и только это сможет придать смысл всем ее жертвам» [5. С.29-30].

Э. Юнгер вписывал обретение мира и формирование объединенной Европы с собственной концепцией Рабочего, которая, проявив себя в ужасающих событиях мировой войны, получает возможность созидательной деятельности. Возрастание численности населения и увеличение роли техники в жизни человека и государства является симптомами наступающей эпохи, в которой человек как оттиск ее ценностей, превращается в гражданина новых империй. «По этой причине образование новых империй должно быть как духовным по своей природе, так и основанным на принципах эпохи» [5. С.32]. Поэтому особое значение играет Германия, которая географически и духовно представляет собой сердце Европы. То, что отсюда в течение первой половины XX века происходил агрессивный импульс, указывает на то, что исцеление должно начаться именно отсюда, так как строительство будущего европейского единства не может быть основано на мести, которая затмит разум. Преодоление национального интереса послужит шагом навстречу единству. «Это касается прежде всего Европы, которая богата старым наследием и несет на себе множество трещин, оставленных многочисленными испытаниями и невзгодами истории. Этим и объясняется то, почему именно здесь, в центре Европы, разгорались великие войны, опустошающие мир: это самая нежная часть европейского тела и в то же время, самая жизненно важная, его сердце, на котором отражаются все его страдания. По этой же причине лечение следует начинать отсюда» [5. С.33].

Европа провозглашалась Э. Юнгером плацдармом будущих политических изменений, которые должны привести к упорядочению пространства. Это определялось тем, что она на протяжении первой половины XX века служила эпицентром двух мировых войн, поэтому изменения предполагают, прежде всего, не столько политическое оформление, которое, конечно, крайне важно для будущего развития, но в большей степени важным выступает духовное перерождение, без которого любые политические изменения будут всего лишь отсрочкой будущих конфликтов. «Провозглашение суверенитета Европы в большей степени есть акт духовный. Эта часть света должна освободиться от всего, что есть в ней окаменелого, и прежде всего от старого мышления и старых раздоров – и только тогда победа будет плодотворной для всех» [5. С.34]. В объединении Европы на основе новых принципов он видел возможность преодоления прошлых ошибок, прежде всего, Версальского мирного договора, и тем самым считая ошибочной Потсдамскую систему миропорядка, которая сохраняла проблемные вопросы. «Поэтому упорядочивание пространства не должно происходить с помощью насилия, с помощью диктата, и пространство нельзя приобретать, отбирая его у других. Верное решение заключается только в соглашении, в мирном союзе, в объединении, в новом смысле этого слова» [5. С.45-46].

Однако Э. Юнгер не был склонен к тому, чтобы нивелировать национальный компонент при создании будущего объединенного государства, несмотря на стремление к выработке проекта объединенного союза. Националист в нем сохранил еще глубокие корни, и политические принципы играли свою роль. Он считал, что создавая территориальное и политическое единство, Европа должна сохранить свое историческое различие. «Есть два высших принципа, которые должны найти свое выражение в этой конституции <...> Это принцип единства и принцип разнообразия. Новая держава должна быть едина в своих частях, но при этом должна уважать их своеобразие» [5. С.47]. Сохранение национального компонента единой Европы должно было послужить прочной основой единения не только государств, но и народов. Таким

образом, это стало бы преодоление нигилистического наследия эпохи и возвращением к ценности человека. «Также как надежность человека в новом государстве будет основываться не на его интернационализме, но на его национализме, так и воспитание должно быть направлено на исповедание веры, а не индифферентность. Человек должен знать, где находится его родина как в пространстве, так и в беспредельном, как во времени, так и в вечности» [5. С.56].

Человек духовной культуры вмещал в себя страдание собственного народа и извращение жизни со стороны тиранического режима. Он становился сопричастным переживанию боли, и она коснулась его не меньше других. «Поэтому боль духовного человека в эти годы была велика. Гораздо больше, чем его собственное притеснение, его оскорбляло зрелище ничтожеств, восходящих к господству. И не войны и опасности пугали его, но те тупые импульсы, что руководили массой и толкали ее то в дикий восторг, то в горячку ненависти и мести, и вели ее неторными путями, быстро приводящими в огонь. Также видел он все ближе и яснее как извращались человеческие представления о высоком долге, как труд и науки разворачивались на службу смерти, как меч начинал защищать несправедливость, как судьи в грубо завуалированном спектакле низводили закон до оружия в руках обвинителей, как учителя, вместо того, чтобы освещать детям путь, губили в них образ Божий, и как врачи, вместо того чтобы лечить, калечили слабых и убивали больных» [5. С.21].

Говоря о необходимости сохранения национального чувства в новом государстве, Э. Юнгер отмечал, тем самым потребность народа в сохранении преемственности не только в исторической, но и духовной сфере. Это означало реанимацию христианской веры и отход от следования идеологическим конструктам. Нигилизм политических идеологий сделал человека беспомощным перед лицом катастрофы и не позволит ему в водовороте событий и бедствий найти себя, свою духовную опору. «Человек должен был узнать, что ни одно из его хитроумных систем и ни одно из его учений и писаний не могло посреди катастрофы подать ему совета, по крайней мере такого, который не приводил бы к худшему. Они все приводили к убийству и культу насилия» [5. С.58]. Рухнувшая нацистская диктатура дезориентировала немцев. В условиях иностранной оккупации они оказались под воздействием политических проектов победителей, которые предусматривали возможности коммунистического и либерального развития. Несмотря на соприкосновение с социалистическими идеями в своеобразной гибридизированной национал-большевистской форме, он не видел в нем ориентира дальнейшего развития. К слову, в отличие от Э. Никиша, который после освобождения из тюрьмы, оказался в советской оккупационной зоне и еще грезил надеждами германского социалистического развития на национальной основе и очень быстро разочаровался в этом под давлением диктатуры сталинского подхода к будущему германского государства, Э. Юнгер находился в западной зоне оккупации, где реализовывался либеральный проект. Либеральная модель не вселяла в него уверенности в правильном развитии германского общества. Здесь сказывался и его прошлая деятельность как германского националистического публициста Веймарской республики, борвшегося против ее либеральной системы. Это накладывалось и на трансформацию его представлений о политике, его наблюдений и размышлений о природе национал-социалистической революции и господства. Поэтому восстановление нулевой точки либерального развития республики не представлялось ему выходом из катастрофического положения Германии. Он писал, что «по-прежнему еще широко распространено мнение, что для восстановления порядка достаточно вернуться к либеральному государству. Однако это всего лишь вернет нас в исходную позицию» [5. С.56]. Утверждение Х. Кизеля при анализе сочинения «Мир» о том, что в нем «принципы авторитарного и либерального государств должны примириться в синтетической демократии» [9. S.523] в меньшей степени соответствует юнгеровской концепции мира и тональности самого сочинения. Конечно, имея в основании формирования формирования бу-

душего германского государства западную модель государственного строительства, что означало неумолимое следование либеральным принципам и политическим ценностям, не приходилось рассчитывать на образование национального государства. При этом было бы странно услышать из уст Э. Юнгера панегирик либерализму. До этого он не опустил, да и не собирался вступать в сделку с совестью и как некоторые излишне громко подчеркивать свое сопротивление нацистскому режиму в уютном кабинете собственного дома, существуя на полученную от нацистского правительства профессорскую пенсию с женой еврейкой, уверенный в том, что нацисты уже спланировали его депортацию весной 1945 г., и потому в руках держался мифический пузырек с цианитным ядом, который он был готов принять, когда за ним придут, или же как другие интеллектуалы, призывать немцев к сопротивлению нацизму с безопасных берегов американского континента, используя радиоканал, чтобы донести свои пламенные слова до остывших немецких сердец. Э. Юнгер был в Германии, в водовороте происходящих событий, но втором эшелоне. Его обращение к христианству в условиях Второй мировой войны наверно симптоматично. Под воздействием К. Шмитта он обратил свой интерес к католицизму, вернулся к истокам семейной традиции по материнской линии. В оккупированном Париже он читает Библию, и размышления о ней сплетаются с рассуждениями о современности. Видимо не случайно, что выздоровление от нигилистической болезни ему виделось с помощью веры и путем создания новых теологических основ общества. «Подлинное преодоление нигилизма, а вместе с тем и примирение, станет возможным только при помощи церквей. <...> В охваченном пламенем мире и в вихрях водоворота нигилизма она (церковь – С.А.) оставалась той силой, что сберегла благополучие миллионов людей не только перед своими кафедрами и алтарями, но и в духовных храмах ее учения, в той ауре, что окружает верующего и не покидает его даже в час смерти» [5. С.56,58].

Вера способна поднять человека с колен. Она позволяет ему понять добро и зло, определяет его поступки на основе принципов веры. Однако эпоха нигилизма расшатала основы человеческой сущности, вложив в него убеждение в том, что все позволено, что он все может, и нет ничего, что способно было бы его остановить. Нигилистический пыл разрушения и отрицания авторитетов привел к перерождению человека в бунтаря, ниспровергателя устоев. Внутренний мир человека, его согласие с самим собой и с окружающим миром подвергся разрушению, определившему радикальные проявления войны. Поэтому мир должен быть не только внешним примирением государств, но и внутренним примирением человека, обузданием его собственных разрушительных страстей. «Он (мир – С.А.) может быть обретен, только если человек сумеет потушить кровавое пламя в самом себе, избавиться сперва от собственной ненависти и раздора внутри себя» [5. С.63]. Э. Юнгер считал, что внутреннее успокоение человека приведет к государственному примирению, и определяющим компонентом здесь должна выступить вера. «Государство всегда должно опираться на веру, если оно не хочет быстро обрушиться или быть охваченным пламенем» [5. С.55]. Однако насколько возможно реально религиозное возрождение? Насколько человек способен после периода нигилистического отрицания прийти к смирению?

В отношении государства Э. Юнгер достаточно твердо полагал, что безверие стимулирует агрессию без границ, которая и вылилась в бесчеловечные ужасы прошедшей войны. В отношении человека создается впечатление, что Э. Юнгер был убежден в невозможности восстановить в прошлом устойчивые принципы веры. Это было бы только внешним проявлением, и не затронуло бы сущность человека. Мир и человек должны следовать своей эпохи, в юнгерском видении – эпохе наступающей тотальной мобилизации, в которой требовалось уже защищать самого человека. Эпоха Рабочего, о которой он писал в 1932 г. стала изменяться, все больше приобретая технократические черты, пожирающие человека и человечность. Конечно,

Э. Юнгер надеялся на внутреннее объединение человечности и технической эпохи. «Это станет возможным, только если метафизическая сила людей будет возрастать в той же степени, что и техническая мощь. И здесь раскинулись широкие невозделанные поля для новой теологии как первейшей из наук» [5. С.54]. Следует отметить, что заявляя о «новой теологии» как о новом мировоззренческом ориентире, Э. Юнгер не стал формулировать ее принципы. Ограничь констатацией, он не стал к этому больше возвращаться. В работе есть лишь единственная отсылка к тому, как человек должен выработать позицию веры в отношении человека и власти. «Мы достигли той точки, в которой от человека можно требовать если не веры, то хотя бы благочестия, стремления жить праведно в высшем смысле этого слова. Толерантность должна иметь свои границы, а именно в том, что чистых технократов нельзя допускать до руководства людьми» [5. С.54-55].

Сочинение «Мир» Э. Юнгера фактически было попыткой прочертить будущий профиль мирового устройства, но сложно говорить о степени воздействия на германское общество. Скорее всего, оно не оказало на него воздействия, оставшись малозамеченным. Сложно сказать, насколько Э. Юнгер сам стремился к широкому распространению. В любом случае, следует отметить одну важную особенность, присущую данному сочинению. «Мир» стал практически последним политическим трактатом, написанным им с претензией на политическую публицистику. Если обратить внимание на последовавшие за ним сочинения, то они смещаются в область литературной антиутопии или философско-исторических эссе. Э. Юнгер не стал возвращаться к политическим дискуссиям консерватизма, избрав поле магического реализма.

Библиографический список

1. Ирвинг Д. Эрвин Роммель. Ганнибал двадцатого века/ Пер. с англ. – М., 2006.
2. Юнгер Э. Второй Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения. (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002.
3. Юнгер Э. Кавказские заметки// Юнгер Э. Излучения. (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002.
4. Юнгер Э. Кирххорстские листки// Юнгер Э. Излучения. (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002.
5. Юнгер Э. Мир. Слово к молодежи Европы и молодежи мира / Пер. с нем. – М., 2018
6. Юнгер Э. Первый Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения. (февраль 1941 – апрель 1945)/Пер. с нем. – СПб., 2002.
7. Юнгер Э. Сады и дороги/Пер. с нем. – М., 2008
8. Юнгер Э. Семьдесят минуло: дневники 1971-1980. /Пер. с нем. – М., 2015
9. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2009.
10. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. – Stuttgart, 2014

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 94+355.01 (430)"1914-1944"

Л. В. Ланник

ЭРНСТ ЮНГЕР И ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ ЭЛИТА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимоотношений Э. Юнгера и германской военной элиты. Автор рассматривает деятельность Э. Юнгера как офицера рейхсвера на фоне становления германских вооруженных сил после окончания Первой мировой войны.

Ключевые слова: Э. Юнгер, рейхсвер, фрайкоры, Веймарская республика.

Lannik L.V.

Ernst Junger and the German military elite: to the problem of relations

Abstract: The article is devoted to the problem of the relationship between E. Junger and the German military elite. The author views E. Junger's activities as an officer of the Reichswehr amid the formation of the German armed forces after the end of World War I.

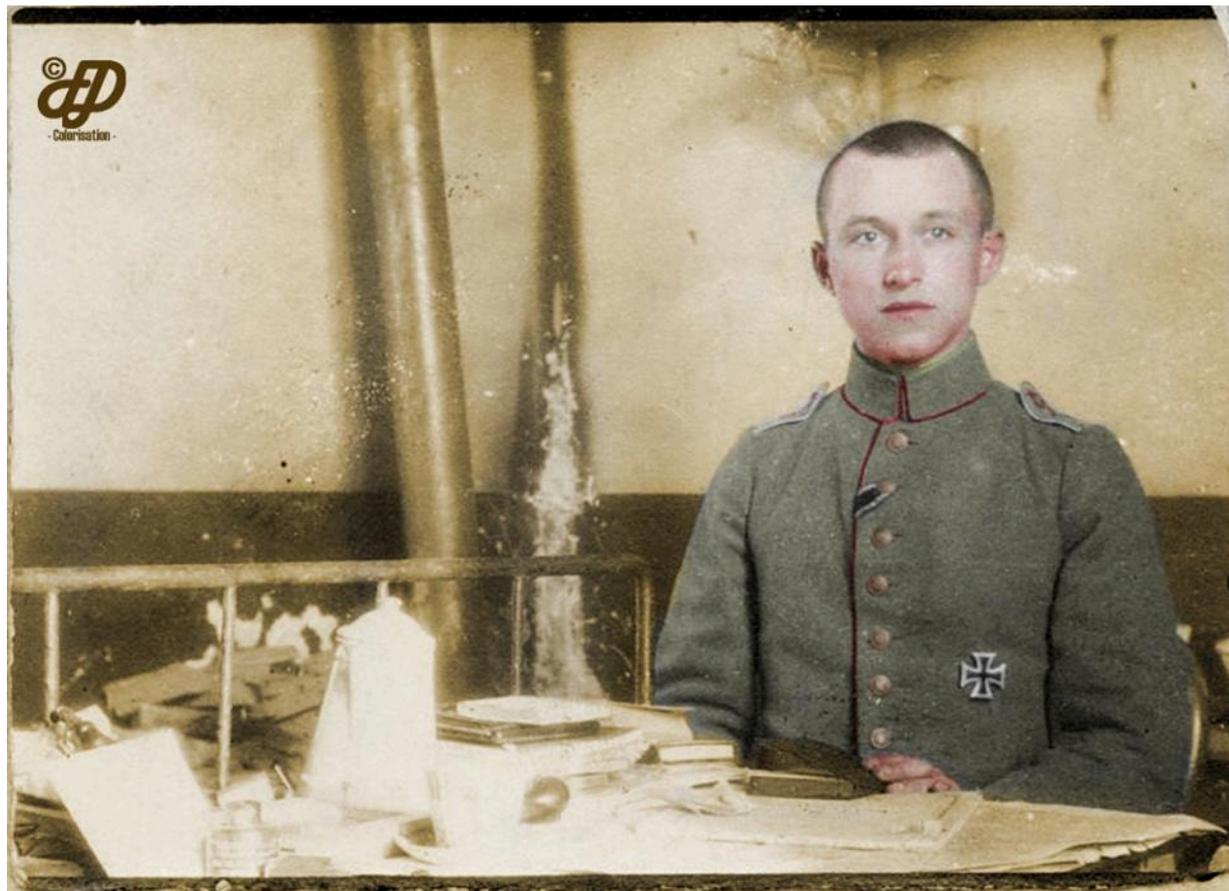
Keywords: E. Junger, Reichswehr, Freemakers, Weimar Republic.

Об Эрнсте Юнгере написано очень много, в том числе им самим. Обширное наследие этого неоднозначного и плодовитого мыслителя до сих пор находится в стадии не только осмысления, но и ввода в научный оборот, как в Германии, так и за ее пределами. Дискуссии об эволюции его воззрений, как философских, так и политических занимают львиную долю историографии, далеко не исчерпавшей в своем анализе источники, оставленные не только братьями Юнгерами, но и их интеллектуальным окружением разных эпох их жизни и творчества. Однако едва ли найдется хотя бы один специалист, который стал бы утверждать, что восхождением к общенациональной известности и будущей славе одного из самых известных представителей своего поколения Юнгер обязан чему-либо еще кроме яркой военной карьеры, фронтовика и офицера [см.: 5; 6].

Тем более примечательно, что сам Юнгер далеко не исчерпывающе описывал свой путь германского офицера, особенно откровенно умалчивая детали своей службы во временном, а затем и в постоянном рейхсвере, продолжавшейся до осени 1923 г. Этот этап его биографии представляет собой богатое поле для работы юнгероведов, требующей длительного сбора по меньшей мере косвенных сведений о 23-28-летнем только что прославившемся на всю страну писателе. Некоторой помощью в этом процессе могут стать общие соображения об обстоятельствах вступления Юнгера в рейхсвер, его месте в ходе трансформации кайзеровского офицерства и мотивах отказа от дальнейшей военной карьеры.

К осени 1918 г. 23-летний лейтенант, уже считавшийся кадровым военным, и много раз раненный командир роты, мог считаться одним из тех редких строевых офицеров младшего звена, что смогли дожить и остаться на фронте вплоть до трагических для Германии последних месяцев Великой войны на Западном фронте. Вряд ли возможно назвать Юнгера безусловно уникальным явлением в понесшем тяжелейшие потери германском офицерском корпусе, но среди офицеров военного времени он, безусловно, выделялся. Это тем более дало о себе знать на фоне разложения кайзеровской армии в финале начатой в марте с такими надеждами на скорую победу кампании. Тяжелейшие бои июля-ноября 1918 г. стали поистине эпической страницей в истории германских вооруженных сил, ведь в них, вопреки громадному превосходству Антанты в материальных и людских ресурсах, моральному надлому в армиях Центральных держав, дезертирству и уклонению от возвращения фронт десятков тысяч выздоровевших раненых и отпускиников Кайзеррейхом, была одержана оборонитель-

ная победа. Войска держав Согласия так и не смогли добиться развала единого Западного фронта, пленения крупных войсковых соединений, не добились прорыва на территорию Германии, не сумев отбить вплоть до Компьенского перемирия даже Брюссель. Этот подвиг редящих германских рот и батальонов позднее был положен в основу базового мифа об ударе (со стороны революционной Германии) «ножом в спину так и не побежденному» фронту. Анализ этой легенды и его политические последствия проводились неоднократно, однако отношение самого Юнгера, как участника событий, к позднейшей пропагандистской формулировке было более чем сдержанным, что крайне показательно.

Эрнст Юнгер в годы Великой войны

Катившаяся навстречу неизбежному поражению империя все поспешнее раздавала некогда редчайшие награды, в том числе Pour-le-Merite. Вряд ли возможно утверждать, что последние кавалеры получили ордена менее заслуженно чем их предшественники, однако их количество вряд ли вызвано повышением «уровня героизма» по меньшей мере в 2 раза. Судьбе было угодно, чтобы командир роты 73-го пехотного полка Э. Юнгер стал одним из последних награжденных «Голубым Максом» пехотных офицеров. Среди удостоенных этого ордена лейтенантов (если не считать летчиков) было очень немного. К награде он был представлен за бои еще в конце июля, а награждение последовало 18 сентября, когда Юнгер, раненый в 7-й раз 25 августа, лежал в госпитале в Ганновере. Ему в известной степени повезло не только выжить, но и получить (22 сентября) заслуженную награду. Некоторые из представленных к ордену (в том числе и асы авиации) попросту не дождались утверждения военным министерством и кайзером. Многим обладателям других высоких наград (а у Юнгера

был, например, королевский орден Гогенцоллернов с мечами), да еще и в скромных чинах, командование попросту опасалось давать очередные знаки отличия, ведь это провоцировало зависть и конфликты иерархии. 9 ноября Вильгельм II, - пока на фронте продолжались бои, проводились раздачи последних *Pour le Mérite* и шли новые представления, - бежал в Нидерланды. Как и многие раненые на излете бесславно кончившейся войны, Э. Юнгер, получивший вместе с орденом знак за ранение в золоте, смог добавить очередную эффектную и трагическую деталь в свою биографию.

Pour le Mérite — орден, бывший высшей военной наградой Пруссии до конца Первой мировой войны. Неофициально назывался «Голубой Макс».

Грядущее многотысячного офицерства и многомиллионной солдатской массы отныне было крайне туманным. Было очевидно лишь, что будущая армия во многом поменяется. Облик ее, степень боеспособности и особенно размеры были в Германии долгое время не ясны. Сравнительно успешно проведенная эвакуация бывшего Западного фронта за Рейн и последовавшая демобилизация сопровождалась участием десятков тысяч фронтовиков во вспышках гражданской войны, причем главным образом в составе фрайкоров, потопивших в крови ряд мятежей ультралевых в различных регионах Германии. Достаточно быстро формирование, а затем и руководство добровольческими отрядами оказалось под контролем германской Ставки и прусского военного министерства, а затем и министра рейхсвера Носке. Служба Отечеству в тяжелейшие месяцы смуты и дезориентации стала одним из аргументов в пользу кандидатов в будущие вооруженные силы Веймарской республики. В ожидании условий Версальского мира, разрабатывавшихся без участия побежденных, фрайкоры с марта 1919 г. сводились в бригады временного рейхсвера, общая численность которого должна бы-

ла составить не менее 400 тысяч бойцов. Слишком заразившиеся (контр)революционной вольностью и предельно ожесточившиеся добровольцы в новой армии были не слишком желательны. Лояльность их леволиберальной верхушке Веймарской республики была ниже всякой критики, управляемость сомнительна, репутация более чем спорна. Наименее негативный флер был у тех бойцов фрайкоров,

Э. Юнгер на Великой войне

что в первой половине 1919 г. воевали не столько с большевиками, сколько с новыми соседями Германии, в первую очередь с поляками, отстаивая с их точки зрения безусловно немецкие территории. Герои Западной и Восточной Пруссии, Позена и Верхней Силезии импортировали многим. Однако Э. Юнгер, о судьбе которого в эти месяцы мы знаем крайне мало, по-видимому, ни в один из спорных приграничных регионов не поехал, либо по меньшей мере не успел к фазе активных боев. Большая часть пограничных конфликтов была окончена подписанием Версальского договора 28 июня 1919 г., одновременно зафиксировавшего и размер будущих вооруженных сил – 100 тысяч человек, включая 4 тысячи офицеров. Это шокировало всю Германию, включая до последнего ожидавшее хотя бы 200-тысячного лимита командование.

С этого момента отбор в рейхсвер, который еще предстояло под жестким наблюдением Антанты в сжатые сроки сократить до указанной величины, пошел куда жестче. Открыто недовольных позорным миром и не желавших участвовать в его имплементации солдат и

офицеров выдавливало в регионы, где продолжались бои – в первую очередь в Верхнюю Силезию и Прибалтику. Часть фрайкоров с лета 1919 г. готовилась к антиверсальскому мятежу, последовавшему в марте 1920 г. Демобилизация вышла на новую стадию: теперь расформировывали и сводили в новые соединения сотни полков Старой армии, в том числе имевшие столетия славной истории гвардейские части и именные полки, появившиеся еще при Великом Курфюрсте и Старом Фрице. Это была трагедия для кадрового офицерства, и без того не желавшего служить республике и дезориентированного поступком кайзера, которому оно присягало. Офицеры военного времени, даже те из них, что служили в кадровых полках, на таком фоне и вовсе не могли на что-либорассчитывать.

Создатели нового рейхсвера, имея в виду неуклонную подготовку к реваншу в любых условиях и вопреки всем ограничениям, видели в отборе в новые вооруженные силы не только политический, но и профессиональный вызов. Состав будущего офицерства, обязанного служить не менее 25 лет, следовало сделать оптимальным. После некоторой борьбы

внутри германской военной элиты, а особенно по результатам Капповского путча (когда в отставку ушли Г. Носке и В. Рейнхардт) с апреля 1920 г. становление рейхсвера полностью взял под контроль Г. фон Сект, придав новой армии желательные для себя черты. Вооруженные силы Веймарской республики должны были стать безусловно лояльными, но не правительству, а командованию. Отдавалось предпочтение не строевому офицерству, а генштабистам. Поддерживалась высокая степень преемственности с кайзеровской армией, но не по форме, а по духу, что вызвало массовые отставки не только династов и аристократов из гвардейских казино, но и немногочисленных командиров, действительно готовых служить республике. Хотя откровенное пренебрежение к офицерам резерва и ландвера за годы Великой войны ушло в прошлое, тем не менее поистине кадровые, еще довоенной выучки кайзеровские командиры в новом рейхсвере составляли подавляющее большинство [См.: 1, с.402-472].

Лишь наиболее отличившимся офицерам военного времени, настроенным отныне избирать карьеру военного с единственной целью – грядущего реванша, - удалось получить место среди подчиненных Г. фон Секта. Среди них оказался и лейтенант Э. Юнгер, хранивший и об этом очень сложном для всех его боевых товарищей этапе карьеры подозрительное молчание. На пользу ему пошло многое: и безупречная слава ветерана Западного фронта, раненного в боях за Отечество, и PourleMerite, и дистанцирование от одиозных фигур смутного этапа 1918-19 гг., и независимость от прежних военных клик и группировок кайзеровского времени. Однако решающим аргументом в пользу Э. Юнгера при переводе его в уже постоянный (с марта 1921 г.) 100-тысячный рейхсвер по-видимому стала его громкая слава автора «В стальных грозах», определившая его призвание с 1920 г. на всю последующую жизнь [см.: 2; 4]. Оставить такой символ героического фронтового офицера за рамками рейхсвера, если уж тот пожелал служить и дальше, было чревато для Г. фон Секта серьезными репутационными издержками. В таком случае он подарил бы блестящего пропагандиста далеко не подавленной ультраправой антиверсальской оппозиции. Исходя из таких соображений лейтенанту, а затем обер-лейтенанту Юнгеру было дозволено стать офицером рейхсвера, хотя сектской этике – «офицеры Генштаба имен не имеют» - он, с его тягой к перу и быстро пришедшей общенациональной известностью, совершенно не соответствовал.

Символические мотивы своего допуска к службе в рейхсвере Э. Юнгер очевидно прекрасно понимал. Даже при крайне скромном жаловании место в одной из армейских структур гарантировало блестящему, но пока лишь начинающему публицисту некоторую стабильность дохода. В годы его службы в Ганновере он вряд ли бедствовал. Переоценить это благополучие на фоне тяжелейшей социально-экономической обстановки в Германии вплоть до 1924 г. попросту невозможно. Не исключено, что Юнгер, оставаясь офицером рейхсвера, хотел оградить себя и от трагических ошибок в случае новых (и весьма вероятных) путчей. Позиция Секта – «рейхсвер не стреляет в рейхсвер» - и бесславная участь организаторов Капповского путча демонстрировали цену опасных иллюзий. Юнгер фактически занял выжидательную позицию, как и многие тысячи офицеров и умеренных немецких националистов, ожидая ослабления диктата Антанты, излечения военных травм и «пробуждения Германии».

Командование отдавало должное особенностям офицера-публициста, найдя ему пусть и не яркую, но вполне подходящую миссию. Юнгер должен был приложить свой военный опыт и писательский талант к редакции инструкций, уставов и наставлений для бойцов рейхсвера. Это требовало не только здравого смысла, методичности, но и специфического стиля, способного сделать «казенный немецкий» максимально наглядным и запоминающимся. Всеми этими качествами автор «Стальных гроз» вполне обладал. Возможно, эта работа не вполне отвечала его самолюбию или могла показаться однообразной, судить с уверенностью

сложно. Как известно, Юнгер был способен к достаточно дотошному труду и откровенно мелочной повседневности, а потому однозначно предполагать его недовольство выпавшей ему в рейхсвере миссией не приходится. Более того, он мог и вовсе добиваться именно такой должности и задач, чтобы служба не мешала ему посвятить себя главному – оттачиванию своего таланта публициста (вообще не слишком желательному в «аполитичном» рейхсвере) и попыткам извлечь максимум из совершенствования своих военных дневников. Это требовало времени и стабильного не-литературного дохода. И то, и другое рейхсвер ему предоставил. Темпы чиновничьего производства даже в столь маленьких вооруженных силах были все же выше чем в кайзеровской армии (сказывались многочисленные командировки, отставки и секретные миссии), а потому со временем (в течение 3-4 лет) Юнгер дослужился бы до капитана. Дальнейшая карьера требовала не только крупного везения, но и приобретения действительно серьезного военного образования, а не периодических курсов для командного состава. Рано или поздно этот вопрос должен был встать ребром. Если бы литературная карьера все же не задалась, определенные возможности именно такого развития событий у Юнгера оставались. Возраст, награды, интеллектуальный флёр (который ценил и сам Г. фон Сект) позволяли ему надеяться на определенную протекцию со стороны командования. При этом он навсегда оставался бы для по-прежнему замкнутой касты выпускников кадетских корпусов, прусских генштабистов и, как правило, дворян из династий потомственных военных [см., напр.: 3, 23-69] сколь угодно симпатичным, а возможно раздражающим своей громкой известностью маргиналом. Считать Юнгера действительно равным себе кадровым профессиональным военным его возможные сослуживцы и коллеги на следующих ступенях иерархии никогда бы не смогли.

Этому сочетанию литературы и иной служебной деятельности положили конец бурные события лета-осени 1923 г. О них Юнгер также хранил подозрительную немногословность, однако определенную логику поступков и фактов биографии реконструировать все же возможно. Бурный рост «национального движения», предчувствие нового этапа гражданской войны и раскола Германии провоцировали обладавшего решительным темпераментом офицера к отказу от прежней выжидательной позиции. При далеко не ясной позиции рейхсвера в эвентуальных попытках государственного переворота Юнгер, наблюдая их назревание через своих знакомых и единомышленников, должен был оградить себя от выполнения тех приказов, что сочтет неверными. Обладая определенным влиянием на умы, он мог задумываться и о том, чтобы личным примером указать путь колеблющимся. Именно это привело его в ряды появившегося ненадолго фрайкора Г. Россбаха. Занятому отчаянными попытками спасти целостность Веймарской республики и ее текущее политическое устройство Г. фон Секту было попросту не до вольнолюбивого публициста. Спектр вариантов, который представлял себе Юнгер в обстановке флуктуации лета-осени 1923 г., - от лавров Л. Шлагетера, до марша по мюнхенской мостовой плечом к плечу с Э. Людендорфом, М. Шойбнер-Рихтером и А. Гитлером - мог быть весьма широк. Можно лишь констатировать, что накануне подавления Кюстринского путча никакой уверенности в том, что и на этот раз рейхсвер не будет стрелять в рейхсвер, уже не осталось, поэтому Юнгер решил снять офицерский мундир и стать студентом Лейпцигского университета. В экономической обстановке начала осени 1923 г., - с массовым голодом, безработицей и гиперинфляцией, - для молодого отца семейства это была смелость, переходящая в идейную браваду, для него вполне типичную.

Все последующие этапы его биографии описаны им самим и исследователями весьма подробно, а потому нет необходимости в них углубляться. В качестве итога остается лишь констатировать, что даже усыпанный наградами фронтовик и лейтенант военного времени, даже кавалер PourleMerite, даже обер-лейтенант элитного рейхсвера безусловным представи-

телем германской военной элиты считаться не может. Для этого не хватает формальных признаков, в том числе соответствующего образования и занимаемых постов. Это не означает, что Юнгер не имел возможности войти в этот круг по мере развития военной карьеры, однако он сам предпочел литературную стезю. Возможность все же стать специфическим представителем военной верхушки у него оставалась и в дальнейшем. Юнгер, сложись его судьба публициста и политика менее удачно, вполне мог вступить в 1935 г. в остро нуждавшийся в командных кадрах вермахт. Его авторитет был весьма необходим Третьему рейху, а потому должности вполне генеральского уровня и престижа нашлись бы в ряде военно-политических ведомств и до 1939 г., а уже тем более началом нового тотального конфликта. Однако флирт Гитлера с культовыми для Кайзеррейха и Веймарской республики фигурами общественно-политической жизни всегда был слишком опасен. Юнгер это слишком хорошо понимал, чтобы польститься и на славу рупора нового воинственного режима, и тем более, что вновь «войти в воду» германских вооруженных сил без должной на то необходимости. Эстетическое неприятие новой власти при регулярных личных встречах с Й. Геббельсом или после скандальной отставки друга его лейтенантской молодости, а ныне генерал-полковника В. фон Фрича скрывать было бы особенно тяжело.

Вероятно, ближе всего в своей жизни к вхождению в круг германской военной элиты Юнгер оказался в Париже в годы Второй мировой войны. Его желание дистанцироваться от власти было должным образом уважено. Юнгер стал «простым» капитаном вермахта, но очень быстро оказался вдалеке от строя, в окружении штабных офицеров и генералов группы армий „В“. Его парижские годы были вполне богемными по уровню жизни, но элитными по поставленным перед ним задачам, а потому капитанское звание едва ли передавало истинную его роль в командной иерархии. Его миссия на Кавказе уже может считаться достойной офицера Генштаба, хотя должных результатов для начальства Юнгер из нее не вынес. Он все менее осторожно отходил от маски одного из офицеров оккупационных войск. Но и на этот раз благодаря своему не раз выручавшему его удивительному чутью опасности он смог удержаться на краю довольно логичного в данном случае продолжения карьеры в сторону вхождения в военное крыло Сопротивления. Не являвшийся носителем прусской военной этики, то есть не отличавшийся действительно выраженным чувством субординации, а также слишком уж давно знакомый с фюрером и его идейной эволюцией Юнгер принципиальных колебаний в отличие от многих офицеров и генералов не испытывал. Семейная трагедия, драма неизбежного краха Третьего рейха, пренебрежение и брезгливость к поздним этапам нацистского режима гарантировали необратимость пути в стан заговорщиков. Это стоило бы последующей казни либо почетного самоубийства не позже осени 1944 г. Иных вариантов ему, как живому символу героя-фронтовика Великой войны и всемирно известному писателю-националисту, Гитлер и Г. Гиммлер не оставили бы, точно так же, как и генерал-фельдмаршалу Э. Роммелю, некогда тоже получившему PourleMerite еще обер-лейтенантом. Но и на этот раз, как и в 1919-м, как и в 1923-м, все более выдающийся литератор и мыслитель оказался за пределами опасной группы, что и позволило ему пережить не только 1945-й год, но и преодолеть дистанцию в более чем полвека.

Разгром германского движения Сопротивления для него вылился главным образом в отставку в чине капитана, невзирая на действовавшие законы о ландштурме и 49-летний возраст. Дальнейшие годы в истории Германии положили конец всяким искушениям, связанным с вхождением в военную элиту, тем более для не самого бесспорного и уже немолодого властителя умов двух предшествующих эпох. По итогам обеих мировых войн Юнгер остался на своей колее, за пределами военной элиты любой из тех Германий, что довелось ему за-

стать, странником между двумя (или более?) мирами, обладателем самой неоднозначной судьбы и репутации среди всех представителей консервативной революции.

Библиографический список

1. Ланник Л.В. Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914-1921. – СПб., 2016
2. Юнгер Э. В стальных грозах/ Пер. с нем. – СПб., 2000.
3. Hürter J. Hitlers Heerführer: die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. – München, 2006.
4. Jünger E. In Stahlgewittern. Historisch-kritische Ausgabe, hrsg. V. H. Kiesel. – Bd.1-2. – Stuttgart, 2013.
5. Kiesel H. Ernst Junger. Die Biographie. – München, 2009.
6. Schwilk H. Ernst Jünger, Ein Jahrhundertleben. Die Biographie. – Stuttgart, 2014.

Сведения об авторе:

Ланник Леонтий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской Академии Наук, e-mail: leo-lannik@yandex.ru

УДК 94+32(430+450)

Д. С. Моисеев

ЮЛИУС ЭВОЛА И ЭРНСТ ЮНГЕР: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА К АПОЛИТЕΙΑ

Аннотация: Работа посвящена рассмотрению эволюции политических взглядов Юлиуса Эвола и Эрнста Юнгера, а именно – постепенному отходу от свойственных им в молодые годы радикальных политических позиций в сторону полного отрешения от политического и отказа от участия в политике.

На основании обращения к текстам указанных авторов в статье предпринимается реконструкция радикальных политических идеалов ранних Эвола и Юнгера, определяется время их отхода от попыток активного влияния на политику, а также разъясняются причины принятия ими данных решений.

Ключевые слова: Юлиус Эвола, Эрнст Юнгер, традиционализм, радикализм, национализм, *apoliteia*, политическая мысль, интеллектуальная история.

Dmitry S. Moiseev

Julius Evola and Ernst Junger: from Political Radicalism to Apoliteia

Abstract: This paper is dedicated to the evolution of Julius Evola's and Ernst Junger's political views, specifically – to their move from early years' political radicalism to the totally apolitical position in the later life.

We aim to reconstruct the radical political ideals of young Evola and Junger, identify the time of their complete withdrawal from the active political scene and the cease of their attempts to influence contemporary politics. We also tend to clarify the reasons of such decisions made by these two intellectuals.

Keywords: Julius Evola, Ernst Junger, Traditionalism, Radicalism, Nationalism, *Apoliteia*, political thought, intellectual history.

Европейские «правые» интеллектуалы барон Юлиус Эвола (1898 – 1974) и Эрнст Юнгер (1895 – 1998) являются яркими представителями радикальной политической мысли XX века. Эвола и Юнгер принадлежали одному идейному лагерю, который мы называем «правым», а их политические труды – одной эпохе. Оба были заметными политическими радикалами в 20-е годы XX века, в 30-е выбрали для себя путь «внутренней эмиграции», отказавшись налаживать отношения с праворадикальными режимами, пришед-

шими к власти в Италии и Германии, а в послевоенный период отрешились от политического и сосредоточились исключительно на интеллектуальной работе.

В рамках настоящей статьи мы вкратце рассмотрим движение Юлиуса Эвола и Эрнста Юнгера по направлению от деятельного политического радикализма к *apoliteia*, то есть к выстраиванию значительной внутренней дистанции по отношению к современной политике вкуче с отказом от сколь-либо деятельного в ней участия, и постараемся разобраться в причинах, приведших указанных мыслителей к подобному жизненному выбору.

Юлиус Эвола

Юлиус Эвола, прошедший службу в рядах итальянской армии в годы Великой войны (служил артиллерийским офицером; его часть располагалась в районе Асиаго, участия в боевых действиях не принимала), обращается к политическому в середине 1920-х годов и выступает с критикой демократической системы (в том числе – на страницах «Фашистской критики» Джузеппе Боттаи), буржуазных элементов фашизма, лакейства чиновников и католической церкви. Политические устремления молодого Эвола были связаны с надеждой на ренессанс языческой духовности, возвращение героического в обыденное, восстановление справедливой социальной иерархии, укоренённой в духовном могуществе.

Итальянский мыслитель изложил свою модель в работе «Языческий империализм» (1928), в которой утверждал, что «Запад больше не ведаёт мудрости: он не знает благородного безмолвия тех, которые преодолели самих себя, не знает светлого покоя тех, «которые видят», не знает гордой «солнечной» реальности тех, в ком возроди-

лись идеи крови, жизни, могущества... Запад больше не знает Государства» [16, с.38].

Формулируя альтернативу католической духовности, Эвола обращается к гиперборейскому мифу, «солнечной нордической традиции», воспевая эпоху «Золотого века человечества», о котором повествуется в древних преданиях: «Уже в древнейшие времена Предыстории, там, где позитивистские суеверия предполагают обезьяноподобных пещерных жителей, существовала единая и могущественная пракультура, отголоски которой слышатся во всем великом, что дошло до нас из прошлого – как вечный, вневременной символ. Иранцы знают о *aiyuanet vaејо*, стране, лежащей на крайнем Севере, и видят в ней первое творение «Бога Света», место, откуда пошел их род. Это также обитель «Сияния» – *hvareno* – той мистической силы, которая связана с арийской расой и, в особенности, с ее божественными монархами» [16, с.16]. Через эту оптику Эвола рассматривает как языческий Рим, так и средневековую Священную Римскую империю германской нации.

Язычество, по Эволе, представляет собой живой и деятельный имманентный дух, утверждающий истинные ценности, а традиционная Империя является манифестацией этого духа. Без реставрации подобной духовности, по Эволе, невозможна реставрация Империи, о которой мечтал Муссолини. Подобно тому, как душа организует тело, элита должна организовать государство. Иными словами, Эвола даже не рассматривает возможность «революции снизу», – снизу может прийти только хаос, распад и деградация. Революцию должна совершить элита, встав во главе нации и поведя её за собой, и именно к ней обращена данная работа барона.

Элитистская перестройка фашистской Италии по Эволе должна проходить под знаком «возвращения к имперскому символу Орла» [16, с.37] и выражаться, в первую очередь, в решении двух основных проблем – слишком абстрактной духовности и слишком материалистичной политики. Здесь итальянский мыслитель исходит из идеи органического государства, в котором элита качественно экзистенциально отличается от масс. Соответственно, новая элита должна играть духовную роль, объединяя в себе «жреческий» и «королевский» принципы.

В «Языческом империализме» Эвола критикует современное ему представление о «нации» и национализме. Нация родилась тогда, когда погибли империя, аристократия, феодализм. Эвола видит больше смысла в индийском понятии «касты», высшая из которых была носителем ценностей. Для индусов, как и для германцев, характерно стремление к индивидуальности; Эвола утверждает, что коллективизм им не присущ. Нация же – понятие коллективистское. Традиция предполагает различия, свободные отношения между личностями. Далее итальянский мыслитель называет национализм «возвратом к тотемизму» [16, с.62], а гегельянскую идею «государства как воплощения абсолютного духа» – «маской левиафанической идеи Советов» [16, с.62].

Барон решительно критикует как капитализм, так и социализм. Постепенное и последовательное падение аристократов, феодалов, монархов привело к деградации идеи государства до уровня утилитарного и экономического союза. Вместо власти качества приходит власть количества – а именно, количества денег, безличной, но ныне могущественной силы. В результате кризиса плутократического общества появляется интернациональное пролетарское движение, победа которого будет означать полный крах и распад всех живых и благородных ценностей.

Критикует Эвола и современное преклонение перед техникой. Техническая сила, согласно барону, совершенно immoralна по своей сути, и может сделать могущественным абсолютно любого, – таким образом, это ещё один из механизмов «мира количества». Путь же традиционного могущества означает «знать значит быть», а не «знать значит иметь». Эволу настораживает одержимость завоеванием и созданием, характерную для «фаустовского» человека. Это, в сущности, разновидность мессианства, которое происходит от недостаточности души и противоречит традиционной гармоничности. По Эволе, это то «человеческое», которое призывал преодолеть Ницше.

Барон призывает современников к духовному мужеству, без которого невозможен решительный шаг в сторону, противоположную европейскому упадку – шаг к новой гармонии и вновь обретенной тотальности бытия. Он утверждает, что «существует совершенная, тотальная, позитивная система ценностей, развитая при учете других пришедших в современную профаническую цивилизацию форм, которая является достаточным основанием для готовности к отрицанию – без опасения прийти к ничто – всего принадлежащего к европейскому упадку» [16, с.118].

Радикальность, которая может быть свойственна только молодости и горячей, искренней вере в истинность своих убеждений, – вот наиболее точная характеристика этой ранней работы Юлиуса Эвола. Он пытался задать итальянскому фашизму (а в широком смысле – и всей Европе) вектор реставрации древних традиций, от которых в массовом сознании остались одни лишь осколки и фрагментарные воспоминания. В Италии эта книга явно не осталась незамеченной, однако желаемого автором эффекта не достигла. Хансен [8, с.64] отмечает, что Антонио Грамши, заключенный в тюрьму лидер итальянских коммунистов, обратил внимание на работу Эвола. Муссолини прочёл «Языческий империализм», но, видимо, соображения политического здравого смысла возобладали, и в 1929 году были заключены Ла-

теранские соглашения, ознаменовавшие возрождение альянса между итальянским правительством и католической церковью. Это был удар по надеждам молодого барона – ни о каком языческом возрождении в Италии уже говорить не приходилось.

Вскоре после закрытия основанного Эволой журнала «Башня» в 1930 году барон оставляет попытки прямого воздействия на политическое поле и посвящает большую часть своего времени работой над фундаментальным трудом «Восстание против современного мира», который увидел свет в 1934 году. Эта работа, написанная под очевидным влиянием Генона, у которого Эвола заимствует сам подход, и Шпенглера, у которого Эвола в значительной степени заимствует метод, радикально противопоставляет два духовных полюса, а именно – «мир Традиции» и «современный мир». Барон полностью принимает и подробно обосновывает традиционную точку зрения, согласно которой исторический прогресс является абсурдом, а реально имеет место лишь постепенная и неуклонная деградация духовных, социальных и политических форм.

В «Восстании против современного мира» не осталось и следа от пламенного политического призыва «Языческого империализма». С точки зрения оценки современной политической ситуации, это совершенно пессимистическая работа, ставящая неутешительный диагноз современному миру, но при этом обозначающая и нормативный идеал – полумифический «мир Традиции», органичный, стройный и пронизанный имманентной духовностью. Современный человек утратил контакт с «трансцендентным», утратил это знание и не стремится к его обретению. Как же, в таком случае, может выглядеть само «восстание» против современного мира, если никакая традиционная реставрация невозможна? Это исключительно восстание духа, имеющее не политический (в широком смысле), а экзистенциальный характер, которое может поднять лишь небольшое меньшинство, сохраняющее в себе потенцию к восприятию «искры Традиции». Именно к этим людям будет обращено всё позднее творчество Эволы.

«Восстание» – это первая крупная работа Эволы, написанная исходя из принципа *apoliteia*. Все чистые формы, описанные бароном в первой части работы и имеющие нормативную ценность, сущностно нереализуемы в условиях современного мира, что признаёт сам мыслитель. В заключении Эвола указывает: «Те, кто уже был вынужден из-за свидетельства фактов признать то, что они назвали «закатом Запада», обычно сопровождают свои рассуждения различными призывами, направленными на воздвижение защитных сооружений или вызывание какой-либо реакции. Мы же не хотим ни обманываться сами, ни обманывать других; оставив утешение дешевым оптимизмом, мы желаем лишь объективного восприятия реальности» [9, с. 463]. Он не призывает к героической, но безнадёжной политической борьбе – согласно барону, «Запад может спасти только возвращение к традиционному духу в контексте нового единого европейского сознания» [9, с.463], для которого в тот момент не было никаких условий. Мы же можем добавить к этому, что в настоящее время, в первой четверти XXI века, Европа ещё более отдалилась от позитивных традиционных идеалов – в моде повсеместный материализм, насмешки над всем сакральным, отсутствие понимания каких-либо здоровых иерархий, новые разновидности либерально-демократического мифа (*social justice warriors* и тому подобные искажения). Таким образом, тем, кто духовно не принадлежит современному миру, остаётся лишь путь индивидуального спасения, далёкий от политического в широком смысле – путь *apoliteia*. Поздние работы Эволы направлены на разъяснения частных аспектов этого пути для тех немногих, кто достоин обращения – их барон называет «аристократами духа».

Несмотря на уже сформировавшееся стремление к *apoliteia*, в годы Второй мировой войны итальянский мыслитель предпринимает последнюю попытку оказания действенного

влияния на политический процесс. В небольшой работе «Синтез расовой доктрины» (1941) [3] он, в противовес пронацистской биологической расистской модели, внедрённой в Италии в 1938 году, предлагает концепцию «расы духа», максимально удалённую от материалистической евгеники. Однако эта попытка также завершается неудачей, после чего Эвола окончательно удаляется от политического.

Небольшую статью «Ориентации», написанную Эволой в 1950 г., можно рассматривать как манифест традиционалистской *apoliteia*. В ней барон указывает, что на первый план вышла проблема воспитания нового человека, способного изменить сложившуюся ситуацию, ибо без достойного носителя любая идея обречена на исчезновение. Образцом для Эволы является «дух легионера», осознающего иллюзорность современных мифов и достигающего самореализации благодаря себе самому, своим исключительным качествам.

Внутри себя подобный человек создаёт порядок, неподвластный «миру крамолы». Идеал «особого человека» не имеет отношения ни к экономическим, ни к социальным классам. Это стиль «активной безличности»; критерий – это дело, ответственность, выполнение задачи и достижение к поставленной цели. «Наша истинная родина – в Идее. Объединяет не земля или язык, но общая идея. Это основа, точка отсчёта» [12, с.439], – твёрдо заявляет барон. Как светское, так и клерикальное государство Эволе чуждо – духовность, исповедуемая человеком нового типа, не нуждается в догматических установках, морализме и пуританстве. Призыв Эволы таков: «Эта идея должна победить, прежде всего, в образе нового человека; человека, готового к противоборству; человека, выстоявшего среди руин. Если нам суждено преодолеть этот период кризиса и неустойчивого, иллюзорного порядка, только такому человеку принадлежит будущее. Но даже если судьба этого мира предрешена и грядет его окончательное разрушение, мы должны непоколебимо стоять на своем: при любых обстоятельствах то, что мы в силах сделать – будет сделано, ибо наше отечество не может быть ни захвачено, ни уничтожено ни одним врагом» [12, с.445].

Этот призыв был расценен некоторыми молодыми итальянцами как призыв к радикальным действиям (в том числе – насильственным), что было в корне ошибочно. Потому в следующих работах – в первую очередь, в книгах «Люди и руины» (1953) [10] и «Оседлать тигра» (1961) [13], – Эвола развил мысль о том, что сопротивление современному миру должно иметь, в первую очередь, внутренний, духовный характер, особенно в условиях полного отсутствия какой-либо внешней, политической опоры. Важнейшая задача, с которой сталкивается «человек особого типа», «аристократ духа» – это сохранение себя в тотально враждебной среде, выживание в условиях, когда ни один существующий в современном мире институт, режим или культ не может его в достаточной степени поддержать. Отсюда – целесообразность *apoliteia* как пути к выживанию и самосохранению, к обретению подлинных смыслов по ту сторону государственного и политического. Только в случае выстраивания в самом себе необходимого непоколебимого экзистенциального модуса бытия «особый человек» получит возможность притязать на будущее и предпринимать попытки «оседлать тигра» – укротить разыгравшегося демона современности, в чём должна состоять его конечная цель. Такова траектория эволюции мысли Юлиуса Эволы в отношении заданного вопроса.

Теперь обратимся к жизни и творческому пути второго героя данной статьи – Эрнста Юнгера. Несмотря на то, что он, как и Эвола, принадлежит к «правому» флангу радикальной политической мысли (идеалистической, антиматериалистической, элитаристской, устремленной к органичному), Юнгер принадлежит иной интеллектуальной традиции, которую зачастую определяют как «консервативно-революционную» [7], или как «реакционно-модернистскую» [4]. Отсюда – схожий с эволианским «образ врага» («левак» и «буржуа»), однако отличный положительный идеал раннего радикального периода мысли.

В отличие от Эволы, Юнгер провёл годы Великой войны на передовой, проявляя удивительный героизм. Он был ранен четырнадцать раз, получив сквозное ранение в голову и сквозное ранение в грудь. В январе 1917 года Юнгер получает Железный крест, в ноябре того же года – Рыцарский крест Ордена дома Гогенцоллернов, а в сентябре 1918 становится кавалером высшей военной награды Германской империи – ордена «Pour le Mérite». В годы войны Юнгер ведёт дневник, который издаётся через два года после поражения под названием «В стальных грозах» (1920) [17]. Эта книга делает Юнгера знаменитым; он становится знаковой фигурой – окутанный славой фронтовик открыл в себе талант писателя и постепенно стал одним из самых ярких немецких интеллектуалов первой половины XX века. До 1923 года он служил в Рейхсвере, однако вскоре после провала «пивного путча» ушёл в отставку.

В 1920-е годы Юнгер занимает одну из ведущих позиций в среде немецких праворадикальных интеллектуалов – так называемых «консервативных революционеров». Основываясь на собственном боевом опыте, мыслитель выдвигает идеал фронтового братства и в своих многочисленных публикациях политической тематики воспекает фронтовиков, которые должны составить костяк националистической революции в Веймарской Германии. Революция фронтовиков, этих «символов мужества, чести, храбрости» [26, с.15], должно привести к созданию государства будущего, контуры которого уже явно ощутимы: «Оно будет национальным. Оно будет социальным. Оно будет вооруженным. Его структура будет авторитарной... Это будет современное националистическое государство» [27, с.82]. Если конечная цель националистической революции ясна, то как можно определить идеалы, которым она должна послужить?

В первую очередь, Юнгер настаивает на необходимости духовного обновления Германии, освобождении немецкого духа от оков материализма – как либерального, так и марксистского. «Представители пошлейшего материализма, биржевые спекулянты, дельцы, ростовщики – вот кто сейчас в фаворе! Всё вращается только вокруг товаров, денег, прибыли» [25, с.10], – пишет Юнгер в 1923 году в «Фелькишер Беобахтер». Капиталистические элиты должны уступить своё место людям нового склада – фронтовикам: «Фигура одинокого бойца, человека в стальном шлеме, неизвестного воина, несшего тяжелейший груз на своих плечах, должна стать идеалом, путеводной звездой движения» [24, с.21]. Фронтовик унаследовал дух кайзеровской армии, в рамках которой каждый выполняет задание на собственном посту. В нём живёт понимание долга, он предан общему делу.

Высочайшие экзистенциальные качества фронтовика обусловлены опытом войны, которая, как считает Юнгер, стала логичным следствием эпохи, «которая поклонялась материи, веществу, как Богу» [18, с.44]. В этом был знак судьбы – показать всю внутреннюю пустоту эры материализма. Солдат героически преодолел тяготы войны за счёт силы своего духа. Человек должен пройти через материю, подчинить себе материальное, утвердить над ним своё господство – в этом Юнгер видит урок войны.

Во-вторых, немецкий мыслитель настаивает на примате националистической идеи, которая постоянно присутствует в его статьях – если не в качестве главной темы, то в качестве общего духовного фона. Юнгер отвергает «всеобщее» в пользу «особенного». Национализм сам задаёт себе меру, которую он черпает из духа народа. «Национализм не желает мириться с господством массы, а требует господства личности, чье превосходство создаётся за счёт внутреннего содержания и живой энергии. Он не желает ни равенства, ни отвлечённой справедливости, ни свободы, сводящейся к пустым притязаниям. Он желает упиваться счастьем, а счастье состоит в том, чтобы быть собой, а не другим. Современный национализм не желает парить в безвоздушном пространстве теорий, не стремится к «вольнодумию», но хочет обрести прочные связи, порядок, укорениться в обществе, крови и почве» [22, с.54], – пишет

Юнгер в предисловии к книге своего младшего брата Фридриха Георга «Марш национализма» (1926).

В третьих, Юнгер противопоставляет понятое особым образом иррациональное идеалам Просвещения, о чём свидетельствует понятие воли, которое присутствует в его политической публицистике. Немецкий интеллектуал выступает как убеждённый противник просвещенческой традиции, отрицающий идею прогресса, заставляющую смотреть на прошлое свысока. Рассудочное познание для него – лишь фрагмент общего знания, которое должно сочетаться с последним, но ни в коем случае не заменять его полностью. Иррациональная вера в позитивную силу высших сфер духа, которые воплощаются посредством воли, крайне важна для Юнгера: «Вера в сокровенный смысл наполняет нас, закалённое поколение, рождённое в раскалённом чреве окопов и полное гордости за своё прошлое. И хотя это прошлое связано с неудачей, мы не должны отсюда заключать, что оно было бессмысленным, как можно услышать от каждого торгаша на углу. То, за что гибнут мужчины, никогда не бывает бессмысленным» [28, с.76]. Вопрос, который нужно себе задавать, согласно Юнгеру, это вопрос о том, что необходимо делать, а не о том, что достигнет успеха. Судьба выступает в его картине мира источником и причиной этой необходимости. Посредством воли и характера следует направить все свои силы на достижение необходимого – того, «чего хочет судьба» [28, с.76]. Воля приводит в действие стрелки, которые указывают время судьбы на часах эпох.

В отличие от Эволы, Юнгер приветствует пришествие эпохи техники. При этом, конечно, в его представлении первичен человек – тот, кто техникой управляет. В современной войне духовное и материальное шагают в ногу, без одного из этих компонентов победа в противостоянии невозможна. Машина – это инструмент. «Поистине, машина отняла у нас многое. Она сделала нашу жизнь более энергичной, но и лишила её блеска. Лишив нас целого, она превратила нас в специалистов» [19, с.50], – пишет Юнгер в статье «Машина». Но винить в чём-либо саму технику ошибочно. «Интеллект создаёт инструмент, а воля крови направляет и применяет его» [19, с.52], – утверждает немецкий писатель. Дух не должен противопоставлять себя технике, он должен ей управлять. Из понимания необходимости, которая полагается судьбой, Юнгер выводит мысль о том, что человек модерна, человек, вступающий в союз с техникой, являет собой новый мужественный тип – авиатор, военный лётчик духовно родственен мореплавателям прошлого; ему присуща та же мужественность, то же бесстрашие перед стихийным, та же воля к господству. Он пользуется иными инструментами, но инструменты – это лишь форма выражения жизни.

В 1930-е годы Юнгер развивает свои политические идеи, трансформируя фигуру фронтовика в образ рабочего, который становится вторым из четырёх «больших типов» в его творчестве. В 1932 году немецкий интеллектуал излагает своё видение в книге «Рабочий. Господство и гештальт». Ключевое понятие теории Юнгера – «гештальт»; под ним он понимает целое, включающее в себя нечто большее, нежели сумму своих частей. Человек является большим, нежели сумма атомов, семья – большим, чем союз мужчины и женщины, а народ – больше, чем сумма граждан, проживающих на одной территории. Вся человеческая история представляет собой борьбу гештальтов. Юнгер утверждает, что «человек, как гештальт, принадлежит вечности» [23, с.90].

Гештальт рабочего определяется немецким интеллектуалом в противопоставлении образу бюргера, типичного представителя «третьего сословия». Немец, согласно представлениям писателя, никогда не был хорошим бюргером, он недостаточно «цивилизован». Немец никогда не верил всей душой в идеалы «третьего сословия», слишком дешёвые и человеческие.

Рабочий у Юнгера – это не представитель «четвёртого сословия» и не экономический класс, как у Маркса, а новый экзистенциальный тип человека. Рабочий выходит за пределы бюргерских понятий, не приемлет конформизма. Бюргер стремится к безопасности. Рабочий, напротив, принимает стихийное. Воин, охотник, верующий, мореход – это «рабочие» фигуры. Рабочий живёт опасно, но он при этом не является романтиком. Он не склонен к идеализации, которая всегда, по убеждению Юнгера, постепенно вырождается в нигилизм.

Продолжая тему техники, немецкий интеллектуал утверждает, что она обладает собственным символизмом – за процессами, в которые она вовлечена, стоит непримиримая борьба между гештальтами. Гештальт рабочего решительно ставит её себе на службу, стремясь к господству над материей. Когда тотальная мобилизация будет завершена, тогда и техника обретёт завершенность, поднимая человечество на иной уровень организации.

Этой организацией должно стать рабочее государство, приходящее на смену либеральным демократиям. Принципы государства рабочего – это национализм и социализм. Свобода является той величиной, которая мобилизует гештальт рабочего к осуществлению этого проекта. Она – не самоцель. Национальные демократии являются смесью рутин, цинизма и скепсиса, которые не вызывают доверия у народа. Весь этот спектакль соответствует категориям «морального» и «разумного», столь любимым бюргерами. «Это атмосфера болота, очистить которую можно лишь с помощью взрыва» [23, с.360], – убеждён Юнгер. Рабочая демократия, по его мнению, гораздо ближе к абсолютному государству, чем к демократии либеральной. Партии нового стиля, поставившие своей целью построение подобного государства, рассчитывают на элитный отбор, на выучку, а не на массовость. «Новая аристократия», рождённая в окопах и проникнутая гештальтом рабочего, должна создать новую органическую конструкцию особого типа. Бюргерские порядки подвергаются постоянным атакам, и рано или поздно они падут.

«Рабочий» подводит черту под периодом в творчестве Юнгера, осуществляемым под знаменем политического радикализма. Этот текст был высоко оценен Юлиусом Эволой – в комментарии к «Рабочему» он напишет, что «полемиическая направленность книги против экономического материализма, идеалов процветания «стадного животного», омещанивания даже тех кругов, которые рядятся в мундир противников буржуазии, дополняется конструктивным стремлением к утверждению – пусть даже иной раз высказываемому неприемлемым тоном – необходимости воспитания, направленного на подготовку нового типа человека, склонного скорее давать, чем просить, ради преодоления кризиса, которым охвачен современный мир» [14, с.6].

Юнгеровский радикализм 1920-х – 1930-х годов импонировал Эволе и в послевоенные годы, несмотря на значительные различия в политических идеалах, провозглашаемых этими двумя мыслителями. 17 ноября 1953 года Эвола направил Юнгеру письмо, в котором сообщает последнему о восхищении ранним периодом его творчества. Итальянский интеллектуал предлагает Юнгеру свои услуги в качестве переводчика «Рабочего» на итальянский язык, отмечая, что данная работа может оказать «пробуждающее воздействие» на современность. Проблема, с которой столкнулся Эвола в 1953 году и побудившая его обратиться к Юнгеру лично, заключалась в том, что найти оригинальное издание «Рабочего» тогда не представлялось возможным, к тому же Эвола не знал, к кому следует обратиться по вопросу получения прав на перевод, потому адресовал все эти вопросы лично Юнгеру, полагая, что сможет рассчитывать на его помощь в получении или приобретении экземпляра «Рабочего» и одобрения итальянского перевода данной книги. Эрнст Юнгер на это письмо так и не ответил.

В послевоенные годы и Эвола, и Юнгер отошли от политического радикализма. В творчестве последнего определённой «демаркационной линией» можно считать работу «На

мраморных утёсах» (1939) [21], в которой на смену рабочему приходит фигура партизана, являющегося выражением устремления к «внутренней эмиграции» и свободе, сокрытой в сердце леса. Этот тип в послевоенные годы эволюционирует в фигуру «лесного путника», которая появляется в работе «Уход в лес» (1951) [5] и может рассматриваться как развитие партизана в духовном смысле. Далее, в романе «Эвмесвиль» (1977) [29], проявляет себя ещё один «большой тип» – анарх, уже не нуждающийся в «лесе», чтобы сохранить себя и свою свободу. Как отмечает Аллен де Бенуа [2], анарх удовлетворяется «вертикальным отчуждением» от власти; он пересёк «стену времени» и оказался по ту сторону истории, не порывая с миром.

Мы, в свою очередь, можем отметить, что анарх занимает более пассивную позицию по отношению к современному миру, чем «особый человек» позднего Эвола, который должен именно оседлать тигра современного мира; иными словами – должен, находясь в мире (более того – в тех точках, где его напряжение достигает максимума), не только «сохранить себя», но и быть активным на том «фронте», к которому он предназначен.

Какие же причины побудили Эволю и Юнгера перейти с позиций политического радикализма к *apoliteia*? И первый, и второй уже к концу 1930-х годов полностью отошли от деятельных попыток оказания прямого влияния на политическое. Одна из причин может заключаться в том, что политическая реальность тех лет либо не предоставила возможности для реализации их проектов, либо попытки их исполнения были не вполне корректны.

В случае с Эволой ситуация складывалась следующим образом. Латеранские соглашения, заключённые Муссолини с католиками, закрепили консервативный *status quo*, сложившийся в первые годы существования режима. Подлинно революционный компонент итальянского фашизма в 1930-е годы был сведён к минимуму, и фашистское государственное строительство всё более приближалось к «бюргерским» образцам (Эвола подробно разбирает это в работе «Фашизм: критика справа» (1964), см. [15]). В Германии Эволю знали неплохо – во второй половине 1930-х годов он нередко появлялся в этой стране, выступая с лекциями на различных мероприятиях. Его наибольшая активность пришлась на период с 10 декабря 1937 по 27 июня 1938 года. Вместе с тем, как следует из рапортов СС [1, с.283-284], официальные власти не слишком приветствовали выступления Эвола и даже впоследствии запретили его публичную деятельность в Германии. В послевоенной Италии мыслитель невольно снискал славу гуру неофашистов, однако сам не испытывал какого-либо интереса к политике, не вступив ни в одно движение и не рекомендуя подобную не слишком осмысленную в новую «либеральную» эпоху деятельность никому из тех, кому был нужен его совет.

Ситуация с Юнгером сложилась похожим образом. На ранних этапах существования нацистского движения в Германии немецкий мыслитель сотрудничал с прессой НСДАП (в частности, публиковался в «Фелькишер Беобахтер»), однако чем ближе Гитлер подходил к поставленной цели, тем больше Юнгер разочаровывался в нацизме. После осуждения нацистами терактов «Ландфолька» стало очевидно, что Гитлер собирается прийти к власти парламентским путём. Юнгеру, придерживающемуся более радикальных взглядов, это совершенно не по душе. Также ему претит вульгарный биологический расизм нацистов. Постепенно он отдаляется от НСДАП. Уже в 1927 году Юнгер называл нацистов «сектантами, которые заклинают расу» [6, с.358]. Тогда же он отказался от мандата депутата Рейхстага от НСДАП, иронично заметив: «Гораздо почётнее написать одну добротную строчку, нежели представлять в рейхстаге шестьдесят тысяч болванов» [6, с.358]. В конце 1933 года Эрнст Юнгер покинул Берлин, уйдя во «внутреннюю эмиграцию» и отказавшись стать членом нацистской академии искусств.

В годы Второй мировой войны Юнгер не принимал участия в боевых действиях. Большую часть войны он, имея капитанский чин, провёл в Париже на штабной должности. В 1944 году его сын Эрнст погиб на войне на подконтрольной Итальянской социальной республике территории северной Тосканы. В годы войны немецкий мыслитель написал работу «Мир. Слово к молодёжи Европы и молодёжи мира», в которой указал, что семена войны – это «худые семена, посеянные слишком обильно, и сами следы их должны быть искоренены. Подлинные плоды могут взрасти только из общечеловеческой доброты, из лучшего ядра человека, его самой благородной, бескорыстной глубины» [20, с.10]. В послевоенные годы работы Юнгера было запрещено публиковать в течение 4 лет, однако впоследствии запрет был снят. Немецкий мыслитель удалился в город Вильфлинген, в котором жил до конца своей долгой жизни, сосредоточившись на литературном творчестве и не принимая участия в политике.

Таким образом, ещё в 1930-е годы Юнгеру были очевидны принципиальные разногласия между проектируемым им образом будущего и тем путём, который избрала для себя Германия в лице НСДАП. На компромиссы, как и Эвола, он был идти не готов. Вторую мировую войну он провёл, по большей части, в роли наблюдателя, а не активного участника. Пережив смерть сына и переосмыслив ряд принципиальных вопросов, о чём он написал в «Мире», он окончательно оставил политическое и сосредоточился на иных материях – вопросах техники, будущего, истории, индивидуальной свободы, которые он затронул в своих послевоенных романах и эссе. В отличие от Эволы, всю жизнь хранившего верность традиционалистской модели, Юнгер претерпел значительно более заметную эволюцию взглядов, в результате чего отказался от радикального национализма, приверженцем которого он был в молодости, однако иного политического идеала, который он мог бы отстаивать в публичном поле столь же страстно, не выработал. В этом также заключается одна из причин аполитичности Эрнста Юнгера в период, последовавший после завершения Второй мировой войны.

Завершая статью, нам следует отметить, что эволюция взглядов – это довольно естественный процесс, с которым, так или иначе, сталкивается любой крупный мыслитель. Зачастую перемена позиции приводит к изменению отношения к определённым феноменам и событиям, к смене модели поведения в публичном поле и политическом пространстве, свидетельством чему являются вкратце рассмотренные нами случаи Юлиуса Эволы и Эрнста Юнгера. Эти изменения являются следствием неослабевающей на протяжении всего жизненного пути напряженной работы творческой мысли, внимания к изменяющимся обстоятельствам окружающего мира на фоне ценностей, принадлежащих вечности. Полагаем, что это является одной из причин, по которым творчество Эволы и Юнгера продолжает представлять для нас живой интерес в свете всех кризисных событий, с которыми мы имеем дело в нашей проблематичной современности.

Библиографический список

1. Boutin C. Politique et tradition. Julius Evola dans le siècle. Paris: Kimé, 1992.
2. De Benoist A. Between the Gods and the Titans. The Scorpion, Issue 15 & Issue 17. [Electronic Resource] URL: <http://thescorp.multics.org/15jueng.html> , <http://thescorp.multics.org/17jueng.html> (Accessed: 04-03-2020).
3. Evola J. Sintesi di dottrina della razza. Milano: Hoepli, 1941.
4. Herf J. Reactionary Modernism: Technology, Culture and Politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge University Press, 1984.
5. Junger E. Der Waldgang. Stuttgart: Klett-Cotta-Verlag, 2018.

6. Михайловский А.В. Политическая публицистика Эрнста Юнгера в интеллектуальной истории Веймарской Германии // Юнгер Э. Националистическая революция. М.: Скимень, 2008. С. 316 – 362.
7. Молер А. Консервативная революция в Германии 1918 – 1932. М.: Тотенбург, 2017.
8. Хансен Х.Т. Политические устремления Юлиуса Эвола. Воронеж-Москва: TERRA FOLIATA, 2009.
9. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М.: Прометей, 2016.
10. Эвола Ю. Люди и руины. М.: АСТ, 2007.
11. Эвола Ю. Мореплавание как героический символ // Эвола Ю. Империя Солнца. Тамбов: Ex Nord Lux, 2010. С. 32 – 35.
12. Эвола Ю. Ориентации // Эвола Ю. Люди и руины. М.: АСТ, 2007. С. 424 – 445.
13. Эвола Ю. Оседлать тигра. СПб.: Владимир Даль, 2005.
14. Эвола Ю. Рабочий в творчестве Эрнста Юнгера. СПб.: Владимир Даль, 2005.
15. Эвола Ю. Фашизм: критика справа. М.: Опустошитель, 2015.
16. Эвола Ю. Языческий империализм. М.: Арктогея, 1994.
17. Юнгер Э. В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль, 2000.
18. Юнгер Э. Война как внутреннее переживание // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 40 – 47.
19. Юнгер Э. Машина // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 48 – 53.
20. Юнгер Э. Мир. Слово к молодёжи Европы и молодёжи мира. М.: Вече, 2018.
21. Юнгер Э. На мраморных утёсах. М.: Ад Маргинем, 2009.
22. Юнгер Э. Предисловие к книге Ф.Г. Юнгера «Марш национализма» // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 54 – 58.
23. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб.: Наука, 2002.
24. Юнгер Э. Разграничения и связи // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 19 – 25.
25. Юнгер Э. Революция и идея // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 7 – 11.
26. Юнгер Э. Революция и фронтовые солдаты // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 12 – 18.
27. Юнгер Э. Соединяйтесь! // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 81 – 87.
28. Юнгер Э. Характер // Юнгер Э. Националистическая революция. С. 71 – 76.
29. Юнгер Э. Эвмесвиль. М.: Ад Маргинем, 2013.

Сведения об авторе

Моисеев Дмитрий Сергеевич – кандидат философских наук, член Российского философского общества, dmitry.s.moiseev@gmail.com.

ЭРНСТ ЮНГЕР В КОНТЕКСТЕ «НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Аннотация: В статье рассматривается понятие «национальной революции», как в контексте общеевропейского политического клише, так и в значении «национал-революционного» ответвления внутри интеллектуального движения «Консервативная революция» в истории Веймарской Республики. При рассмотрении «национал-революционного» движения, выявляются его ключевые системообразующие составляющие и характеристики. В контексте «национал-революционного» движения, исследуется фигура писателя и политического активиста Эрнста Юнгера. В этом отношении, в статье выявляются взаимосвязи между творчеством Эрнста Юнгера и его влиянием на «национал-революционное» движение, а также исследуются взаимоотношения между Эрнстом Юнгером и другими представителями «Консервативной революции», в частности с Карлом Шмиттом.

Ключевые слова: национальная революция, национал-революционеры, Эрнст Юнгер, консервативная революция.

G.N. Siplivii.

Ernst Junger in the context of the "national revolution".

Abstract: The article considers the concept of "national revolution", both in the context of the pan-European political cliché and in the meaning of the "national revolutionary" branch within the intellectual union "Conservative Revolution" in the history of the Weimar Republic. When considering the "national revolutionary" movement, its key system-forming components and characteristics are revealed. In the context of the "national revolutionary" union, the figure of the writer and political activist Ernst Junger is researched. In this regard, the article reveals the relationship between the work of Ernst Junger and his influence on the "national revolutionary" union, and also explores the relationship between Ernst Junger and other representatives/figures of the "Conservative Revolution", in particular with Karl Schmitt.

Keywords: National Revolution, National-Revolutionaries, Ernst Junger, Conservative Revolution.

Выражение «национальная революция» закрепившееся в политическом жаргоне XX-го столетия, отсылает к неким революционным преобразованиям в «национальную» пользу. История данного понятия сложна и запутанна. На данный момент, сложно выделить фундаментальные исследования специально посвященные истории и генеалогии понятия. Из актуальных работ, затрагивающих историю понятия мы можем отметить труды таких авторов как Х. Гунтрам [1], Э. Джентиле [2] и Д. Грегора [3].

Впервые, понятие «национальной революции» мы встречаем у Карла Маркса в «Борьбе классов во Франции 1848-1850 гг.»: «Вообще развитие промышленного пролетариата обусловлено развитием промышленной буржуазии. Лишь при ее господстве приобретает он ши-

рокое национальное существование, способное поднять его революцию до национальной, лишь при ее господстве он создает современные средства производства, служащие в то же время средствами его революционного освобождения» [15.с.165].

Маркс понимает революцию как синоним «восстания», а успешную и всеобщую революцию в масштабах всей страны как «национальное» восстание пролетариата. Таким образом, словосочетание «национальная революция» означает у Маркса не некую революцию в пользу национальных интересов, но лишь пролетарскую революцию охватившую всю страну. В схожем смысле, использует данное словосочетание и В.И. Ленин в своей полемике с меньшевиками. Для Ленина, «национальная революция» - это не революция в пользу «реакционных» и «буржуазно-националистических» сил, а всенародная революция. Известно, что меньшевики упрекали Ленина в том, что он апеллирует «ко всему народу» а не обращается непосредственно к пролетариату, тем самым «отвергая классовый подход».

Для Ленина, «революционный народ» означает его наиболее деятельную и активную, а также наиболее революционно способную часть, которая может не укладываться в рамки марксистской типологии как «пролетариат». Революционно настроенная часть народа творит «национальную революцию» в пользу всей остальной части эксплуатируемого населения.

В полемике с конституционными-демократами, Ленин отмечал: «Далее, во взятом нами примере мы видим диктатуру именно народа, ибо народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право. Наконец, это есть диктатура именно революционного народа. Почему только революционного, а не всего народа?»

Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом от подвигов Аврамовых, есть люди, забитые физически, запуганные, люди, забитые нравственно, например, теорией о непротивлении злу насилем, или просто забитые не теорией, а пред-рассудком, обычаем, рутинной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ, несколько не боящийся, однако, всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно весь народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства» [16.с.348].

Как мы видим, понятие «национальная революция» возникнув изначально в марксистской среде, приобрело новые коннотации. Этому послужили политические процессы в межвоенной Европе. Так, приход к власти в Италии Бенито Муссолини многими стал трактоваться как «фашистская революция», а самим режимом Муссолини как «национальная революция», то есть смена власти в пользу национальных интересов. Несомненно, Муссолини не имел в виду пролетарско-классовую революцию в пользу пролетаризации нации, что отличало фашизм в Италии и национал-социализм в Германии от марксизма. Как отмечал немецкий историк Армин Молер, в Германии: «Распространение термина «национал-революционный» становится отчетливым после того, как Эрнст Никиш снабдил издаваемый им журнал «Сопrotивление» под заголовком — «издание национал-революционной политики»[17.с.216].

Впоследствии, Гитлер также использовал выражение «национальная революция» (Nationale Revolution) обозначая свой приход к власти. Во многом, именно поэтому сегодня выражение «национальная революция» воспринимается крайне неоднозначно. У Армина Молера понятие «национальной революции», в свою очередь, приобретает свои собственные

коннотации. Молер нарекает «национал-революционерами» одну из групп внутри разношерстного правоконсервативного движения в политическом ландшафте Веймарской Республики.

Молер характеризует «национал-революционеров» следующим образом: «Национально-революционные воззрения берут своё начало из войны. По этой причине их можно было бы наряду с прочими характеристиками обозначить как «солдатский национализм». Внезапное крушение мира — это первое переживание в осознанной жизни, с которым столкнулись будущие национал-революционеры. Их будущий путь был предопределен этим крушением. Он прошел через поля сражений во Фландрии и на Сомме. Он также прошел по незримым полям сражений, на которых духовное устройство Запада было изничтожено в пыль. Национал-революционеры не стремились вернуться в старый, традиционный мир. Они воплощали собой «новый революционный тип», они были подлинными носителями «немецкого нигилизма». С печальным воодушевлением они подтверждают запущенный прогрессистским мышлением цивилизаторский механизм — механизм, который доведет до конца этот процесс раздробления»[17.с.217].

Как правило, «национал-революционное» движение включают в рамки более широко понимаемой «Консервативной революции». Обращаясь к главному историку этого движения (с которым связано само закрепление понятия в академической среде) - Армину Молеру, можно отметить, своеобразную метафорическую «политическую геометрию», используемую автором. Прибегая к метафорам линейного и кольцевого, Молер описывает циклические и прямонаправленные мыслительные импульсы внутри «Консервативной революции». Характерная для консерватизма приверженность ценностям «вечности», неприятие грубой линейности прогресса, стремление к цикличности и статичности, противопоставляется линейно-революционному импульсу модернизации, децизионистской жажды действия, стремления к активизации «тотального гештальта» борьбы и революции.

«Консервативная революция», в этом аспекте, сочетает в себе мотивы и установки «шара» (циклического «младоконсервативного») и определенные черты линейного, «национал-революционного» импульса к адаптации модерна и технологической эры к реалиям германской идентичности.

«Национал-революционеров» Молер определяет, как особую группу внутри движения, характеризующую через прямую сопричастность к мировой войне. «Национал-революционеры» происходят из солдат, прошедших через жернова первой мировой, что наложило неизменный отпечаток на их облик. Особое мироощущение, выработанное в результате боев и сражений, патриотической преданности отечеству и годам жизни в постоянной угрозе физической гибели формирует тип «солдатского национализма» в полной мере проявившего себя после крушения Германии. «Национал-революционное» крыло, представленное по Армину Молеру братьями Юнгерами, Хансом Фрайером, Эрнстом Никишем и Отто Штрассером ориентировано на решительное действие и мыслит о стремительном прыжке в индустриальное будущее с сохранением консервативной и традиционной аристократичности духовного достоинства веков прошлого.

Наиболее известный «национал-революционер» - Эрнст Юнгер, характеризует собой этот комплекс воинского мировосприятия, горячего желания к действию и особого интереса к технологической тотальности новой эпохи. Молер определяет ключевой чертой «национал-революционеров» эсхатологическое измерение. Эсхатология этой группы является их специфическим мироощущением, сосредоточенным на поиск конечной точки «старого мира», на «прощупывании» новых технологических реалий и на поиск той черты и грани, перейдя которую, возможно войти в новый век, сохранив вечные идеалы.

Именно в «национал-революционном» движении острее всего проявляется парадоксальность «Консервативной революции», сочетание в одном импульсе времени и вечности, левого и правого, мифотворчества и биологически-технологической фиксации.

Философ А.М.Руткевич, в этом контексте отмечает: «Подобный путь значительно отделяет национал-революционеров от прочих консервативно-революционных групп. Они не хотят скрыться от бега времени, но набрать скорость, чтобы приблизить «перелом». В принципе мы имеем не что иное, как намерение бороться с миром прогресса его же собственным оружием» [18.с.30].

Сложная и запутанная критика модерна со стороны немецких консервативных интеллектуалов вызывала и вызывает неоднозначную реакцию у исследователей твердо придерживающихся ценностей «современного мира».

Внутренняя иррациональность присущая движению сочетающаяся у некоторых авторов с повышенным интересом к модернистским вопросам «тотальной мобилизации» и «гештальта рабочего» (Эрнст Юнгер), «философии техники» (Юнгер и Ханс Фрайер) или даже «плановой экономики» (Эрнст Никиш и Отто Штрассер) некоторыми авторами трактовалась как критика модерна из завуалированных иррациональностью и мифологизацией модернистских позиций.

Юнгер Хабермасс, экстравагантно соотносит «Консервативную революцию» и французскую волну постмодернизма, отмечая схожесть обоих стилей мышления в своей критической направленности к модернистским нарративам, и окруженной туманом иррациональных построений: «Младоконсерваторы усвоили основной опыт эстетического модерна, связанный с открытием децентрированной субъективности, освобожденной от всех ограничений, налагаемых познанием и целесообразной деятельностью; от всех императивов труда и полезности – и вместе с этой субъективностью они выпадают из мира современности. В модернистской манере они обосновывают непримиримый антимодернизм. Они переносят спонтанные силы воображения, личных переживаний, аффективности в даль и в архаику и по-манихейски противопоставляют инструментальному разуму какой-либо принцип, доступный лишь с помощью суггестии – будь то воля к власти или суверенность, бытие или некая дионисийская сила поэтического. Во Франции эта линия ведет от Жоржа Батая через Фуко к Деррида» [19.с.29].

Для Хабермаса непринципиальна конечная цель цепочки рассуждений консервативно-революционных авторов. Тотальность модерна обуславливает невозможность его рассмотрения вне рамок «инструментального разума», будь то критика его недостаточности или агрессивного наличия.

Словенский культуролог и социальный теоретик фрейдомарксистской ориентации Славој Жижек, уравнивает фашизм и «Консервативную революцию» под общим знаком «псевдореволюции». Опираясь на теорию Алена Бадью о «событии-истине», он определяет явление как «псевдособытие»: «Но сегодня, когда даже самый радикальный интеллектуал поддается побуждению дистанцироваться от коммунизма, по-видимому, самое время вновь объявить Октябрьскую революцию Событием-Истиной, вопреки оппортунистическим левым «дуракам» и консервативным «плутам». Октябрьская революция также позволяет нам выделить три способа предательства События-Истины: простое отрицание, попытка жить по-старому, как будто ничего не произошло, как будто имело место лишь незначительное волнение (реакция «утилитарной» либеральной демократии); фальшивая имитация События-Истины (фашистская постановка консервативной революции как псевдособытие); и прямая «онтологизация» События-Истины, его сведение к новому позитивному порядку бытия (сталинизм)» [20.с.184].

Для Жижека, «консервативная» равно как и «национальная» революция является лишь способом укрепления реакционного порядка. Здесь он в характерной для многих левых авторов манере разделяет все политические идеологии на социалистические (обладающие монополией на истинную революцию) и капиталистические.

«Консервативная революция» равно как и «национальная революция», для Жижека относятся к группе капиталистических «псевдореволюций»: «Поэтому фашистская революция была фальшивым событием, революцией — видимостью радикальных перемен, — которая произошла так, чтобы «ничего на самом деле не изменилось», чтобы вещи (то есть фундаментальные капиталистические производственные отношения) в основном остались неизменными» [20.с.268].

Помимо характерной для марксистов апелляции к способу производства и социально-экономической формации, Славой Жижек использует сложную психоаналитическую систему Жака Лакана, интерпретируя ее по отношению к практической политике. Псевдореволюция в этом контексте является «игрой по заданным правилам»: «Но здесь важно ввести еще одно различие: для Лакана истинное действие не только ретроактивно изменяет правила символического пространства; оно также нарушает фантазию, лежащую в его основе, — и здесь, в этом важном измерении, фашизм явно не соответствует критерию действия.

Фашистская «революция», напротив, является парадигматическим случаем псевдособытия, впечатляющим шумом, призванным скрыть тот факт, что на самом фундаментальном уровне (на уровне производственных отношений) ничего на самом деле не меняется. Фашистская революция служит ответом на вопрос: что нам нужно изменить так, чтобы в конечном итоге все осталось неизменным?» [20.с.274]?

Здесь мы можем не согласиться с левой и либеральной критикой. Использование в критике модерна его собственных средств, не означает того что эта критика нивелируется и абсорбируется. «Консервативная революция» предстает как интеллектуальный порыв, мыслящий о кардинальной смене вектора. Этот парадигматический сдвиг означает отрицание всего трехвекового пути Просвещения. Использование «национал-революционерами» прогрессивной риторики объясняется не желанием продолжить имеющийся вектор «развития» западной цивилизации, но скорее возглавить и обуздать его.

Стоит отметить, что используемые «национал-революционерами» нарративы модерна, редко имеют свое исходное значение. Несмотря на отказ от общей философской абстрагированности и высокой метафизической поэтичности, «национал-революционеры» все также апеллируют к мистическим и иррациональным понятиям, используя при этом модернистские формулировки. Так, они отказываются от сакрального мотива «Империи», фиксируясь на модернистском понятии «нации».

Тем не менее, национальное в их представлении не имеет ничего общего с буржуазным гражданским национализмом XIX века.

Армин Молер отмечает по этому поводу: «У каждого слова в «Консервативной революции» есть свое значение. У фёлькише превыше всего «народ», у младоконсерваторов — «империя». Какое же слово у национал-революционеров? У них чаще всего звучит слово «нация». По этой причине эту группу можно было бы назвать не только «солдатский национализм», но и «новый национализм». «Новый» подразумевает отстранение от прежнего национализма, который ориентирован на простого человека и связан с негативно задуманным словом «патриотизм». Однако здесь слово «нация» принимает совершенно иной смысл, нежели в старом государственном мышлении» [17.с.219-220].

Для понимания этого особого национализма, прогрессивного и мистического одновременно, необходимо обратиться к наиболее яркой фигуре «национал-революционного» дви-

жения - Эрнсту Юнгеру. В 1923-м году публикуется одна из первых политических статей Эрнста Юнгера «Революция и идея» в газете *Völkischer Beobachter*. В ней Юнгер называет Ноябрьскую революцию 1918-го года: «не возрождением, а самым настоящим пиршеством мух, что слетелись на гниющий труп [21.с.8]» и пишет о том, что: «настоящая подлинная революция еще не произошла, но уже слышна её маршевая поступь!» [21.с.10].

Уже здесь Юнгер проводит разделение между «социалистическими революциями» и грядущей «истинной революцией» которая должна быть «национал-консервативной»: «речь идет не о реакции, а подлинной революции со всеми присущими ей признаками и лозунгами, ее идея – идея почвенническая (*volkisch*), заточенная до невиданной прежде остроты, ее знамя – свастика, ее политическое выражение – сконцентрированная в одной точке воля, диктатура! Она заменит слово делом, чернила – кровью, пустые фразы – жертвами, перо – мечом» [21.с.10].

Национализм Юнгера является одновременно его «революционным консерватизмом». Если консерваторы XIX-го века фиксировались на идее монархической и династической преемственности противопоставляя себя гражданскому национализму, то революционные консерваторы обращаются одновременно к национальному и народному понимая под «национальным» не правовой «общественный договор» отдельных индивидов по организации совместного государственного общежития, но скорее общее этнокультурное, психическое и этическое единство в рамках одного народа (*Volk*).

В программной статье от 20-го мая 1926-го года с показательным названием «Националистическая революция» можно обнаружить следующие слова: «В наше время мы удивительно ясно осознаем возможность национальной революции, а в ней таится угроза либерализму» [21.с.79]. Юнгер также писал, что: «священный долг националиста подарить Германии первую настоящую революцию, то есть революцию, замешанную на абсолютно новых идеях» [21.с.78].

Необходимо отметить, что пламенная публицистика Юнгера не является метафизически абстрагированной критикой актуальной реальности. Юнгер ориентируется на духовные принципы, однако его статьи имеют весьма конкретные политические призывы и пропагандируют национальную солидарность в боевых организациях и среди рабочего класса. Так, Юнгер призывал привлекать рабочих и «сплачивать боевые националистические профсоюзы» [21.с.80].

Несомненно, «рабочее движение» у Юнгера не означает марксистскую пролетарскую солидарность. Еще до оформления своей концепции «Рабочего», Юнгер подчеркивает, что: «Рабочий в новом смысле означает кровную общность всех трудящихся внутри нации и ради нации» [21.с.101].

В статье «Соединяйтесь!» от 3-го июня 1926-го года Юнгер писал о национал-революционном образе государства будущего: «Его корни будут питаться из различных источников. Оно будет национальным. Оно будет социальным. Оно будет вооруженным. Его структура будет авторитарной. Это будет государство, полностью отличное как от Веймара, так и от старого кайзеровского рейха. Это будет современное националистическое государство» [21.с.82]. Юнгеру удастся соединить духовную глубину консервативной критики современного мира и передовой авангардизм. Он постулирует «революционный национализм», как национализм, который: «не имеет ничего общего с буржуазным чувством, он радикально отличается от патриотизма довоенного времени. Он динамичен, вспыльчив, полон витальной энергии наших больших городов, где – и вот еще одна типичная черта – он переживает бурный рост в отличие от уходящего консервативного чувства жизни. Этот национализм не реакционен, а революционен с начала и до конца» [21.с.83].

Л.Дорнхейм полагал что: «Э. Юнгер этиблировался скорее, как консервативный писатель, нежели страстный «идеолог и мыслитель». Исходя из этой позиции,мы можем полагать что эмоционально аффектированная публицистика Юнгера является более консервативной критикой Веймарского режима и Версальского порядка, нежели идеологическим инструментом [4].

В пользу представлений о Юнгере как о особом типе консерватора говорит и его неприятие нацистской идеологической пропаганды. Идеиное расхождение Юнгера с национал-социализмом становится очевидным с конца 1920-х годов. В знаковой статье «Национализм и национал-социализм» от 27-го марта 1927-го года, Юнгер подчеркивает различия между национал-социализмом и «новым национализмом»: «разница между ними все же существует. Первый [национал-социализм], будучи политической организацией, нацелен на достижение реальной власти, в то время как задача национализма совсем другая. С одной стороны, есть желание реализовать идею, с другой – постичь ее в наиболее чистом виде. Оттого-то для национал-социализма так важны массы, в то время как для национализма численность не имеет значения, а явление уровня Шпенглера, долго и упорно замалчиваемое демократами, весит больше, чем сотня мест в парламенте» [10.с.116].

Расхождение Эрнста Юнгера с национал-социализмом связано с неприятием им массовости и популистского характера движения, его примитивного биологизма и тоталитарности (что не означает отрицание принципа «тотальности»). Это расхождение происходит задолго до того, как варварская суть Гитлеризма обнажилась в многочисленных преступлениях.

Как было обозначено ранее, задача настоящего исследования состоит не только в том, чтобы дифференцировать «национал-революционное» движение в рамках «Консервативной революции» от «национальной революции» как общеполитического клише, но и в том, чтобы прояснить взаимоотношения между Эрнстом Юнгером и «национал-революционным» движением. Если собственно «националистический» компонент в творчестве Юнгера был наиболее полно представлен в его политической публицистике периода 1920-х годов, то «революционный» компонент требует более полного рассмотрения.

Если говорить о Юнгере как революционере, то в первую очередь необходимо обратиться к его философии техники. В плане воззрений на социальное устройство Юнгер оставался скорее консерватором, будучи идеалистом, романтизирующим «аристократию духа». Для более полного понимания романтической и революционной компоненты в творчестве Эрнста Юнгера возможно кратко рассмотреть его взаимоотношения с крупным политико-правовым теоретиком Карлом Шмиттом. О взаимоотношениях двух мыслителей, их схожести и разногласиях написано немало работ. Так, англоязычный исследователь Винсент Бэттс утвердительно ставит Карла Шмитта, Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера в один «консервативно-революционный» ряд [14]. Несмотря на утверждения биографов Карла Шмитта о том, что в «этих двух людях (Шмитте и Юнгере) кристаллизовался консервативный дух времени» [5.с.81-82] стоит отметить и большое различие во взглядах этих двух мыслителей.

Ранний Юнгер воплощал в себе именно «революционную» часть внутри «консервативно-революционного» движения и от «консерватизма» наследовал лишь внутреннюю аристократичность духа и взгляд на будущее отличный от ортодоксального либерального и марксистского прогрессивизма. Дифференциальная линия между Шмиттом и Юнгером проходит и в области воззрений на государство.

Схожесть мыслителей – в их неприятии актуального им «Веймарского» мира, однако трудно сказать, что они видели нечто общее в качестве альтернативы: «Оба ставят своей эпохе одинаковый диагноз. В 1929-м году Юнгер отыскал для нее знаковое выражение: тотальная мобилизация. В своих текстах Карл Шмитт неоднократно приводил это выражение.

В тотальной мобилизации он видел упразднение всех разделений, одним словом, конец государства. Как этатист, он (Шмитт) выступал за ограничение сферы политического, а не за тоталитаризм. Ницшеанец Юнгер, напротив, хотел сокрушить модерн при помощи своих собственных средств. Так, Юнгер в двадцатые годы в своих текстах, посвященных мобилизации, постоянно указывает на то, что тотальное разрушение станет предпосылкой для установления новых иерархий» [22].

Шмитт теоретизирует и концептуализирует стремление Юнгера «сокрушить модерн его собственными силами» и экстраполирует понятие «тотальной мобилизации» на политико-правовую плоскость. Не разделяя технико-технологических устремлений Юнгера спуститься в эон механической индустриализации и возглавить его, Шмитт отмечает в Юнгере его особую жажду действий и решений.

По этому поводу мы можем привести высказывание О. Шретера, который полагал что свойственные Юнгеру поиски смысла военного переживания и попытки инструментализировать технику обладают внутренним противоречием. Так, исследователь отмечает: «Осмысление Эрнстом Юнгером технических феноменов первой мировой войны характеризуется перманентными противоречиями и бессилием. Так как он пытается не анализировать причины войны, а описать ее феномены, он приходит к смыслу происходящего не через аргументацию, а через децизионистское постулирование» [6.с.57].

Возможно именно поэтому Шмитт оценивает децизионистский потенциал Юнгера не как способность совершить решительное действие, имеющее оттенки трансцендентально-теологического измерения, а как «романтический» настрой: «Можно сказать что: «для Шмитта Юнгер был мятущейся душой, в сущности, романтиком. Образный язык Юнгера, когда совершенно упускается из виду конкретная ситуация «друг-враг», специалист по государственному праву находит просто «восхитительным». Юнгер это рассказчик, мастер афористически заостренного слова, но не идейный теоретик. Его стиль необузданный и вычурный, полная противоположность лаконичному, холодному и спокойному языку [22].

Стоит отметить, что тематика романтизма как мировоззренческого явления особенно волновала раннего Шмитта. Общеизвестно, что в начале 1910-х годов молодой и не известный Карл Шмитт познакомился с романтическим поэтом Теодором Дойблером, о поэме которого написал книгу [7]. Позднее, разрыв личных отношений повлиял и на негативное отношение Шмитта к романтизму. Здесь, стоит отметить, что погруженность в неприятие «политического романтизма» характерно для раннего Шмитта. Во многом, именно из противопоставления себя романтической традиции XIX-го века, Шмитт сформировал свое католическое и консервативное мировоззрение. Также, как и «консервативно-революционная» мысль в целом, через болезненность и отторжение отделяла себя от монархического консерватизма, Шмитт кристаллизовал свои взгляды через противопоставление позднесредневековой католической монархии буржуазному романтизму XIX-го столетия.

Шмитт понимает, что его мысль и мысль современных ему консервативных критиков имеет в себе оттенки романтического протеста прошлого столетия. Для Шмитта, важно подчеркнуть, что его консерватизм - это не экзальтированное отрицание современности, не анти-буржуазный пафос беглеца и эскаписта, а нечто находящееся на совершенно другом уровне твердости, истинности и решительности. Так, Шмитт пишет: «Стремясь избежать власти момента, романтик ускользает в историю. Прошлое — это отрицание современности, негация настоящего. Если современность — отрицаемая возможность, то в прошлом отрицание вновь отрицается и ограничение упраздняется. Прошедший факт обладает бытийственным качеством настоящего, он конкретен и реален, это не произвольный вымысел, но все-

таки он не имеет навязчивости современной реальности, которая ежесекундно угнетает романтика в его существовании в качестве отдельной личности» [23.с.132].

Для Карла Шмитта консервативная критика современности не должна быть нигилизмом, происходящим из желания спрятаться в прошлое. Историзм и желание рационализировать и систематизировать поток времени, представить его как грандиозное событие, имеющее внутреннюю логику и механически констатируемую закономерность, также неприятен Шмитту и является для него следствием деистической объективизации. Шмитт отмечает, что с началом нового времени, история из некоего эсхатологического пролога стала новым «демиургом».

Историзм, нашедший свое максимальное воплощение в Гегеле лишен христианского этоса. Понимание истории как нравственного рассказа сменилось на субъективизацию самого исторического процесса. История больше не является этическим повествованием о судьбе человечества. С появлением Гегеля история становится индифферентной к человеку. Не сторонний высший смысл придает истории аксиологические коннотации и этическую направленность, а сами механические закономерности движения времени определяют, что является ценным и подлинным в условиях текущей ситуации.

В связи с этим, Шмитт отмечает: «Даже диктат, как и все прочее, переваривается в перистальтике мирового духа. В гегелевской философии нет этики, которая могла бы обосновать абсолютное разделение добра и зла. Добро для нее то, что на данной стадии диалектического процесса разумно и тем самым действительно. Доброе (здесь я заимствую точную формулировку Хр.Яненцки) есть «своевременное в смысле правильного диалектического познания и осознания» [23.с.223].

Неприятие романтизма и вытекающего из него историцизма концепций Юнгера находит свое отражение в размышлениях Шмитта оставленных им в своих дневниках. Тринадцатого января 1948-го года, Шмитт писал: «Встреча с великими представителями немецкого идеализма: Гегель, Энгельс. Снова и снова: огромной важности позиция Самюэля Батлера; как можно, не зная его, написать духовную историю XIX века? Как мог Эрнст Юнгер, не зная его, написать «Рабочего»? Наилучшее рассмотрение темы: техника и технократия. Ирония и сатира как элементы магии? Поистине, продукты распада этой философии окажутся сильнее, чем все реставрации старых церквей. Они высвободят теургические силы, от которых содрогнутся наши убогие победители и хранители права справа и слева и все выгодоприобретатели гигантского позора немецкого народа» [8.с.81-83].

Стоит отметить что романтический «историцизм» Юнгера на который указывал Шмитт может быть понят несколько по-другому. Юнгер как одновременно революционер и консерватор стремится преодолеть размеренный ход времени, возвыситься над его потоком и лицезреть нечто наиболее «общее» и «вечное». Так, один из секретарей Э. Юнгера – Х.Л. Арнольд высказывался о писателе как о том, кто: «не подразумевал вынести оценку своему времени или критиковать его, он был настроен на топографирование изменений, хотел встать «над историей» [9.с.3].

Советский историк Б.Р.Лопухов отмечал что: «Э. Юнгер понимал «эпоху» в соответствии с греческим происхождением этого слова – «εποχή» - воздержание от оценок, отстранение. Его целью было захватить «субстанциональное ядро» событий» [24.с.59]. Таким образом, мы можем сказать, что Юнгер лишь фиксирует наиболее важные и глубинные проявления своего времени, реагируя на них не только консервативным неприятием и отстранением, но и революционным желанием понять их внутреннюю суть.

Тем не менее, Шмитт понимает «тотальную мобилизацию» Юнгера как результат механизации аутореферентного историцизма. История, не отсылающая к этосу теистического,

становится замкнутой на самой себе последовательностью действий. Современная эпоха становится периодом, когда историческая закономерность начинает вычеркивать из себя человека, он становится не нужен в потоках «тотальной мобилизации». Юнгеровское «тотальное» для Шмитта становится олицетворением высвобожденного хаоса материалистической энтропии.

Дефиниции «тотального» - это движение и беспорядок, бесконечное утверждение ради утверждения, антропологическая жажда создать нового человека отличного от старого. «Тотальная мобилизация» для Шмитта стала новым нигилизмом XX-го столетия. Если старый нигилизм действовал из отрицания ради отрицания, то технико-технологическое покорение природы является нигилизмом утверждения, утверждением новой реальности ради самого утверждения, безграничной материалистической экспансией.

В своем дневнике, в записи от четвертого сентября 1947-го, Шмитт отмечает: «Дальше, то есть к тотальности динамического, ибо [мы] достигли той точки, где этот динамический мир должен полностью уничтожить старый мир и свободная творческая мощь человека тотально объемлет природу, тотально — то есть также физическую и психическую природу человека. Это проблема тотальности, принуждение к тотальному планированию. Это тотальная власть человека, это полное устранение естественных границ. Эта проблема становится ясной, и отчаяние немцев обнаружилось в том, что они во имя старого (природного), нетвердо держась на ногах, вступили в самую дерзкую динамику Нового. Все снова и снова: это проблема тотальности, возникшая из осознания этой точки поворота: «Дайте нам сделать человека». Теперь это должны сказать динамические творцы своего собственного мира; или, скорее, они должны это сделать, если даже перед лицом этого кровавого *enfant terrible* охотнее будут молчать. Какая путаница фронтов!» [8.с.7-11].

Таким образом, Шмитт как католик и консерватор не разделяет желаний молодого Юнгера совершить прыжок в хаотическую бездну нового столетия для того чтобы направить ее в новую сторону. В отношениях двух мыслителей в 1920е-1930е годы остро заметно это напряжение в отношении к реальности. Юнгер жаждет активного действия сопряженного с изменением мира его собственными силами, новой антропологии «гештальта рабочего», нищезанского сокрушения мира через «философствование молотом» (в случае ветерана первой мировой Юнгера, это философствование штыком и винтовкой).

Шмитт, в свою очередь, смотрит на актуальную реальность по-христиански отстраненно и сохраняя академическую холодность. Шмитт использует введенные Юнгером дефиниции для констатации новых реалий, однако строго отделяет «горячность действия» молодого Юнгера от своего представления о «решении». Поздний период отношений двух авторов (после 1945-го года) характеризуется обоюдной охлажденностью.

Юнгер отходит от политических размышлений, Шмитт объявляет о эпохе «деполитизации и нейтрализации». Тем не менее, Шмитт еще сохраняет желание фундаментальных перемен, в отличие от Юнгера, который стал сомневаться во взглядах периода своей молодости. В своем дневнике, в записи от 27-го января 1949-го года Шмитт пишет: «Эрнст Юнгер, - становится все более зрелым. Теперь скоро созреет и для Нобелевской премии» [22].

Как мы уже отмечали ранее, для того чтобы поставить ключевой вопрос о степени «революционности» Эрнста Юнгера, необходимо прояснить его взаимоотношения с поздним модерном и феноменом техники как его наиболее ярком репрезентанте. Взгляды различных исследователей на этот вопрос могут расходиться коренным образом.

Так, Г. Летен называл позицию Э. Юнгера: «габитусом согласия с модернизацией» [10.с.273-289]. Историк Т.Рокремер знаменитый благодаря своей концепции «реакционного модерна», приводил три причины почему труды Э. Юнгера не следует считать «антимодер-

низмом»: «Во-первых, это понятие слишком широкое, во-вторых, идентификация модерна с Просвещением и Французской Революцией носит нормативный и ограничивающий характер, и, в-третьих, Э. Юнгер ни в коем случае не прославляет до-модерн, а наоборот, стремится к обретению «сообразной времени альтернативы существующего модерна» [11.с.869-870].

К похожему выводу приходит и Г. Кизель полагая что: «То, что в текстах Юнгера производит традиционалистское впечатление, есть не выражение его желания вернуться в до-модерн, но попытка перевести дискретный модерн в органиологический сверх-модерн» [12.с.109]. Мы полагаем, что обращенность Юнгера к «модернистским образцам» не свидетельствует в пользу определенной идеологической установки. Фиксация на передовых топиках позднего модерна является для Юнгера скорее методологическим инструментом. Через обращение к наиболее актуальным вопросам индустриализации, механизации, глобализации, урбанизации, формирования нового общества и нового человека – Э.Юнгер занимается не только исследованием и формированием новой реальности, но и ищет способы реализации вечных ценностей в условиях скоротечной временности. В случае с Юнгером наиболее трудным представляется отделить «консервативное» от «революционного» и «традиционное» от «современного». Можно говорить не только о крайнем синкретизме его работ, но и об их эквивокативности - двусмысленности и двузначности.

Учитывая этот основополагающий момент, мы можем согласиться с позицией Х.Зегеберга который полагал что для «больших» эссе Э. Юнгера характерно: «регрессивное движение, форсированное средствами радикальной модерности»: «поэтому модерность, преодоление модерности и фиксация на до-модернистских образцах можно спроецировать на его мыслительную модель» [13.с.97]. Методологическую установку Юнгера, таким образом, можно характеризовать как обращенность на выявление ключевых составляющих семантических топик модерна с целью их последующей деструкции и создания условия для репрезентации образцов традиционной аристократичности.

В заключение стоит отметить, что Эрнст Юнгер как самостоятельная фигура шире «национальной революции» как интеллектуального движения и феномена. Прожив практически весь XX-й век, Эрнст Юнгер прошел через множество этапов в своей жизни. Писатель и публицист, путешественник и коллекционер, солдат и политический активист – Юнгер предстает в огромном разнообразии ролей и ипостасей. «Национальная ориентация» писателя и мыслителя не исчезает после второй мировой войны, однако становится более «заретушированной». Юнгер-писатель, отходит от политических тем и погружается в тонкую интеллектуальную рефлексию. Он посвящает себя раскрытию вопросов, интересовавших его и ранее – размышлениям над закономерностью функционирования человеческого существа, сущности техники и трансформаций массового общества.

На протяжении всей жизни, Юнгера занимают ключевые вопросы: о свободе индивидуума, судьбе общества, техническом измерении современного мира. Можно сказать, что именно Эрнст Юнгер формирует «национал-революционное» движение своим характером и личностью, сохраняя в себе эти черты даже после смены эпох. Пламенность, горячность, скорость, сочетание стали и духа – все это характеристики внутреннего «психического каркаса» Юнгера как мыслителя, писателя, публициста, эссеиста и политического активиста.

Юнгер является носителем особого типа «индустриальной аристократии» (по ХансуФрайеру) или «технологического идеалиста». Духовная глубина мыслителя не исчерпывается шаблонной «традиционностью». Юнгер совершенно не боится и не испытывает антипатий к передовым вызовам новейшего мира, совершая прыжок с головой, в кажущиеся для многих банально мыслящих консерваторов «демонические» сферы бытия. Эрнст Юнгер здесь синонимичен Орфею. Находясь в суперпозиции духа, он без страха и сомнения спуска-

ется в самые темные и «металлические» сферы материального универсума. Сочетая в себе несочетаемое, Эрнст Юнгер является носителем особого героического типа – единственно возможного в условиях бушующего XX-го столетия.

Библиографический список

1. Guntram H. Herb, David H. Kaplan, edit., Nations and Nationalism: A Global Historical Overview, Santa Barbara, CA, ABC-CLIO. 2008.
2. Gentile E. The Struggle for Modernity: Nationalism, Futurism, and Fascism, Westport, CT, Praeger. 2003.
3. Gregor J. The Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century, Yale University Press. 2000.
4. Dornheim L. Vergleichende Rezeptionsgeschichte. Das literarische Frühwerk E. Jüngers in Deutschland, England und Frankreich. Fr/M.: Verlag Peter Lang GmbH. 1987.
5. Noack P. Carl Schmitt. S. 81–82.
6. Schröter O. “Es ist am Technischen viel Illusion”. Die Technik im Werk Ernst Jüngers. – Berlin: Köster, 1993. S. 57.
7. Schmitt C. Theodor Däublers «Nordlicht»: Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. München. 1916.
8. Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951 / Hrsgg. v. E. F. von Medem. Berlin: Duncker & Humblot. 1991. S. 7–11, 81–83.
9. Text+Kritik. Herausgegeben von Heinz Ludwig Arnold. Ernst Jünger. 1995. №105/106. S. 3.
10. Lethen H. Ernst Jünger, Bertold Brecht und der ‘Habitus’ des Einverständnisses mit der Modernisierung // Studi Germanici. 1983/1984. N. S. 21/22. S. 273–289.
11. Rohkrämer Th. Die Verzauberung der Schlange: Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim frühen Ernst Jünger / Der Erste Weltkrieg: Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hg. W. Michalka. München: Piper, 1994. S. 869, 870.
12. Kiesel H. Wissenschaftliche Diagnose und dichterische Version der Moderne. Max Weber und Ernst Jünger. Heidelberg: Manutius Verlag, 1995. S. 109.
13. Segeberg H. Regressive Modernisierung: Kriegserlebnis und Moderne-Kritik in Ernst Jüngers Frühwerk // Wirkendes Wort. 1989. №39. S. 97.
14. Vincent S. Betts: Conservative Revolutionary Intellectuals in Weimar and National Socialist Germany: Carl Schmitt, Ernst Jünger, and Martin Heidegger. New York. 2013.
15. Маркс К. Избранные произведения в двух томах под редакцией М.Б. Митина. Государственное издательство политической литературы. 1940. С. 165.
16. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5 изд. Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. Издательство политической литературы. Москва. 1968. С. 348.
17. Молер А. Консервативная революция в Германии 1918–1932. М. 2017. С. 216.
18. Руткевич А.М. Времена идеологов: Философия истории «консервативной революции». Препринт WP6/2007/02. М. С. 30.
19. Хабермас Ю. Политические работы. М. 2005. С. 29.
20. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М. 2014. С. 184.
21. Юнгер Э. Националистическая революция. М.: Скимень, 2008. С. 8.
22. Шлак Ш. Эрнст Юнгер – Карл Шмитт: переписка за 1930–1983 гг. Интернет публикация. URL: <http://www.nb-info.ru/revolt/juenger110710.htm>.
23. Карл Шмитт. Политический романтизм. М. 2015. С. 132, 223.
24. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. М.: Наука. 1977. С. 59.

Сведения об авторе

Сиплиевый Григорий Николаевич. Магистр юриспруденции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; независимый исследователь, e-mail: gregorytemnow@gmail.com

УДК 94(430).087

Д.А. Смирнов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЗИЦИИ НИГИЛИСТА В ИДЕЯХ ЭРНСТА ЮНГЕРА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1945 – 1955 ГГ.)

Аннотация: Статья посвящена раскрытию особенностей трансформации позиции нигилиста в идеях Эрнста Юнгера в первое десятилетие после Второй мировой войны в контексте развития общественно-политических процессов в оккупированной Германии и обстоятельств личного плана, вызванных в отношении него действиями оккупационных властей.

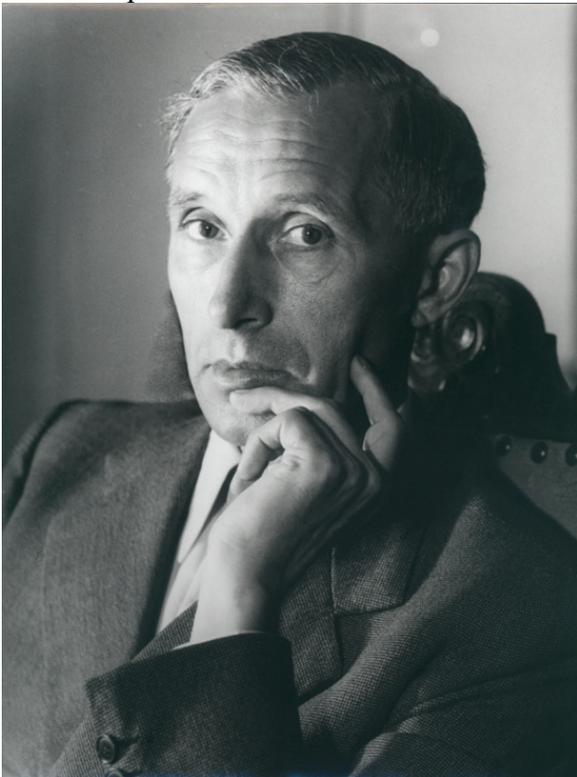
Ключевые слова: Эрнст Юнгер, нигилист, оккупированная Германия, анархист, пораженчество
Smirnov D.A.

The transformations of position

Abstract: The article is devoted to revealing the features of the transformation of the nihilist views in the ideas of Ernst Jünger in the 1-st decade after the World War 2 in the context of developing socio-political processes in occupied Germany and the personal circumstances caused by the actions of the occupying government.

Keywords: Ernst Jünger, nihilist, occupied Germany, anarchist, defeatism

Немецкий мыслитель Эрнст Юнгер отличался особой последовательностью в своих взглядах на протяжении нескольких десятилетий после Первой мировой войны. Все эти трудные для страны годы он уверенно противопоставлял в ответ на возникавшие перед Германией внутренние и внешние проблемы свои идеи, укладывая их одну за другой в свою общую стройную систему ценностей традиционализма и консерватизма. Он не только безусловно отвергал идеи, возникавшие слева, как разрушавшие немецкий народ, но и многие идеи правого фланга как искажавшие первоначальный смысл того, во что он верил.

Порой борьбой с отдельными из них он просто пренебрегал, даже если их апологеты стремились увлечь его за собой. Нацизм он считал неприемлемым вариантом издания правых идей и даже недостойным внимания противником, а потому даже не считал необходимым остро критиковать и развенчивать его мировоззренческие основы.

Однако в середине 1940-х гг. Эрнст Юнгер оказался перед серьезным духовным внутренним испытанием. Германия, величие которой он превозносил предыдущие десятилетия, была вновь повержена, пусть даже по причине дискредитации чуждых ему идей. Ситуация отягощалась тем, что возможности оградить страну от распространения неприемлемых для Юнгера либеральных идей были в первые послевоенные годы минимальны.

Осмысление Эрнстом Юнгером национального поражения Германии во многом определило раскрытие немецкой консервативной па-

радигмы после Второй мировой войны, поскольку способствовало формированию идей мирного времени [2].

Но трудности, с которым столкнулась страна, отразились на интеллектуальных исканиях Юнгера. Михайловский А.В. обращает внимание на то, что это признавал сам мыслитель, определяя свои идеи межвоенного времени «ветхим заветом». Потому, по словам Михайловского, «послевоенная работа над «новым заветом» носит существенно иные черты»: «Однако новые прозрения и новые поиски не отменяют того, что было увидено прежде. Он однажды написал такую фразу: «...я не противоречу себе – это временной предрассудок. Скорее, я двигаюсь через различные слои истины, где высший подчиняет себе другие». Эта верность себе, своему авторству позволяет говорить о глубоком единстве всего творчества [1, с. 535].

Среди многообразия высказанных им идей особое внимание вызывают размышления мыслителя в отношении позиции нигилиста, которые представлены в целом ряде его важных работ первого после Второй мировой войны десятилетия. Они особенно привлекательны, поскольку еще недавно нигилист олицетворял для Юнгера тенденцию общественного развития, которую он однозначно отвергал. Более того, в своем эссе «О боли», опубликованном в 1934 г., Юнгер утверждал, что «мы находимся в последней и причем чрезвычайно примечательной фазе нигилизма, которую знаменует то, что новые порядки уже продвинулись далеко вперед, а соответствующие этим порядкам ценности еще не стали видимы» [6, с. 526].

Однако возросшее после Второй мировой войны внимание Юнгера к позиции нигилиста означало, что условия, рассматриваемые как определяющие для его развития в ранние десятилетия, проявляли себя и во второй половине 1940-х гг. Более того, его представления по этому поводу получили дальнейшее развитие. Историческая ситуация приводила к тому, что взгляд на позицию нигилиста у Юнгера мог быть определен в качестве цельного комплекса идей, который в течении короткого периода первых послевоенных лет успел пройти несколько определенных этапов своего развития. На формирование представлений мыслителя о нигилизме оказали влияние не только его воспоминания о межвоенных десятилетиях, но прежде всего события, которые происходили вокруг, в первые годы и даже месяцы оккупации.

Юнгер признавал в своих дневниковых записях, собранных под названием «Годы оккупации»[4], что в последние дни войны, а также вскоре после нее большим откровением для него стала открытая правда о лагерях, созданных нацистами. Сначала он узнал правду о лагерях для военнопленных, затем о концентрационных лагерях для евреев: «Сейчас наконец правда про эти места вышла на яркий свет, сменив собой слухи. Мы узнаем подробности гнусного устройства этих подлейших заведений, всю грязь их практического существования, достижения по части экономии» [4, Кирххорст, 4 мая 1945]. Его поражали масштабы погибших в лагерях, а фраза «число пострадавших не имеет значения» одергивала его. Юнгер понимал, что большие числа не позволят увидеть конкретного человека, осознать его трагедию: «В наши дни чудовищная сумма страданий обретет смысл только при условии, если мы увидим, что были люди, которые из области чисел перешли в область значения. Только это и может возвыситься над катастрофой и вывести ее за пределы пустого круговращения, из того водоворота, в который втягиваются все новые толпы мстителей» [4, Кирххорст, 6 мая 1945]. В этом и проявлялась его «морально-теологическая» точка зрения на историю концлагерей и таким образом он преодолевал «морфологоисторический» взгляд на них.

Рассказы о концлагерях, как признавал Юнгер, передали ему безнадежность рассказчиков, американских солдат, побывавших в одном из них: «Рациональный характер всего этого процесса, прогрессивная техника и методика бросают на него особенно пронзительный свет, постоянно подчеркивая, насколько сознательно и продуманно велось это дело, поставленное

на научную основу. Во всем проступают черты преднамеренности; а в этом и заключается сущность умышленного убийства... Я так и думал, что все это когда-нибудь выплывет на свет во всем своем безобразии. Но оно далеко превосходит все, что бывало в прежние века, по своему совершенству, по дезинфицированности, свойственной техническому миру. Вот и в этом отношении мы достигли прогресса» [4, Кирххорст, 12 мая 1945].

Но наряду с историями о страданиях узников концлагерей Юнгер вынужден осмысливать трагедии немецких беженцев с востока: «Дороги по-прежнему забиты миллионами бредущих куда-то людей, на них видишь горе невообразимого переселения народов. Плоды его приходится принимать и нашему маленькому кладбищу, на нем хоронят тела детей и взрослых, которые здесь окончили свой путь. У нас гостит молоденькая женщина из Берлина; ограбленная до нитки, одетая в солдатские брюки и легкую блузочку, она бредет пешком к своей подруге. Отец пропал без вести на Кавказе, мать, сердечница, спасаясь от ужасов русского наступления, отравилась. Кажется, как она, поступает городская верхушка целых населенных пунктов Восточной Пруссии, Силезии и Померании. Беженцы видели через окна целые застолья покойников. Вызывали из гроба античность; она откликнулась» [4, Кирххорст, 9 мая 1945]. Эти картины также требуют для своего постижения «морально-теологической» точки зрения.

Другой яркой стороной происходившего стали для Юнгера рассказы об изнасилованиях. Он четко соотносит эти факты с поражением. Как человек через изнасилование, так и народ через поражение терпят унижение. При этом факты об изнасилованиях приходили из разных оккупационных зон: и с востока, и с запада страны. Преступниками были и советские, и американские солдаты, а также бывшие военнопленные, возвращавшиеся домой на восток. В первых сообщениях об этом его «поразили старинные выражения, в которых об этом говорили собравшиеся, так, например, один сказал: «Женщин они под себя подмяли»» [4, Кирххорст, 13 апреля 1945]. По сути в этом отразилось как народ, осмысляя проявления варварства, архаизировал и собственное сознание. Также и собственное поражение ввергло народ в архаику.

В течении весны количество этих историй увеличивалось. Некоторые из них особенно ужаснули Юнгера, как например рассказы трех женщин из Демитца, где «разразились все ужасы преисподней»: «Солдатня врывалась в дома с пистолетами в руках. И тут же по всей земле разнесся женский вопль. Несчастных изнасиловали, застрелили, покидали в одну кучу, залили бензином и сожгли» [4, Кирххорст, 10 мая 1945]. Позже Юнгера поразила еще одна история: «В одном берлинском бюро были жестоко покалечены две молодые машинистки. Об этом сообщили русскому коменданту, который прислал штабного врача посмотреть, каково состояние лежащих на полу девушек. Результат своего обследования он подытожил словами: «Нечего притворяться!» Весь ужас этого суждения заключается в том, что весь ужас изнасилования для него сводится только к анатомическим фактам» [4, Кирххорст, 30 июля 1945].

Некоторые рассказчики, по свидетельству Юнгера, даже видели в физическом уничтожении меньшие страдания, чем в таком унижении: «Рассказавший об этом беженец сидел в железнодорожном вагоне, когда на каком-то полустанке одну женщину оторвали от мужа и уволокли в неизвестном направлении. Все это происходило на глазах других пассажиров, они молча смотрели на это и ничего не делали, как мыши, когда змея утаскивает их подружку. Я впервые услышал тогда выражение, что уж лучше атомная бомба, чем такое» [4, Кирххорст, 6 октября 1945].

Символами эти страданий и становились беженцы с востока: «Идя по нашим сельским дорогам, можно повстречать невиданные прежде фигуры. Это возвращенцы, окруженные

серой аурой крайнего страдания. Им причинили все, что только может причинить человек человеку, отняли все, что может отнять человек. Они посланцы тех мест, где не счесть замученных до смерти, погибших от голода, замерзших, изнасилованных» [4, Кирххорст, 24 декабря 1945].

Именно для их спасения необходимо было преодолевать последствия поражения страны и стремиться к новому пониманию национального единства: «Будущее всемирное государство тоже будет состоять из народов. Оно возьмет в свое ведение идею и основные права человечества, между тем как народы, отбросив старую кожу национализма, еще ярче проявят себя в развитии и культуре своей родины» [4, Кирххорст, 16 мая 1945].

Такое всемирное государство и должно обеспечить достижение мирной жизни. В 1946 году в своем манифесте о послевоенном устройстве Европы с характерным названием «Мир» Юнгер высказывается по поводу нигилизма, желая найти для Германии путь преодоления возникших с началом оккупации проблем. В своих поисках причин нигилизма он естественно указал увиденное немцами в России, на «страх, исходивший с Востока», который «дал нигилизму, подготовленному поколениями в Германии, практическое воплощение, потрясшее не только мир, но и его собственных знатоков в самой стране» [8, S. 237].

Созданное всемирное государство со своей новой основой, обращенной к человеку, должно было помочь преодолеть нигилизм и его последствия: «Если подавление нигилизма удастся, оно осуществится в груди человека [8, S. 237]. Техницизм, который породил нигилизм, должен быть отторгнут каждым человеком, а для этого каждый должен прочувствовать в своей жизни, а «нет никого, кому не нужно исцеление, приготовленное миром боли». Такое испытание в жизни человека Юнгер сравнивал с тем, что «происходит в конституции государства». Вместо техницизма должно прийти иное: «Средства и методы технического мышления не должны распространяться там, где человеку должны даваться счастье, любовь и благополучие» [8, S. 237].

Юнгер подчеркивал, что возможности для этого создает прежде всего именно духовное развитие, «когда люди метафизически усиливают себя в той же мере, в какой растет техника»: «И здесь начинается широкое, незапятнанное поле Новой Теологии как первой науки, как сотворенного знания глубочайших причин и высочайшего порядка, в котором создан мир» [8, S. 237].

В представлениях, высказанных в трактате «Мир», Юнгер в свойственной консерватору манере также отвергал обращение к чистому разуму: «Те, кто присягает только на людей и на человеческую мудрость, не могут говорить, как судья, как не может учить как учитель, как не могут лечить как врач. Они встают на пути, заканчивающиеся тем, что палачи становятся великими господами». Сам Юнгер выступал за иное государство: «Государство действует в своих собственных интересах, если оно не только продвигает великие священные учения, но и одновременно признает каждого из своих граждан, которые исповедуют веру в более высокий, чем человеческий разум. По мере того как этим будет достигнуто поражение нигилизма, исчезновение пустыни – точно так преследование веры будут процветать там, где оно было сильнее всего» [8, S. 238].

Именно национальные церкви позволяют овладеть нигилизмом и достичь мира. Юнгер подчеркивал в трактате «Мир»: «Точно так, как надежность людей в новом государстве покоится не на его интернациональности, а на его национальности, его образование должно быть направлено на признание, а не на безразличие. Он должен знать свою родину, и хотя в пространстве как в бесконечном, во времени как в вечном. И это образование для полной жизни, для целостности человека должно основываться на большей определенности, которая может основать государство с его школами и его университетами» [8, S. 239].

Однако отторжение Юнгером разума касалось только чистых его основ. Мыслитель не возражал, что стремление достичь религиозных основ на пути обновлению человек осуществляет как разумное существо. Потому в отношении связи религии и разума Юнгер скорее высказывал симпатию к схоластической манере постижения Бога. Он считал, что человек стремится к спасению рациональным образом: «Чтобы это стало праведным, для богословского больше нельзя быть второстепенным исследованием. Скорее, это теология как высшая из наук должна быть познана не только лучшими сердцами, но и лучшими головами, чистейшими душами - теми, кто не находит себя в отдельных дисциплинах и даже в философии, но во всей целостности, во всей вселенной» [8, S. 239].

В память о крахе либеральных идей в Германии в межвоенное время Юнгер особо оговаривался, что не стоит к ним возвращаться для преодоления нигилизма. Он был не согласен с тем, что «для основания порядка достаточно возвращения к либеральному государству»: «Это вернуло бы только к исходной позиции. В полемике старых либералов против нигилистов они напоминают отцов, которые жалуются на детей, которые потерпели неудачу, не осознавая, что вина лежит на неверном образовании. Не менее тщетна критика со стороны тех, кто наблюдает за ужасным движением с безопасного балкона» [8, S. 238].

Поражение нацизма в Германии означало для Юнгера и поражение нигилизма. Отказ от него однозначно способствовал бы утверждению творений человека, основанных на вере в Бога. Столь перспективная картина рисовалась мыслителю в надежде на то, что Германия отвергнет нигилистические идеи, утвердившиеся и справа, и слева, рожденные и на Востоке, и на Западе. При этом такую надежду укрепляло желание видеть в консерватизме силу, способную противостоять дискредитировавшему себя либерализму.

Но оценки нигилизма, сформированные в годы войны, значительно изменились под влиянием того, что Юнгер увидел в Германии в первые годы оккупации. Именно это увиденное и пережитое Юнгером в этот период стали серьезным испытанием для его мировоззрения и могли способствовать пересмотру его идей. Спустя несколько лет после поражения Германии Юнгер признавал, что страна на пути к достижению мирной жизни испытывает большие проблемы: Германия разделена, развернулась «холодная война», в обществе побеждает насаждаемый либерализм, который разрушает традиционные, консервативные ценности.

На это накладывались и обстоятельства личного плана, поскольку оккупационные власти с самого начала отнеслись к нему с недоверием, а затем и он сам предпочел ограничить свои контакты. Нигилист, прежде символизировавший для Юнгера безусловно деградацию общества, а потому воспринимавшийся им неприемлемым для немецкого народа, теперь на рубеже начала 1950-х гг. оценивался мыслителем как важным этапом интеллектуального национального возрождения.

Основанные на оптимизме оценки по поводу перспектив преодоления нигилизма, высказанные в трактате «Мир», подверглись серьезным испытаниям. Отражением пройденных испытаний стали характерные особенности в оценке позиции нигилиста представленные Юнгером в эссе «Через линию» [7]. Оно было опубликовано в 1950 г., спустя всего лишь несколько лет после Второй мировой войны, и в нем раскрыта тема, которая была близка Юнгеру всю его жизнь. Собственно и своим названием эссе демонстрирует тесную связь его интеллектуального мира с темой осмысления войны, поскольку представленный в работе образ может быть интерпретирован в качестве фронтовой линии. Преодоление такой линии открывало начало наступления и способствовало развертыванию битвы, а удержание позволяло реализовывать оборонительную тактику и сохранять отвоеванное пространство.

Переход «через линию» рассматривался Юнгером в тесной связи с актуализацией и радикализацией нигилизма после войны. Однако интерес к нигилизму можно обнаружить и в военные годы. Мыслитель не отказывался от размышлений по этому поводу, несмотря на заверения в конце 1930-х гг., что идеи нигилизма изжили себя. Уже в дневниковых записях «Излучений» за полтора года до окончания войны он задумывался над особенностями нигилизма в сравнении с анархией и уточнял, что их нельзя отождествлять: «Нигилизм и анархия. Различать их так же трудно, как отличать угря от змеи, но для знания игры различать необходимо. Решающим здесь является отношение к порядку, которого нет у анархиста, но которого придерживается нигилист. Разглядеть нигилизм труднее потому, что он маскируется. Опознавательный знак – чувству, питаемые к отцу: анархист отца ненавидит, нигилист – презирает. Например Анри Брюлар в противовес Петру Степановичу. Разное у них отношение и к матери, в частности к земле, которую анархист задумал превратить в болото и джунгли, а нигилист – в пустыню» [5, СС. 525-526].

Социальная катастрофа, испытанная Германией после краха нацистского государства, позволила ему заметить в «Годах оккупации» в продолжение своих размышлений во время войны: «В такие дни, недели и месяцы, как ныне, ты учишься мыслить политически и наживаешь опыт, который еще десятки лет будет питать твою мысль. Анархия — исходный материал и предшественница политического устройства, которое она предваряет собой, как хаос предваряет творение, как мир титанов предваряет мир олимпийских богов. ... Поэтому можно предположить, что вслед за нынешним временем должна наступить великая весна» [4, Кирххорст, 18 мая 1945 г.]. Возможность этого как раз была представлена Юнгером в эссе «Через линию», отразившем размышления по поводу произошедшего в Германии и пережитого немцами после войны.

С одной стороны, минувшие годы позволили усмирить бунтовавшие в Юнгере страсти, связанные с последствиями войны для него самого, немецкого народа и Германии в целом. С другой стороны, поднятые войной вопросы требовали осознанных и рациональных ответов интеллектуала. Юнгер не пришел к их точному выражению сразу, мыслитель находил их постепенно, очищая от эмоций, предлагая время от времени разные формулировки.

Представленная в эссе «Через линию» позиция нигилиста в оценке разворачивавшихся вокруг Юнгера процессов в XX в., которые разрушали традиционные ценности, приверженцем которых он был, имела свои особенности. Безусловно, мыслитель был пессимистом и пессимизмом пропитаны многие страницы его произведений, в дневниках он проявляется более явно. Однако сам Юнгер со своим предложением позиции нигилиста указывал, что не пессимизм противоположность оптимизму. Пессимизм многолик: от отвращения до сохранения величия. И все же пессимизм занимает активную позицию к происходящему, поскольку предполагает реакцию по отношению к чему-либо. В этом его родство с оптимизмом, к которому он порой совершает прорывы.

Противоположностью оптимизму является пораженчество, которое спустя несколько лет после войны, «сегодня неожиданно широко распространилось»: «Ему невозможно противопоставить ничего из того, что наступает, ни по ценности, ни по внутренней силе. При таком настроении паника распространяется беспрепятственно, как вихрь. Кажется, что ярость противника, чудовищность применяемых им средств возрастают в той же мере, в какой растет слабость людей. Наконец, людей, как стихия, охватывает террор. В этом положении их силы подтачивает нигилистическая молва, готовя гибель. Страх алчно набрасывается на них, безмерно увеличивая ужас, который отныне гонится за ними постоянно» [7, с. 14].

Неприятие пораженчества можно наблюдать у Юнгера уже на страницах дневников Первой мировой войны «В стальных грозах» [3]. Здесь примеры тех, кто испытал страх, под-

дался панике и подчинился террору обстоятельств, а вскоре погиб, представлены именно для контраста тому, как следует поступать. Именно за неприятие пораженчества Юнгер с особым уважением относился и к участникам покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., когда упоминал их в «Излучениях» [5, сс. 609-610].

Отвергнувший поражения индивид в своем движении «через линию» выбирает нигилизм. Но при этом нигилизм как отрицание не означает, что реальность разрушается для индивида. Это не распад, но через осознание нигилиста продолжение, новое раскрытие индивида, интеллектуальное преобразование в исторической реальности.

В продолжении своих размышлений по поводу анархии, хаоса, представленные в «Годах оккупации», Юнгер подчеркивал в эссе «Через линию», что нигилист не приемлет хаос: «Хаос нигилисту не нужен; это не то, без чего он не может обойтись. Еще меньше ему нравится анархия. Она бы нарушила строгий ход процесса, в котором он движется. То же самое относится к упоению. Даже в тех местах, где нигилизм обнаруживает свои самые жуткие черты, как, например, в местах физического уничтожения огромных масс людей, во всем господствуют рассудительность, гигиена и строгий порядок» [7, с.24]. Потому нигилизм для него нормальное явление мира порядка. И в условиях хаоса нигилизм до последнего стремится к упрощению и упорядочиванию: «Нигилистический мир по своей сути — это мир редуцированный и продолжающий себя редуцировать, как и положено движению к нулевой точке. Ощущение, господствующее в нем, — ощущение редукации и редуцирования» [7, с.32].

Нигилист готов к падению мира, постоянно сохраняя в нем остатки порядка и трансформируя их под условия хаоса. Именно нигилизм играет важнейшую роль: «Впервые мы наблюдаем нигилизм как стиль. В мировой истории уже многократно, у индивида, в малых или больших сообществах, случалось падение бесшумных иерархий со всеми его последствиями. И всегда в распоряжении еще оставались мощные резервы – в варварском или же в цивилизованном мире. Сохранялась нетронутой первобытная основа, и целые культуры оставались девственными. Сегодня же утрата, которая ведь не только утрата, но одновременно и ускорение, упрощение, интенсификация и стремление к неизвестным целям, распространяется на весь мир» [7, с.37].

Это и создает возможность перехода «через линию», которое стало у Юнгера возможным в результате разрушения государства в Германии. Говоря о межвоенном периоде и Второй мировой войне Юнгер замечал: «За это время мы перешли нулевую точку не только идеологически, но и с точки зрения внутреннего ресурса идеологии. Это ведет к новому умонастроению, воспринимающему новые феномены» [7, с.38].

Необходимо не только дойти до линии, нулевой точки, зафиксировав момент абсолютного падения, но и быть готовым к восстановлению: «Пересечение линии, прохождение нулевой точки разделяет драму, обозначая середину, но не конец. До гарантированного положения еще далеко. На него можно только надеяться. Барометр говорит об улучшении, несмотря на сохранение внешней угрозы, и это лучше, чем если бы его показания нормализовались при еще сохраняющихся аспектах гарантированности» [7, сс.38-39].

Такое положение позволяет дать важнейшие «практические советы относительно движения в нигилистическом поле»: «Свободный человек из одного только чувства самосохранения обязан подумать о том, как ему себя вести в мире, в котором нигилизм стал господствующим, но и, что хуже, превратился в нормальное состояние» [7, с.42].

В этой связи Юнгер обращает внимание на новое положение консерватора в условиях анархии и разрушения: «При пересечении нулевого меридиана прежние цифры уже не соответствуют истине, и нужно начинать новое исчисление. Это, в частности, касается необхо-

димой деструкции. Консервативная позиция, представители которой достойны внимания и даже восхищения, более не в состоянии тормозить растущее движение, как это было возможно после Первой мировой войны. Консерватор должен всегда опираться на слои жизни, которые еще не пришли в движение, такие как монархия, аристократия, армия, деревня. Но когда все начинает сдвигаться, то точка отсчета теряется. Соответственно можно видеть, как молодые консерваторы переходят от статичных к динамичным теориям: они наступают на него поле» [7, с.43]. Консерваторы, которые прежде считали себя верными традициям, теперь должны осознавать себя свободными людьми, действующие на основе того самого, «даже одного только чувства самосохранения».

Переход от статики и сохранения прежних форм к динамике в осознании разворачивающихся процессов являлось в представлениях Юнгера главной задачей освободившегося интеллектуала: «Важным остается то, насколько дух подчиняется необходимому разрушению, и ведет ли путь через пустыню к новым источникам. Это задача, которую таит в себе наше время. Каждый принимает участие в ее решении в меру своего характера. Поэтому возникает вопрос об основной ценности, и этот вопрос сегодня необходимо поставить перед личностью, произведением, организацией. Он гласит: насколько они перешли линию?» [7, с.45]

Завершал Юнгер свои размышления по поводу значения нигилизма в процессе перехода «через линию» определением «решающей роли личности» в противостоянии нигилизму внутри самого себя. Решение «перейти линию», по мысли Юнгера, является прежде всего внутренним решением, которое должно осознаваться как требование, направленное к себе, но не как давление внешних обстоятельств. Это позволит глубже быть понятым и скорее принесет пользу в преодолении нигилизма: «Упрек в нигилизме сегодня популярен, и каждый приписывает его своему противнику. Весьма вероятно, что правы все. Поэтому нам нужно обратить упрек к себе, а не разделять позицию тех, кто неумоимо ищет виноватых. Менее всего знает время тот, кто не испытывал на себе чудовищную силу ничто, и кто не испытал на себе чудовищную силу ничто, и кто не уступил его соблазну... Если человек окажется сильнее, то ничто отступит. На линию побережья будут выброшены затопленные сокровища. Они искупят жертвы» [7, с.63].

Личный выбор, сделанный Юнгером в период разрушения нацистского режима, позволил ему стать одним из признанных моральных и интеллектуальных авторитетов послевоенной Германии. Этот выбор формулировался мыслителем во многом через противопоставление своих духовных идей и черт интеллектуального мира позиции нигилиста, которая казалась отвергнутой и поверженной с окончанием войны, но обнаружила почву для роста спустя несколько лет. Позиция нигилиста, представленная Юнгером в целом ряде значительных произведений послевоенного десятилетия, во многом отражала видимые мыслителем проблемы, стоявшие перед немецким обществом. Через критику позиции нигилиста он стремился точнее заявить и о своей позиции.

Библиографический список

1. Михайловский А.В. Послесловие переводчика// Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. - СПб.: Наука, 2000. – 539 с.
2. Смирнов Д.А. Национальное поражение глазами интеллектуала-консерватора: Эрнст Юнгер о человеческих трагедиях в оккупированной Германии// Интеллигенция и мир. 1997. № 4. СС. 136-150.
3. Юнгер Э. В стальных грозах. / Перевод с немецкого Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. — СПб.: «Владимир Даль», 2000.

4. Юнгер Э. Годы оккупации (апрель 1945 – декабрь 1948). СПб., 2007. URL: http://militera.lib.ru/db/0/pdf/junger_e02.pdf (дата обращения: 04.05.2019). Далее в ссылках на это издание указаны только место и дата дневниковой записи.
5. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 - апрель 1945) / Перевод с немецкого Н. О. Гучинской, В. Г. Ноткиной. - СПб.: Владимир Даль, 2002. – 784 с.
6. Юнгер Э. О боли// Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. - СПб.: Наука, 2000. - 539 с.
7. Юнгер Э. Через линию// Юнгер, Э.; Хайдеггер, М.; Кампер, Д. и др. Судьба нигилизма: Через линию; О линии; Государство в голове, неистовство сердца; Метафизический характер модерна. Издательство: СПб: СПбГУ. – 222 с.
8. Jünger E. Die Friede// Jünger E. Werke. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1960: Band 5: Essays I: Betrachtungen zur Zeit. – 548 S.

Сведения об авторе

Смирнов Дмитрий Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского политехнического университета, г. Иваново, d-smirnov@mail.ru

УДК: 930:94(430)

О. Э. Терехов

ЭРНСТ ЮНГЕР И КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В статье рассматривается одна из актуальных проблем в изучении феномена немецкой «консервативной революции» – проблема Эрнст Юнгер как идеолог консервативной революции. Показаны становление, этапы и современное состояние исследований данной проблематики в западной и отечественной историографии.

Ключевые слова: историография, «консервативная революция», Эрнст Юнгер.

Terekhov O. E.

Ernst Junger and the Conservative revolution in historiography

Abstract: The article discusses one of the urgent problems in studying the phenomenon of the German “conservative revolution” – problem Ernst Junger as the ideologist of the conservative revolution. The formation, stages and current state of research on this issue in western and domestic historiography are shown.

Keywords: historiography, «conservative revolution», Ernst Junger.

29 марта исполняется 125 лет со дня рождения сейсмографа немецкой истории бурного двадцатого столетия одного из ведущих германских интеллектуалов писателя, философа, публициста Эрнста Юнгера (1895 – 1998). В отношении жизненных и творческих перипетий бурного немецкого двадцатого века с Юнгером, пожалуй, только могут посоперничать историк Голо Манн и журналист и публицист Себастьян Хафнер (наиболее близок для сравнения, тем более, что представлял противоположный мировоззренческий и политический лагерь). Колоритная фигура Юнгера, автора многочисленных дневников, художественных текстов, публицистических статей и философских эссе, еще во второй половине XX столетия была признана немецкой, а чуть позже и европейской общественностью, репрезентативной в выражении трагического духа немецкой новейшей истории. Действительно, его интеллектуальное наследие вобрало в себя всю мощь, противоречивость, трагизм и динамику прошедшего столетия, что, кстати говоря, делает Юнгера также и фигурой общеевропейского значения. Еще при своей жизни он стал живым классиком европейской гуманитарной и художественной мысли.

Как мы уже сказали выше, интеллектуальное наследие Юнгера многообразно. Исследователи выделяют ряд периодов в его творчестве. В «юнгерiane» отражены все эти периоды, однако ключевым моментом в изучении интеллектуального наследия Юнгера всегда оста-

вался «период Веймарской республики - время, когда он играл существенную роль в идейно-политическом течении, получившем название консервативной революции» [5. С. 127]. Принадлежность Юнгера к такому радикальному течению германской консервативной мысли как консервативная революция и отношение к национал-социализму – эти факты биографии Юнгера стали камнем преткновения в оценке его творчества как для послевоенной немецкой и европейской общественности, так и для исследователей. Ситуацию еще запутывало то, что свои консервативные и националистические воззрения Юнгер выражал в радикально модернистской форме, которая не позволяла уличить его в заскорузлом консерватизме. Это, безусловно, был «странный» консерватор, которого одновременно считают одним из лидеров модернистского проекта XX столетия. Не претендуя на исчерпывающий анализ историографии столь многосторонней проблемы как «Юнгер и консервативная революция», дадим краткий обзор ее возникновения, эволюции и современного состояния. Взгляд на Юнгера как на одного из ведущих представителей «консервативной революции» стал настолько естественным и не подлежащим обсуждению, что всякие попытки его кардинально пересмотреть вызывают лишь недоумение. В германской историографии полемика вокруг Юнгера получила название «Jünger-Kontroverse».

Тема «Юнгер и консервативная революция» возникла фактически сразу после Второй мировой войны, благодаря основоположнику германской и западной историографии «консервативной революции» Армину Молеру. Он первым указал на сложность и ускользающую неопределенность политического мировоззрения Юнгера. Молер включает Юнгера в число ведущих идеологов консервативной революции, но не дает ясного определения его политического профиля. Характерно, что в различных переизданиях своего знаменитого труда Молер так и не решил дать четкую характеристику идейно-политического портрета Юнгера. В представлении Молера Юнгер выступал то как представитель немецкого нигилизма с оттенком прусского анархизма [21. S. 96–97], то как выразитель идей национал-революционеров, сторонник «солдатского национализма» и «нового национализма» [21. S. 142–146]. В последнем шестом переиздании своего труда, написанном совместно с К. Вайсманном, Молер, рассматривая значение место юнгеровского «Рабочего» для идеологии «консервативной революции», отмечает, что в книге были удачно синтезированы многие идеи «революционного консерватизма». Юнгеру удалось синтезировать то, к чему стремились многие «революционные консерваторы»: культуру и цивилизацию, традиционные прусские ценности и технологический футуризм [22. S. 185–186].

Из «юнгеряны» 1950 – 1960-х гг. стоит отметить труды американского историка немецкого происхождения Клеменса фон Клемперера и западногерманского исследователя Ганса Петера Шварца. Клемперер в своей работе (первое англоязычное издание 1957 г.) анализирует консервативную революцию с либеральной позиции. Автор один из первых исследователей отметил глубокие идейные различия между традиционным консерватизмом и консервативной революцией. По мнению Клемперера, тотальное неприятие Юнгером, как и всеми консервативными революционерами, базовых ценностей буржуазного общества привело его на путь отказа от консерватизма и переход в нигилизм [20. S. 203]. Трактровка Юнгера Шварцем, безусловно, расширила представление о мыслителе, а определение Юнгера как консервативного анархиста в понимании автора открыло новые перспективы для исследования его творчества. Согласно Шварцу в политических дискуссиях веймарского периода Юнгер придал понятию «национализм» новый смысл и новое звучание, что и было его вкладом в идеологию консервативной революции, которая сама была неоднозначна как и мировоззрение Юнгера [27. S. 63].

Важным этапом в исследовании проблемы «Юнгер и консервативная революция» стали две монографии. Первая из них, изданная на немецком языке, принадлежала перу финской исследовательницы Мариэты Хиталы и была непосредственно посвящена изучению «нового национализма» у Юнгера и круга его единомышленников [18]. Хитала обратила внимание на то, что корни «нового национализма» необходимо искать в Первой мировой войне и военных переживаниях поколения фронтовиков, Версальском мирном договоре и его последствиях для Германии. Но с другой стороны на формирование «нового национализма» повлияли такие факторы как мощное идейное наследие немецкого консерватизма и национализма, а также ведущие духовные и политические направления 1910 – 1920-х гг. (марксизм и итальянский фашизм), воздействие иррационализма, теории элит и расовой теории. «Новый национализм» лишь отчасти продолжал традиции немецкого пангерманского национализма. И в этих различиях как раз и заключается принципиальная не схожесть традиционного немецкого консерватизма и консервативной революции. «Новый национализм» был одним из триггеров консервативной революции, а Юнгер его лидером.

Другая монография стала вехой в исследовании германского радикального консерватизма первой половины XX столетия. Речь идет о вышедшей в первом издании в 1984 г. и ставшей уже классической монографии американского историка и политолога Джеффри Херфа «Реакционный модернизм: технология, культура и политика в Веймаре и Третьем Рейхе» [17]. Монография стала новым этапом в исследовании праворадикальных идеологий и движений межвоенного периода. Для объяснения праворадикальных идейно-политических феноменов межвоенного времени, на примере немецкого правого радикализма (консервативная революция и национал-социализм), Хэрф предложил концепцию «реакционного модернизма», отличительной особенностью которого стал синтез иррационалистических идей немецкого консерватизма и национализма с «наиболее очевидной манифестацией направленной на достижения цели рациональности» [17. Р. 1]. Немецкие правые этого периода в своей идеологии и политике пытались, по мнению Хэрфа, совместить не совместимое, одновременно целиком отрицать Просвещение и пользоваться его плодами, что создавало идейную и политическую гремучую смесь. В дальнейшем концепция «реакционного модернизма» оказала большое влияние на изучение праворадикальных направлений в межвоенный период.

Юнгеру Хэрф посвятил отдельную главу, назвав его магическим реалистом. По мнению Хэрфа, Юнгер, как никто иной из консервативных революционеров, ярко и образно воплотил идею реакционного модернизма. Его работы свободны от каких-либо традиционалистских предрассудков и вызывают ощущение революционного прорыва за пределы буржуазного общества. С одной стороны, опыт переживания войны, горечь от поражения Германии, неприятие демократии и национализм, с другой – восхищение технологией, авангардизм, эстетизация политики, полное восприятие современного глубоко рационалистичного мира – все это делало из Юнгера уникальную и в тоже время весьма символическую фигуру консервативной революции. Юнгеровский магический реализм, то есть один из вариантов соединения несоединимого в концепции реакционного модерна Хэрфа, являлся новой консервативной утопией.

В данном ракурсе размышления Хэрфа о Юнгере стыкуются с идеями крупнейшего французского исследователя немецкой консервативной революции Л. Дюпё. Говоря о «новом национализме», Дюпё констатирует: «новый национализм был наиболее радикальной и брутальной формой «консервативной революции», выразивший переживание войны в дарвинистско-виталистском духе через понятия «жизнь», «кровь», «судьба» и т. д. В политической области «новые националисты», как истинные революционеры «консервативной революции»,

призывали действовать решительно. Переживание войны как «внутреннее переживание» (знаменитая формула Э. Юнгера) способствовало утверждению среди «новых националистов» нигилистических взглядов на общество и историю, а также питало их интерес к проблемам техники и индустриального общества [16. S. 256 257].

Конец XX - начало XXI вв. ознаменовался ренессансом «юнгеряны». Это связано, конечно, в первую очередь со столетним юбилеем в 1995 году самого живого классика немецкой литературы и гуманитарной мысли. Наступило время подведения некоего промежуточного итога в оценке творчества Юнгера, тем более что он к этому времени прекратил интенсивную творческую деятельность. Естественно, что в условиях подъема «юнгеряны» вновь возник интерес к веймарскому периоду жизни Юнгера, о котором он сам после Второй мировой войны не любил особо распространяться.

В 1991 году появляется работа философа Петера Козловски «Миф модерна. Поэтическая философия Эрнста Юнгера» [7]. Автор рассматривает проблему модерна в творчестве Юнгера и в связи с этим предлагает для определения политической позиции Юнгера в период Веймарской республики наряду с понятием «консервативная революция» использовать термин «консервативный модернизм». Козловский пишет: «Модернизм Юнгера консервативен, а его консерватизм – модернистский. Его лозунг о тотальной мобилизации для Германии, его консервативный модернизм, является частью модерна, революция в Германии должна быть консервативной революцией» [7. С. 54]. «Консервативным революционером», в том смысле в каком А. Молер понимал «консервативную революцию», Юнгер был, как полагает Козловски, с 1926 по 1930 год. Р. П. Зиферле при характеристике Юнгера и его окружения использует термин «новый национализм». «Новый национализм», по мнению Зиферле, стал революционным в условиях Веймарской республики [25. S. 145]. Юнгер и «новые националисты» предлагали использовать революционные средства для достижения своих целей.

Основоположник современной трактовки консервативной революции Ш. Бройер предложил заменить термин «консервативная революция» на термин «новый национализм», который, по его мнению, более соответствует сущности феномена, называемого консервативной революцией. Но, если в «Анатомии консервативной революции» Бройер понимает под новым национализмом весь веймарский младоконсерватизм в целом [14], то в работе «Основные позиции немецких правых 1917 – 1945» он все же предпринимает попытку дать классификацию течений немецкого консерватизма [15]. Среди ее направлений Бройер выделяет новый национализм, к которому причисляет довольно широкий круг персоналий и групп «консервативной революции», в том числе и Юнгера. Характерной чертой «нового национализма» Бройер считает перемещение основ его политического базиса от деревни к городу, от крестьянства к рабочему классу [15. S. 114], что в корне отличало его от традиционного консерватизма.

Известный британский германист Т. Рокрэмер рассматривает консервативную революцию, вслед за Хэрфом, как исключительно модернистское идейное движение. Он характеризует мировоззрение Юнгера и его современников как продукт распада традиционных ценностей в эпоху модерна [23. S. 854]. Рокрэмер считает Юнгера центральным персонажем «консервативной революции». Если первое литературное произведение «В стальных грозах» сделало Юнгера известнейшим автором литературы военного поколения, то его публицистика второй половины 1920-х гг. имела такое влияние, что Юнгера можно по праву называть бесспорным духовным лидером «молодого» немецкого национализма [24. S. 301].

В 2001 году вышла в виде отдельной книги значительная часть тех произведений Юнгера, вокруг которых собственно и велась оживленная дискуссия относительно его политической позиции в годы Веймарской республики [19]. Сам Юнгер отказывался при жизни пе-

реиздавать свою политическую публицистику веймарского периода. В том же 2001 году была предпринята основательная попытка оспорить принадлежность Юнгера к консервативной революции. М. Шлосбергер в электронном варианте опубликовал по поводу выхода тома политической публицистики Юнгера большую статью-рецензию, в которой попытался поставить точку в продолжительной дискуссии относительно политической позиции автора в годы Веймарской республики [26]. Проанализировав политические идеи Юнгера, его взаимоотношения с консервативными группами, в частности младоконсерваторами, Шлосберг приходит к выводу, что если под «консервативной революцией» подразумевать радикальную попытку снова оживить то, что в Германии традиционно называют консерватизмом, то, Юнгер после 1926 года никоим образом не может быть причислен к этому течению.

Что касается развития отечественной «юнгерианы», то проблема отношения Юнгера к консервативной революции является главной для отечественных гуманитариев в исследовании интеллектуального наследия немецкого мыслителя. В советской историографии Юнгера, как и всех консервативных революционеров, однозначно квалифицировали как идейных предтеч национал-социализма. Исследовательский подход к Юнгеру и консервативной революции начал меняться с 1990-х гг., с выхода монографии О. Ю. Пленкова, в которой автор впервые в отечественной историографии попытался дать непредвзятую картину немецкой консервативной революции и проанализировать концепции ее главных идеологов [10].

Среди современных отечественных исследователей Юнгера необходимо прежде все отметить А. В. Михайловского и С. В. Артамошина. Михайловский, во-первых, переводчик на русский язык консервативно-революционных текстов Юнгера [12, 13]. Во-вторых, Михайловский автор первой русскоязычной диссертации о Юнгеру, в которой он, опираясь на опыт мировой «юнгерианы», представил отечественной публике интеллектуальную глубину и парадоксальность автора в «Стальных грозах» и «Рабочего» [8]. И, в-третьих, в своих работах посвященных различным аспектам творчества Юнгера, Михайловский едва ли не главное внимание уделяет его консервативно-революционному периоду. В частности, он считает публицистику Юнгера «одним из наиболее ярких выражений «консервативно-революционной» политической мысли» [9. С. 334].

В монографиях и статьях С. В. Артамошина о консервативной революции анализ политических взглядов Юнгера занимает значительное место [1, 2, 3, 4]. Автор отмечает, что «творчество немецкого писателя и мыслителя, фронтовика Великой войны Эрнста Юнгера достаточно разнопланово и многогранно, чтобы сводить его к единому знаменателю» [4. С. 51]. Касаясь проблемы отношения Юнгера к консервативной революции Артамошин выделяют три уровня его значения для революционного консерватизма: первый, Юнгер ярчайший и крупнейший представитель поколения фронтовиков в консервативной революции, что, по мнению автора, уже само по себе делает фигуру Юнгера значимой; второй, Юнгер виднейший идеолог «нового (солдатского) национализма» в консервативной революции; третий, консерватизм и национализм Юнгера выходили за рамки традиционализма, а его модернистский интеллектуальный порыв позволил ему развивать политические представления, выходящие из дихотомии левое – правое.

Из последних отечественных работ посвященных творчеству Юнгера, также можно отметить монографию автора этих строк и диссертацию С. О. Казакова. В монографии О. Э. Терехова рассмотрена германская и частично западная историография проблемы Юнгер и консервативная революция. Он отмечает, что «касаясь политических взглядов Юнгера в годы Веймарской республики, исследователи смогли свести к общему знаменателю лишь их «консервативно-революционную» направленность и выявить истоки происхождения политического мировоззрения автора «В стальных грозах», «Тотальной мобилизации» и «Рабоче-

го», отмечая важный вклад Юнгера в формирование основных идеологием «консервативной революции». Однако четко и однозначно определить политический профиль Юнгера представляется едва ли возможным» [11. С. 166].

Казаков прослеживает эволюцию консерватизма Юнгера от его зарождения в годы Веймарской республики до конца жизни мыслителя. Говоря о веймарском периоде творчества Юнгера, Казаков однозначно трактует его как праворадикальный и делает интересное наблюдение относительно проблемы Юнгер и консервативная революция «Его духовное становление как публичного автора состоялось через реактивное отношение к непосредственным событиям и не имело глубокой идейной подоплеки, которая присуща и М. ван ден Бруку, и О. Шпенглеру, и К. Шмитту. Вероятно, это еще одна причина, благодаря которой стал возможен дальнейший транзит его взглядов» [6. С. 21].

Именно синтез консерватизма и модернизма в творчестве и мировоззрении Юнгера и сделал его интеллектуальное наследие уникальным духовным опытом в XX столетии, который не утратил актуальности и привлекает внимание до настоящего времени.

Библиографический список

1. Артамошин С. В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. – Брянск, 2011.
2. Артамошин С. В. Консервативный мыслитель Эрнст Юнгер // Вопросы истории. 2015. – №8. С. 139 – 147.
3. Артамошин С. В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб, 2018.
4. Артамошин С. В. Эрнст Юнгер и военные переживания поколения Великой войны // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 57. – С. 51 – 54.
5. Казаков С. О. Современная историография творчества Эрнста Юнгера // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 59. № 16. С. 127 – 136.
6. Казаков С. О. Консервативный транзит Эрнста Юнгера. Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014.
7. Козловский П. Миф о модерне: Поэтическая философия Эрнста Юнгера / Пер. с нем. – М., 2002.
8. Михайловский А. В. Вопрос о технике. Критика эпохи у Эрнста Юнгера и Мартина Хайдеггера Дис... канд. философских наук. Специальность 09.00.03 – История философии. М., 2001.
9. Михайловский А. В. Политическая публицистика Эрнста Юнгера в интеллектуальной истории Веймарской Германии // Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923 – 1933. – М., 2008. С. 317 – 362.
10. Пленков, О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. – СПб., 1997.
11. Терехов О. Э. Феномен «консервативной революции» в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2011.
12. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Пер. с нем. А. В. Михайловского. – СПб., 2000;
13. Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923 – 1933 // Пер. с нем. А. Михайловского. – М., 2008.
14. Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. - Darmstadt, 1993.
15. Breuer S. Grundpositionen der deutschen Rechten 1871 – 1945. - Tübingen, 1999.
16. Dupeux, L. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1919 – 1933: kommunistische Strategie und konservative Dynamik. – München, 1985.
17. Herf, J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Reprinted 1985. – Cambridge, 2003.
18. Hietala M. Der neue Nationalismus in der Publizistik Ernst Jüngers und des Kreises um ihn 1920 – 1933. – Helsinki, 1975.
19. Jünger E. Politische Publizistik 1919 – 1932. – Stuttgart, 2001.
20. Klemperer K. von. Konservative Bewegungen zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. – München, 1962.
21. Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932; ein Handbuch. 4. Aufl. – Darmstadt, 1994.
22. Mohler A., Weißmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918 – 1932: ein Handbuch. 6, völlig überarb. und erw. Aufl. – Graz, 2005.

23. Rohkrämer Th. Die Verzauberung der Schlange: Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim frühen Ernst Jünger // Der Erste Weltkrieg, Wahrnehmung, Analyse / Hrsg. W. Michalka. – München, 1994. S. 849 – 874.
24. Rohkrämer Th. Eine andere Moderne? Zivilisationskritik, Natur und Technik in Deutschland 1880 – 1933. – Paderborn; München; Wien; Zürich, 1999.
25. Siefert R. P. Die Konservative Revolution: fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freyer). – Frankfurt am Main, 1995.
26. Schloßberger M. Ernst Jünger und die «Konservative Revolution». Überlegungen aus Anlaß der Edition seiner politischen Schriften // URL: http://www.iaslonline.lmu.de/index.php?vorgang_id=2382 (дата обращения 21.03.2020)
27. Schwarz H.-P. Der konservative Anarchist. Politik und Zeitkritik E. Jüngers. – Freiburg im Breisgau, 1962.

Сведения об авторе:

Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, terehov1968@mail.ru

Эрнст Юнгер (Ernst Jünger) - немецкий писатель, мыслитель и офицер.
© Александр афанасьев / фотобанк Лори

[lori.ru / 28.985.707](http://lori.ru/28.985.707)

Эрнст Юнгер на почтовой марке Федеративной Республики Германия

УДК 94(430)+930.85:130.2

Н.В. Шупилов

ЭРНСТ ЮНГЕР И ЕГО ОБРАЗ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ФРАНЦУЗСКИХ «НОВЫХ ПРАВЫХ»

Аннотация: В статье рассматривается образ и влияние немецкого мыслителя, видного деятеля «консервативной революции» Эрнста Юнгера на мировоззрение современных французских «новых правых». Анализируется трансформация образа писателя и его значение для современного европейского интеллектуального национализма.

Ключевые слова: новые правые, консервативная революция, современный европейский национализм, Эрнст Юнгер, Ален де Бенуа, Доминик Веннер

Shupilov N.V.

Ernst Junger and his image in the ideology of the French New Right

Abstract: The article discusses the image of the German thinker and a prominent figure of the "conservative revolution" movement Ernst Junger and his cultural influence on the ideology of modern French "new right". The author analyzes the transformation of the writer's image and its significance for modern European intellectual nationalism.

Keywords: new right, nouvelle droite, conservative revolution, modern european nationalism, Ernst Junger, Alain de Benoist, Dominique Venner

Вторая половина XX века была крайне богата в плане развития политической философии, особенно на её левом фланге, что наиболее ярко выразилось в феномене движения «новых левых». Однако, политические мыслители, для которых национализм и консерватизм имели важное и фундаментальное значение, сталкивались с проблемой преодоления негативного образа этих понятий, который сложился после Второй Мировой войны, поскольку само обращение к мифу нации тесно ассоциировалось с эксцессами национализма, и прежде всего с германским национал-социализмом, чьи разрушительные последствия ощущаются и сегодня.

Одним из возможных решений отмежевания от негативного опыта национализма было найдено движением «новых правых», которое возникло во Франции в конце 1960-х годов. Не скрывая своей антипатии к историческому опыту Третьего рейха, мыслители «новых правых» стали искать альтернативные источники вдохновения для построения своих теоретических концепций. Поэтому одним из важнейших источников, повлиявших на развитие политической философии «новых правых», стало движение немецкой «консервативной революции». Этому движению, а также её основным деятелям посвящено огромное количество как статей, так и отдельных трудов, выходящих в различных изданиях «новых правых». Влияние «консервативной революции» на «новых правых» является основополагающим, а реактуализация её наследия стала одной из их характерных черт в условиях современной Европы. [1, p. 42]

В этом отношении для «новых правых» одним из важнейших деятелей «консервативной революции» стал известный немецкий писатель, философ, представитель её национал-революционного крыла Эрнст Юнгер. Он был хорошо известен во Франции уже к моменту появления первых структур «новых правых», однако до 1975 года воспринимался как персона, принадлежащая исключительно миру литературы. Его политические и философские работы были практически неизвестны до этого времени. Открытие «политического» Юнгера для французских «новых правых» произошло в основном благодаря Армину Молеру, который определенное время занимал должность его секретаря. Через Молера политическое измерение Юнгера, а также других деятелей «консервативной революции» стало доступно недавно основанному движению «новых правых». В частности, лидера движения «новых правых» Алена де Бенуа¹ привлёк в Эрнсте Юнгере и «консервативной революции» образ «правых», который не был связан ни с нацизмом, ни с либерализмом и который был достаточно прохладен к христианству. В итоге при содействии Группы изучения и исследования европейской цивилизации² (GRECE) уже в 1973 году был опубликован текст посвященный анализу юнгерского труда «Рабочий», а 15 мая 1977 года на международном книжном фестивале в Ницце произошла личная встреча Эрнста Юнгера и лидера «новых правых» Алена де Бенуа. [6, С. 39-43] После этого последовала новая череда публикаций в изданиях «новых правых»³, посвященных немецкому мыслителю. В 1996 году вышел 48-й номер журнала «Nouvelle école», [3] который был полностью посвящен личности Юнгера и начинался словами: «*Двадцатый век – это век, в который Нобелевская премия не была присуждена Эрнсту Юнгеру*». [6, С. 45] Алэн де Бенуа открыто писал, что всегда восхищался фигурой немецкого мыслителя и с большим интересом относился как к его жизненному пути, так и к его творчеству. [6, С. 46-47]

В одной из своих статей «Типы и образы в творчестве Эрнста Юнгера» лидер «новых правых» Алэн де Бенуа обращается к анализу его биографии и основных трудов, делая это на примере четырёх юнгерских фигур: Фронтовика, Рабочего, Повстанца и Анарха. Образ Фронтовика всецело обусловлен опытом участия в Первой мировой войне, в которой он ста-

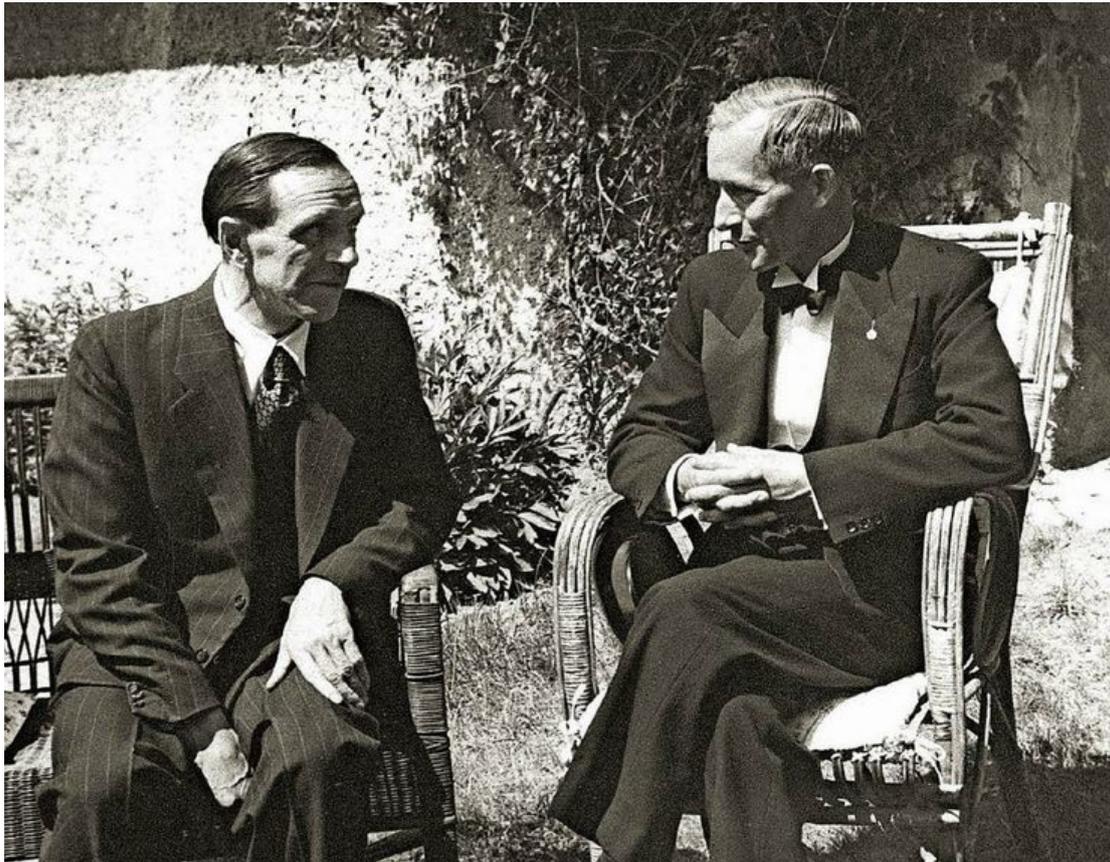
¹ Алэн де Бенуа (р. 1943) – французский философ, писатель, политик, основатель и главный лидер европейского движения «новых правых». Главный редактор журнала «Элементы» и альманаха «Кризис», автор более 30 работ. Победитель престижной премии Французской академии в 1978 году за книгу «Взгляд справа».

² Группа изучения и исследования европейской цивилизации (Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne, GRECE) – организация, основанная в 1968 году и являющаяся своеобразной фабрикой мысли «новых правых».

³ « La Figure du Travailleur. Réflexions sur un livre méconnu d'Ernst Jünger », in *Eléments*, Paris, 40, hiver 1981-82, pp. 13-19.; « Ernst Jünger : la Figure du travailleur entre les Dieux et les Titans », in *Nouvelle Ecole*, Paris, 40, septembre-novembre 1983, pp. 11-61.

новится свидетелем конца классических войн, где ещё существовали «рыцарские поступки» и четкое разделение между фронтом и тылом. Новая же форма войны обусловлена стремительным вторжением и господством техники, когда «материал» становится важнее самого человека. Такая форма войны с её массовым уничтожением и абстрактной жестокостью делает из Фронтвика действующее лицо, лишённое индивидуальности, своего рода «обезличенного героя», приносящего анонимную жертву и являющийся по определению «неизвестным солдатом», чье бытие тесно взаимосвязано со всей совокупностью таких же бойцов, как и он. [2]

Следующий образ Рабочего с Фронтвиком роднит именно эта деятельная обезличенность, детерминированная тем, что оба они являются «детьми техники», а также наличием общего врага — «буржуазного либерала», чья задача больше польза и выгода, чем этика долга и порядка. Если Фронтвик — это фигура войны, то Рабочий — это больше фигура тыла, поставленная на службу требованиям производства. Однако, Рабочий не является пассивным объектом техники, а стремится к активному отождествлению с ней, желая поставить её возможности на службу. В образе жизни Рабочего вырисовывается спартанская и прусская этика, он посвящает себя целиком принципам эффективности и производительности, неважно, идёт ли речь о рабочем времени или досуге, так как всё в конечном счёте в его модусе существования превращается в работу, а все его естество устремлено к тотальной мобилизации. [2] Лидер «новых правых» отмечает, что в оптике Юнгера образ Рабочего носит больше метафизический, а не социальный или экономический характер. [2]

Фридрих Георг и Эрнст Юнгеры

Рассуждая о фигуре Повстанца, Бенуа цитирует слова самого Юнгера: *«Повстанцем является всякий, кого закон его природы связывает со свободой, и эта связь побуждает его*

тогда же к восстанию против автоматизма и к отказу от признания его этического следствия в образе фатализма». [6, С. 32] В образе Повстанца момент, связанный со свободой, имеет принципиальное значение, поскольку для Повстанца свобода — это то, что он пытается сохранить и защитить перед лицом Системы, которая стремится встроить его в собственную логику существования, то есть проэксплуатировать и нивелировать личность. Сам Ален де Бенуа считает, что появление фигуры Повстанца в творчестве Эрнста Юнгера связано не только с возвышением нацизма в данный период жизни немецкого мыслителя, но также обусловлено влиянием его брата Фридриха Георга Юнгера, который занимал более критическую позицию к феномену техники. Именно в этот период коллективные образы Фронтвика и Рабочего, доминировавшие в ранний период, сменяются индивидуалистическими — Повстанца и Анарха.

Наконец, последней является фигура Анарха, для которой ключевым моментом является отношение к власти. *«В то время как анархист хочет заставить власть исчезнуть, Анарх довольствуется тем, что рвет с ней всякую связь»*, - акцентирует Ален де Бенуа в статье. [6, С. 33] Анарх не стремится ни к какой внешней власти, так как, по сути, носит её в самом себе, являясь сувереном и обладая подлинной независимостью. Он движется по своей собственной внутренней траектории, и в его фигуре развитие тематики независимости достигает апогея. Если образ Повстанца предполагает участника определенного восстания, то фигура Анарха находится по ту сторону всякого восстания. Если первый стремится найти свободу в горизонтальной плоскости, пытаясь отвоёвать её у Системы, то во втором варианте речь идёт о свободе в вертикальном измерении, так как Анарх обладает такой степенью независимостью, что, даже наличествуя в историческом процессе, он продолжает оставаться по ту сторону истории.

Несмотря на разграничение этих четырех образов в творчестве Эрнста Юнгера, лидер «новых правых» отмечает, что между ними нет жесткого противоречия, и уподобляет их развитие движению в глубину, связывая их с жизненным путем самого писателя. Так, сам Эрнст Юнгер, который в начале своего жизненного пути был активным действующим лицом своей эпохи, стремящимся изменить её волевым действием, трансформируется сначала в её критика, а потом и вовсе становится над ней, чтобы засвидетельствовать трансформации происходящие в европейской истории.

Этот момент Ален де Бенуа также подчеркивает в статье «Эрнст Юнгер и “новые правые”», где он отмечает, что его восхищение Юнгером никогда не ослабевало, но с течением времени менялось и эволюционировало. Бенуа пишет: *«Когда мне было тридцать лет, я был в восторге от «первого» Юнгера, то есть Юнгера двадцатых-тридцатых годов. Со временем и, следовательно, с возрастом, я без сомнения стал в большей степени воспринимать «второго» - Анарха еще больше, чем Повстанца, «находящегося вне времени» мыслителя, который, поднявшись выше, мог также видеть намного дальше»*. [6, С. 46-47] Это важное замечание для мировоззрения «новых правых», поскольку наибольшее влияние на них оказали не столько философские теоретические построения Эрнста Юнгера, сколько его стиль и образ мысли и действия.

Другим автором, который обращался к анализу творческого и жизненного пути Эрнста Юнгера, был ещё один из основателей движения «новых правых» Доминик Веннер¹. Он также был знаком с Юнгером и вёл с ним переписку. [4, р. 27] Его перу принадлежит насы-

¹ Доминик Веннер (1935-2013) – французский писатель, историк и публицист. Один из основателей движения «новые правые». В 2013 году в знак протеста против неконтролируемой миграции и легализации однополых браков во Франции покончил с собой в соборе Парижской богородицы.

щенная деталями биография немецкого писателя, озаглавленная «Эрнст Юнгер. Иная европейская судьба», в которой он пытается отследить метаморфозы судьбы немецкого мыслителя, его эволюцию во взглядах и мировоззрении на протяжении жизни. Автор, с большим уважением и пиететом относясь к фигуре Юнгера, видит в ней тот европейский архетип или образ, который уже исчез в современной Европе, но ностальгия по которому ещё сохраняется. Этот архетип заключает в себе неразрывное единство двух природ – созерцательной и действенной. Так, в личности Юнгера Веннер видит одновременно «поэта и воина», человека, который способен не только пронзительно мыслить, но и действовать. [5, С. 13] То, о чём Эрнст Юнгер пишет во многих своих книгах, является не просто умозрительной игрой слов, а отлитой в буквы и символы манифестацией того интенсивного переживания или опыта, который закалил немецкого мыслителя.

В отличие от Алена де Бенуа, который прослеживает эволюцию Юнгера на примере четырёх фигур, Доминик Веннер ставит больше акцент на двух Юнгерах – молодом и зрелом, которые внешне могут показаться чем-то противоположными, но на примере которых как в зеркале отражается европейская судьба до и после Второй мировой войны. В молодом Эрнсте Юнгере автор биографии видит активного деятеля, участника событий эпохи больших потрясений, солдата, националиста, «консервативного революционера», которому свойственен динамизм и натиск, что хорошо прослеживается как в политической публицистике Юнгера, так и в круге его общения в Веймарский период. С течением времени и тех трагических переломов и в германской, и европейской истории всё больше проступает холодная отстранённость художника, постепенно теряющего всякий интерес к сфере политического. Большую роль в этой трансформации Доминик Веннер отводит приходу нацистов к власти, ощущению новой грядущей катастрофы Германии и Второй мировой войне, на которой гибнет сын немецкого писателя, оставляя глубокую рану в его душе. На этом историческом фоне происходит постепенный поворот Юнгера от «героического реализма», требующего активно противостоять всем трудностям и жестокостям современного мира, в более гуманистическую сторону. [5, С. 124] Доминик Веннер также отмечает, что возможно в преображении Юнгера сыграло роль осознание того, что он не имел для политики определенных внутренних ресурсов, поскольку он воплощал в себе прежде всего архетип политического романтика и интеллектуала, мыслителя-идеалиста, а для практического политика прежде всего требовались *«магнетизм трибуна, честолюбия и оппортунизма, бессовестности, полемического темперамента и таланта демагога, хитрости и жестокости в отношениях с противниками и конкурентами»*. [5, С. 181]

Вышедший после окончания Второй мировой войны во Франции роман Эрнста Юнгера «Мир» запомнился Веннеру своим призывом к примирению европейцев, и прежде всего французов и немцев, — идеей, которая позже станет одной из наиболее важных черт мировоззрения «новых правых» и ляжет в основание их метаполитической программы европейского единения. В этой связи взаимная симпатия франкофила Юнгера, хорошо знавшего французский язык и всегда живо интересовавшегося французской культурой, и «новых правых» может считаться показательным примером.

Важным моментом для Доминика Веннера является также то, что Эрнст Юнгер на протяжении своего жизненного и литературного пути являлся «сейсмографом» европейской истории. Энергичность его сочинений раннего периода хорошо коррелирует с динамикой германской истории первой половины XX века: «В стальных грозах», «Война как внутреннее переживание», «Тотальная мобилизация», «Рабочий. Господство и гештальт», в то время как период холодной войны — это прежде всего «Уход в лес», а *«последующий период исторической спячки Европы»* [5, С. 203] — роман «Эвмесвиль», в котором Веннер видит новый

тип или образ европейца, «*временно оказавшегося на обочине истории*». [5, С. 204] Как и у лидера «новых правых» Алена де Бенуа, речь идёт о фигуре Анарха, для Веннера она связана с позицией активного наблюдателя, который хоть и отказался от прямой борьбы и конфронтации, но тем не менее не чувствует себя побеждённым и, не имея возможности властвовать над миром, он властвует над самим собой. Эту фигуру основатель «новых правых» связывает уже с современным мыслящим европейцем, который, утратив возможность активного влияния на историю, перешёл на позицию холодного и отстранённого наблюдателя. Здесь хорошо прослеживается взаимосвязь уже с самими «новыми правыми», чья метаполитическая позиция дистанцированности от прямого участия в современной европейской политике очень схожа с описанным образом. Позиция «новых правых» в этом смысле — это позиция активного наблюдателя, стремящегося разобраться в происходящих вокруг событиях, в причинах и следствиях метаморфоз европейской истории. Показательно также, что фигура Анарха очень хорошо сочетается с идеей «аполитейи» у Юлиуса Эвола и в целом выражает взгляды «новых правых» по отношению к окружающей их политической реальности.

Влияние творчества и жизненного пути Эрнста Юнгера на движение европейских «новых правых» значительно не столько в плане заимствования каких-либо теоретических и философских концептов (в этом плане большую роль сыграл Карл Шмитт, другой деятель «консервативной революции»), сколько в самом стиле жизни Юнгера, в той форме, которую он волевым образом ей придал. Для «новых правых» Юнгер является несомненным образцом благородства поведения, на который могут ориентироваться новые поколения европейцев, персоной, которая благодаря «этике выправки» навсегда осталась в памяти европейской истории.

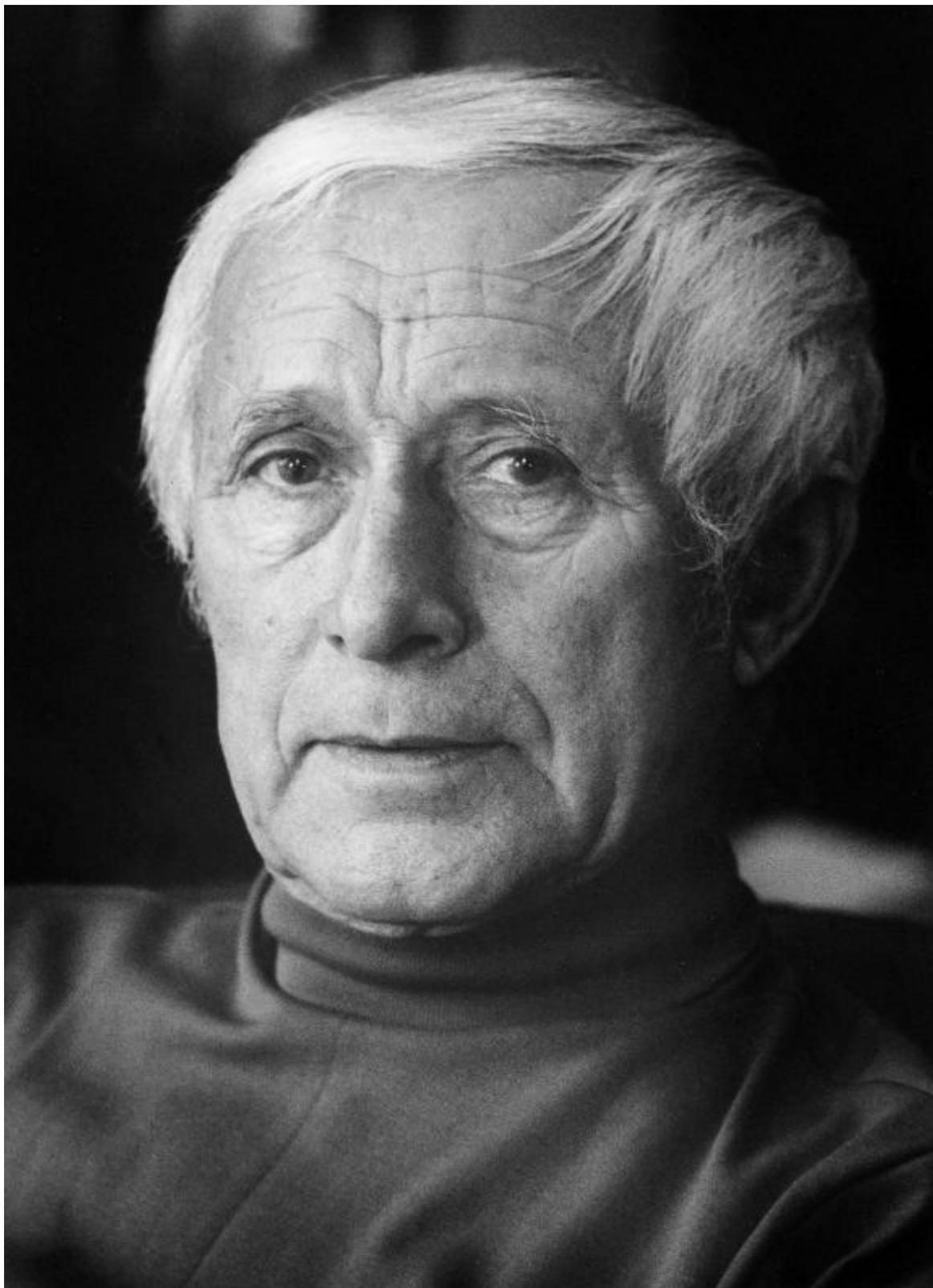
Библиографический список:

1. Bar-On T. Rethinking the French New Right: Alternatives to Modernity (Extremism and Democracy), Routledge, 2013. 280 p.
2. De Benoist A. Types et figures dans l'oeuvre d'Ernst Junger. Le Soldat du front, le Travailleur, le Rebelle et l'Anarque. [Электронный ресурс] URL:// https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/alaindebenoist/pdf/types_et_figures_dans_l_oeuvre_de_juenger.pdf (дата обращения 12.09.2019)
3. Nouvelle école, n°48. Ernst Jünger Paris: Editions du labyrinthe, 1996. 159 p.
4. Venner D. The Shock of History: Religion, Memory, Identity London:Arktos, 2015. 160 p.
5. Веннер Д. Эрнст Юнгер. Иная европейская судьба. М.: Тотенбург, 2019. 226 с.
6. Де Бенуа А. Традиция и консервативная мысль. М.: Тотенбург, 2017. 186 с.

Сведения об авторе:

Шупилов Никита Викторович, аспирант 3-го года обучения, Кафедра истории нового и новейшего времени, Институт истории, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». E-mail: nikita.shupilov@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru